

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРАЖДАНСТВЕННЫЙ СОЦИОЛОГ ПРОФЕССОР ПОПОВА

Минуло уже пять лет с тех пор, как Ирина Марковна Попова (3.03.1931 — 28.05.2008) покинула этот мир, который был объектом ее пристального интереса. Душевная рана заросла, родилась потребность запечатлеть образ духовно родственного человека. Память об ушедшем человеке как способ осмысления и организации жизни тех, кто остался, рождает поток сознания. Размышления о личности и жизни Ирины Марковны Поповой в профессии, в общении с людьми и обстоятельствах ее времени. Их я и предлагаю читателю.

1. ХАРАКТЕР

Характер — это совокупность человеческих качеств, которые образуют волевой статус личности; это — то, что личность предъявляет миру и посредством чего она выстраивает свои отношения с ним; это — то, что близко к константе. Характер — это судьба. Как известно, в критический момент апостол Петр трижды предал Христа, хотя искренно был убежден в своей любви к Учителю. Вряд ли это бросает тень на те ценности, которые проповедовал Иисус Христос. Но Петра это характеризует как слабого человека.

У Ирины Марковны Поповой были свои «моменты истины». Она совершала поступки, которые, подобно референтным точкам, обозначают прямую линию ее характера. Приведу три эпизода.

Эпизод первый. Будучи совсем молодым преподавателем, она оказалась в ситуации, которая могла сломать ей жизнь. Она отстояла себя. Дело было после 1956 года. В Москве с целью усиления борьбы с культом личности проводилось всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук. На нем в первый день с докладом выступил сам Суслов, могущественный секретарь ЦК, серый кардинал, главный идеолог страны. Он привел примеры неизжитости культа личности в преподавании и среди других назвал имя Ирины Марковны. Участником совещания был муж Поповой Леонид Николаевич Курчиков, заведовавший тогда кафедрой Одесского института связи. Поскольку это было время зимних каникул, то Ирина Марковна поехала в Москву вместе с ним поработать в Ленинской библиотеке. Можно себе представить ее состояние, когда на ее вопрос «Ну, что там сказал Суслов?» он ответил: «Он говорил о тебе». Будто бы она в своей лекции воспроизвела сталинское понимание соотношения революции и эволюции. У нее действительно на лекции по диамату присутствовал член комиссии ЦК КПСС, преподаватель из МГУ

некто Кузьмин. Так ведь после лекции он похвалил ее: мол, так и нужно читать. Что делать? Она принимает решение. На следующий день проходит сквозь заслоны в зал заседания и просит слова. Ей не дают. И когда совещание уже закрыли, люди встали с мест и направились к выходу, она выбежала на сцену и громко выкрикнула: «Товарищи! То, что произошло со мной, может произойти с каждым из вас. Прошу всех сесть и выслушать меня». Люди остановились. Кто сел, кто слушал ее стоя. Она стала быстро рассказывать, как было на самом деле, а в конце заявила, что то, как обошлись с ней, и есть рецидив культа личности. Когда она сошла с трибуны, в зале возник большой шум. Вокруг нее забегали номенклатурные мальчишки, стали расспрашивать. На следующий день ее вызвали в ЦК для объяснений.

А в это время в Одессе уже сидела комиссия из Киева и буквально шерстила кафедру философии Одесского университета. Они забрали для изучения все, что было написано Ириной Марковной. К счастью, была стенограмма той ее открытой лекции, на которой присутствовал Кузьмин. Кончилась эта история тем, что ее вызвали в обком партии и сказали, что звонили из ЦК и просили перед ней извиниться.

Эпизод второй. Укрывательство «врага режима». Однажды вечером к ним в дверь постучали. На пороге стоял Рой Медведев почему-то в наклеенных усах. Вопросительно на них посмотрел. Медведев был их однокашником по философскому факультету Ленинградского университета. Они дружили со студенческих времен, поэтому очень обрадовались ему. Он объяснил и попросил спрятать его от кэббистов. Они поселили его в своем дачном домике, который снимали в Холодной балке. Он там довольно долго жил, несколько месяцев. В беседе с Л.Н. Курчиковым я затронул этот эпизод.

АВТОР: *Вы прятали у себя на даче Роя Медведева. Не боялись, что вас могут серьезно наказать, лишить работы, исключить из партии и даже посадить за укрывательство диссидента?*

Л.Н.: Мы как-то не задумывались, что это может нас коснуться.

АВТОР: *Почему?*

Л.Н.: (после паузы) ...Ну, не боялись и все. Тогда он написал первую серьезную книгу о культе личности «К суду истории» и передал ее к публикации на Запад. Он почувствовал, что над ним сгустились тучи, и решил на время исчезнуть из Москвы, пока книга не выйдет в печати.

АВТОР: *Извините, разве публикация книги на Западе гарантировала от репрессий? По-моему, с этого все начиналось, если вспомнить Пастернака.*

Л.Н.: Гарантировала. Во всяком случае, он так считал. У него были связи с итальянскими коммунистами. Он на них рассчитывал. Как только его книга вышла на Западе, он вернулся в Москву. Тогда председателем КГБ был Андропов. Насколько я вспоминаю разговоры с Роем, он эту книгу воспринял положительно. Впрочем, за квартирой Роя было установлено постоянное наблюдение. На лестничной площадке дежурил офицер КГБ. У них со временем возникли дружеские отношения. Галя, жена Роя, приглашала его обедать.

Эпизод третий. Письмо в газету 19 августа 1991 года. Оно было напечатано 20 августа в газете «Знамя коммунизма» под заголовком «С точки зрения социолога», хотя ничего социологического не содержало. Это был гражданский протест против установления в стране режима ГКЧП. Ирина Марковна назвала вещи своими именами: это военный переворот, незаконная, неконституционная акция. И заявила: «Считаю, что единственным верным ответом этой преступной акции является ненасильственное гражданское неповиновение самозваной власти» (Попова 2011: 538).

Более суровый экзамен на гражданское мужество трудно себе представить. Я помню те три роковых дня. Все оказались перед выбором. Украина замерла в замешательстве. Кравчук в Киеве струсил, «завилял хвостом». Потом, задним числом, он выдавал свою позицию за верх государственной мудрости. Главный начальник в Одессе Руслан Боделан играл роль великого немого. Среди известных людей, с положением так публично и решительно, как это сделала Ирина Марковна, протестовали единицы.

Беседуя с близкими и хорошо знавшими Ирину Марковну людьми, я задавал им всем один и тот же вопрос: какие черты характера И.М. доминировали в ней? Вот как они на него отвечали.

Леонид Николаевич Курчиков:

— Главная черта, наверное, — это равнодушие к той действительности, в которой она оказывалась, начиная с учебы в университете и кончая ее деятельностью в Одессе. Особенно это качество ярко проявилось в ней в годы «перестройки». Как только начал рождаться Рух — он же рождался в Институте философии в Киеве — она активно включилась в его работу, а как только он начал становиться националистическим, резко отошла. Потом история с ГКЧП... Ирина Марковна активно реагировала на события. Это выливалось в статьи, научные и, в первую очередь, публицистические.

С моей точки зрения, она относилась к себе очень критически. В 90-е годы ей прислали письмо из Нью-Йоркской академии наук с предложением стать ее членом. Там, между прочим, вступительный взнос 100 долларов, потом годовые взносы... Она написала письмо Владимиру Шляпентоху, в котором спросила его, что представляет собой Нью-Йоркская академия наук. Мы быстро получили ответ. Он написал, что это вроде клуба собаководства. (Смеется). Многие клюнули на это «заманчивое» предложение. Например, Уёмов¹ не удержался. (Мы оба смеемся).

Галина Петровна Бессокирная²:

— Думаю, самая главная черта — любовь к людям. Она была внимательной и доброжелательной не только к своим друзьям, не только к сотрудникам,

¹ УЁМОВ Авенир Иванович (1928—2012) — д-р филос. наук, крупный советский логик, специалист в области теории систем, неформальный лидер одесских философов.

² БЕССОКИРНАЯ Г.П. — канд. эконом. наук, ученица и соавтор И.М., ныне живет и работает в Москве, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

но и ко всем людям, которые к ней обращались за помощью или советом. И, конечно, глубокий ум. Больше я такого среди наших социологов не встречала, к большому сожалению. И, пожалуй, принципиальность. Эта принципиальность вполне органично сочеталась с доброжелательностью. Очень редкий случай, по-моему.

Эмма Августовна Гансова¹:

— У нее в характере был только один план, и эта однозначность немножечко раздражала. В отношении к людям, например. Сколько приходилось говорить: «Ирина Марковна, человек — это сложный, внутренний мир. Сразу человека не узнаешь». Нет, она не менялась. Она не видела многообразия сторон и цветов в человеке. Она, наверное, имела права на прямолинейность. Это было в ее характере. При этом ее нельзя обвинить в том, что она могла себе позволить какие-то неблагоприятные поступки по отношению к людям, которые ей не нравились. Если ей кто-то не нравился в научном или моральном плане, она открыто говорила это, и человек знал ее отношение.

Николай Трофимович Щербань:

— Ирина Марковна Попова — мой кумир. Во-первых, человек фантастической порядочности; во-вторых, она была очень смелым человеком и позволяла себе даже в худшие времена говорить то, что думала; в-третьих, она была естественным человеком во всем, прежде всего в общении с людьми.

Она регулярно заходила к нам в редакцию. Высказывалась по поводу опубликованных материалов. Иногда упрекала меня в недосказанности или нежелании обострять. Я ей говорил, что если бы я не смягчил и пошел «до конца», то партком мог мне «объявить импичмент». Она часто говорила мне, что «у меня такое впечатление, что я работаю сама на себя. То, что мы делаем, никому не нужно. Ту информацию, которую мы получаем в ходе исследования, кладут «под сукно». Глас вопиющего в пустыне».

Она, между прочим, очень болезненно отреагировала на развал Союза. Человек до мозга костей демократичный, понимающий фатальные пороки системы партийной номенклатуры и прочие оковы тяжкие, она тем не менее была как-то удручена исходом. Как я сейчас понимаю, она отдавала себе отчет в тяжких последствиях этого развала для миллионов простых людей. Поэтому приняла ту ситуацию близко к сердцу и очень переживала за случившееся.

В моральном плане она была бескомпромиссной. Она не могла простить нечестности и, тем более, предательства. Не каждый может себе позволить такую позицию. Какой силы воли и убеждения надо быть, чтобы на корню отрицать оппортунизм и конформизм в человеческих отношениях! Когда нам удавалось встретиться и переговорить о событиях университетского масштаба, она никогда не позволяла себе негативно отзываться о людях, сплетничать.

---

¹ ГАНСОВА Э.А. — ученица И. М., доктор филос. наук, профессор

Оценки людям давала, но речь шла о принципиальных вопросах, о деле, а не о том, кто, когда и с кем.

Что правда, то правда: Ирина Марковна не прятала своего отношения к людям и не дипломатничала. Люди ее побаивались и замирали, когда она шла к трибуне выступать, будь то партийное собрание или специализированный совет по защите диссертаций. Когда Э.А. Гансова принимала поздравления после успешной защиты кандидатской диссертации, Ирина Марковна, ее научный руководитель, подошла к ней и сказала: «Эмма, но ведь ты не думаешь что у тебя хорошая диссертация?» На защите ее первого аспиранта Анатолия Николаевича Яценко, когда очередь дошла до научного руководителя, Ирина Марковна сказала, что считает диссертацию еще не готовой, что вызвало замешательство у членов совета. Очевидно, что в таких случаях характер Ирины Марковны одерживал верх над ней самой. И все-таки, справедливости ради, должен заметить, что Ирина Марковна менялась с годами, становилась мягче, снисходительнее к слабостям людей, мудрее. Михаил Борисович Кунявский¹ на мою реплику: «У Ирины Марковны была репутации жесткого человека, который никогда не прощал человека, совершившего неблагоприятный поступок», возразил: «Нет, Ирина Марковна прощала. Могу привести пример, не называя имени. Этот человек и сейчас работает. Ирина Марковна порекомендовала его статью в солидный журнал. Оказалась, что эта статья полностью передрана из западного журнала, плагиат. Ирина Марковна была вне себя, «рвала и метала». Но прошло время, и она успокоилась, конечно, уже никогда за него не ручалась, но у них были нормальные отношения коллег».

Одна из последних аспиранток Поповой Ирина Чапская поделилась со мной: «Ирина Марковна мне как-то рассказала, что она смотрела интервью с оперной певицей Галиной Вишневской. На вопрос, о чем вы жалеете в жизни, певица сказала: «О том, что обидела многих людей». И вот Ирине Марковне была близка эта мысль. Она мне не раз об этом говорила. Видно, она раскаивалась».

Из беседы с Нелли Александровной Победой²:

— У многих известных украинских социологов она была оппонентом. Во-вторых, она была членом ученого совета академического Института социологии. Она имела репутацию принципиального оппонента. Впоследствии став мэтрами, эти молодые люди признавались, что когда она выступала, то они напрягались и прижимали уши, поскольку знали, что она выкопает в их

¹ КУНЯВСКИЙ М.Б. — ученик, многолетний сотрудник и соавтор И.М., канд. филос. наук, доцент.

² ПОБЕДА Н.А. — д-р филос. наук, профессор кафедры социологии Одесского национального ун-та им. И.И. Мечникова

работах нечто такое, что ими не было учтено или хотели не заметить другие, и обязательно об этом скажет. В ее правдивости не было никакой политики. Они слегка робели перед ней, но знали, что если она что-то сказала, то за этим стоит что-то существенное, что надо учесть с пользой для себя. Поэтому со временем они оценили эту возможность получать нелицеприятные оценки. Вот эта роль непререкаемого авторитета, которую Ирины Марковны играла в украинской социологии, была, мне кажется, самой важной, поскольку всегда нужно иметь некий норматив хотя бы для того, чтобы знать, к чему надо стремиться.

Авторитет И.М. Поповой среди коллег основывался в немалой степени на том, что они знали ее характер: она не стерпит несправедливость и не пойдет на сделку со своей совестью. Поэтому ее неизменно избирали членом комиссии по этике Социологической ассоциации Украины, главной организации профессионального сообщества украинских социологов, почетным членом которой она была. А после рейтингового скандала 2004 года, о котором я подробно расскажу позже, на VI (внеочередном) съезде САУ в 2007 году она единогласно была избрана председателем комиссии по профессиональной этике и возглавляла ее вплоть до смерти. Знавший Ирину Марковну с университетской скамьи классик советской социологии профессор Владимир Александрович Ядов назвал эту хрупкую женщину «рыцарем без страха и упрека». По-моему, это исчерпывающая характеристика.

Оглядываясь на свою жизнь, Ирина Марковна сказала: «Почему я жила именно так, а не иначе — я не задумывалась. Я делала именно то, что мне хотелось, и этим была счастлива». Так бывают счастливы люди, которые живут в согласии со своей совестью.

2. КОМСОМОЛЬЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ

Биография И.М. Поповой хорошо известна. С детства она была «правильной девочкой». Закончила школу с золотой медалью и университет с красным дипломом. В годы учебы в университете была комсомольской активисткой. Ее память навсегда сохранила атмосферу студенческой дружбы, товарищества, заинтересованности в судьбе страны. Коллективизм несколько не угнетал, не давил на личность, но помогал жить в условиях послевоенного сурового быта. Нынче другое время и другие нормы отношений. В этой связи Ирина Марковна в интервью по случаю своего 75-летия (2006) заметила: «Мы знали о бедах наших товарищей по группе, старались помогать друг другу. Сейчас, работая со студентами, я недоумеваю: как можно, чтобы кто-то по месяцу не ходил на занятия, а его товарищи по группе понятия не имели, в чем дело, нужны ли помощь и поддержка. Поистине — другая эпоха!» (Попова 2011: 33-34).

Дополнительные подробности о времени комсомольской молодости Ирины Марковны поведал в нашей беседе **Л.Н. Курчиков**.

АВТОР: Когда Вы и Ирина Марковна учились в Ленинграде на философском факультете, какая атмосфера царила на этом факультете? Какое настроение было у студентов разных курсов?

Л.Н.: Я поступил сразу после войны, в 1946 году, Ирина Марковна на два года позже. Ректором был у нас брат члена Политбюро Вознесенского. Позднее их обоих репрессировали по «Ленинградскому делу» и расстреляли. Когда я демобилизовался из армии, занятия в университете уже начались. Я не хотел пропускать год и пошел на прием к ректору. Он выслушал меня и написал на моем заявлении резолюцию: «Зачислить экстерном». После успешной сдачи сессии меня перевели на стационар.

Настроение у нас, я считаю, было хорошее. Мы довольно активно участвовали в комсомольской работе. Ирину Марковну сразу выбрали комсоргом группы. У нас не было никакого преклонения перед авторитетами. Тогда началась «борьба с космополитами». Начали убирать преподавателей-евреев с факультета. И мы очень переживали, что самые грамотные люди оказались вне факультета. В частности, Виктор Александрович Штофф¹, который был руководителем дипломной работы Ирины Марковны, потом профессор Свидерский... В общем мы открыто говорили, что недовольны такой деятельностью.

АВТОР: И вы не боялись, что могут кого-то исключить?

Л.Н.: Нет. Впрочем, декан, бывший партийный работник, снял меня со сталинской стипендии за подобные разговоры.

Их так воспитывали, что они не испытывали страха перед возможными обвинениями в ревизионизме, не видели необходимости в том, чтобы постоянно соразмерять свои действия с мнением руководства. Надо иметь в виду, что это поколение вступило в активную трудовую жизнь в период «оттепели». Хочу подчеркнуть, что Ирина Марковна никогда не диссидентствовала и даже не сочувствовала им. Но она была из поколения «шестиде-

¹ ШТОФФ Виктор Александрович (1915—1984) защитил кандидатскую диссертацию по истории русской философии (посвящена философским взглядам М.А. Антоновича) в 1948 году. Будучи доцентом философского факультета, Виктор Александрович переключился с истории философии и увлеченно работал над проблемами теории познания и методологии науки. Он издал две монографии «Роль моделей в познании» (1963) и «Моделирование и философия» (1964). Новизна предложенных им решений привлекла зарубежных издателей, и в 70-годах появляются переводы его монографий на немецком, венгерском, польском и болгарском языках. Ссылки на работы Штоффа становятся весьма распространенными как в американско-европейской литературе, так и в работах отечественных философов. На основе исследований по методологии научного познания Виктор Александрович в 1964 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1965 становится профессором философского факультета. Вся жизнь В.А. была связана с философским факультетом Ленинградского университета. Характерна оценка, данная ему его учеником Ю.М. Шилковым: «Бесспорно, Виктор Александрович Штофф являлся одним из научных лидеров многочисленного сообщества питерских философов. Он символизировал собой, может быть, не столько предметную близость их научных поисков, сколько высокий нравственный дух и этику философского творчества и философской педагогики» (URL:http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/shtoff_shilkov.htm).

сятников», коммунистов-романтиков и гордилась этим. Она была, как и Ядов, и Фирсов, из комсомольской среды. Заботясь об исторической правде, В.А. Ядов заявил: «Самое опасное, что подстерегает нас сегодня при воссоздании истории, — это давление конъюнктуры. <...> Одна из конъюнктурных вещей — попытка увидеть в истории советской социологии диссидентов, борцов, «сахаровых в социологии». Можно найти двух-трех таких человек (как «полудиссидент» Андрей Алексеев). В основном же те имена, которые упоминаются в истории, вряд ли можно подверстать «под диссидентов». Это лужная схема, это конъюнктура» (Ядов 1999).

А.Г. Здравомыслов вторит: «Должен сказать, что я никогда себя в диссиденты не записывал... Но основная личная проблема в науке для меня была следующая — пройти по грани, так сказать, быть на грани дозволенного. Я где-то рисковал, где-то перебирал и оказывался в ситуации поражения, где-то иногда выигрывал и оказывался в ситуации продвижения, но во всяком случае, благодаря всему этому я стал достаточно хорошо понимать работающие механизмы власти» (Здравомыслов 1998).

Другое дело, что социология как наука вскрывала нелицеприятные для власти вещи и вообще стала возможной в СССР благодаря XX съезду партии (1956), давшему начало поколению шестидесятников. Тот же Здравомыслов отметил: «... вся наша социологическая деятельность была тесно связана с общим политическим климатом, большей свободой» (Там же). «Мы все, находящиеся у истоков советской социологии, действительно, были шестидесятниками», — это уже слова самой Ирины Марковны (Попова 2011: 61).

Она увлеклась социологией, можно сказать, случайно. Л.Н. Курчиков просматривал в Ленинской библиотеке литературу и обратил внимание Ирины Марковны, что есть много работ по психологизму в американской социологии. Она заинтересовалась, стала читать. Сама Ирина Марковна отмечала, что ее «приход» в социологию связан с именем Ю.А. Замошкина¹. «Случайно мне попала его небольшая брошюра, которая, помнится, называлась «Психологическое направление в современной буржуазной социологии». Это было во второй половине 1950-х годов. И все последующие вояжи в Москву я совмещала с поисками англоязычной литературы на эту тему» (Попова 2011: 38). В результате Ирина Марковна подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Психологизм как характерная черта современной американской

---

¹ ЗАМОШКИН Юрий Александрович (1927—1993) — специалист в области социологии и социальной философии; доктор филос. наук, проф. Окончил в 1950 МГИМО. В 1952—1967 — проф. этого ин-та. С 1967 работал в АН СССР, с 1975 — зав. отделом Ин-та США и Канады. Основные направления исследований: история социологии; современное состояние социологии; филос. и социологические проблемы индивидуализма, личности, прав, свобод, ответственности человека; бюрократия и личность, общественное мнение, его структура, изменения, принципы изучения и роль в общественном сознании; частный интерес, частная жизнь, частная собственность; бизнес и мораль. З. внес заметный вклад в отечественную американистику. Признанный в Америке исследователь, он был почетным гражданином ряда штатов и городов США.

социологии». Защита состоялась в МГУ в феврале 1961 года. Ее научным руководителем был Теодор Ильич Ойзерман¹.

В ходе работы над диссертацией Попова познакомилась с Ю.А. Замошкиным. Она с ним активно общалась в 60-е годы. Часто их беседы проходили совместно с Эрихом Соловьевым, иногда присутствовал Мераб Мамардашвили. Часто бывая в Москве, Ирина Марковна старалась попасть на семинары Юрия Левады и Георгия Щедровицкого. В Одессе ее увлек своим системным подходом переехавший в 1964 году из Иваново молодой доктор наук Авенир Уёмов. Такое общение с талантливыми философами, незаурядными мыслителями явно пошло ей на пользу, развило в ней вкус к теории, без которой социология становится наукой незрячей.

Всматриваясь в то поколение комсомольцев-добровольцев, оценивая его энтузиазм и романтический настрой на то, чтобы приносить реальную пользу стране, изучая биографии ее коллег по цеху, мотивацию их прихода в социологию, начинаешь понимать, что случай, который привел Ирину Марковну Попову в социологию, не был слепым, а был, что называется, формой проявления закономерности.

3. ИЗ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

У нас, одесских, особенная гордость. Она — провинциального свойства, хотя одесситы в этом серьезно сомневаются. Читаю слова статьи-некролога: «16 ноября 2006 года скончался крупнейший российский социолог, два раза воссоздававший социологию из фактического небытия, — Юрий Левада». Лев Гудков в интервью повторил, что Юрий Александрович Левада «дважды восстанавливал разгромленную властью социологию».

Ю.А. Левада — конечно, фантастический человек, но... все же позвольте выразить удивление. В этой связи М.Б. Кунявский сказал мне: «Левада — серьезный мужчина, хороший профессионал и любопытный теоретик, но из него левадовцы делают бога, который раз сотворил социологию, два... Нет, когда отпустили социологию в плавание, ее можно было прекратить только человеку типа Сталина. А откуда в 60-70-е годы Сталин? Во-вторых, социология была в какой-то степени полезна режиму, тем же социальным планированием всерьез занимались. В-третьих, она играла декоративную роль».

Ирина Марковна Попова создала свою исследовательскую группу в Одесском университете в 1969 году. Именно в том году, в ноябре, после

¹ ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич (род. 1 (14) мая 1914) — крупный советский философ-марксист, специалист по истории философии и теории познания. Доктор философских наук (1951, тема «Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года»), профессор (1953), член-корреспондент АН СССР (1966), академик АН СССР (1981; с 1991 — РАН). Основные работы посвящены немецкой классической философии и истории философии марксизма. Среди его аспирантов — М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенков, П.П. Гайденок, Д.М. Гвишиани и др.

«обсуждения» курса лекций по социологии Ю.А. Левады в Академии общественных наук, ему запретили их читать на факультете журналистики МГУ. Далее, не сразу, последовали и другие оргмеры, которые оцениваются как погром социологии. Отдел Левады в Институте социологии АН разогнали в мае 1972 года. Между тем группа одесских социологов под руководством И.М. Поповой все «серые» семидесятые годы проводила широкомасштабные социологические исследования на промышленных предприятиях страны, даже не подозревая, что ее, социологии то есть, не стало.

Спустя три десятилетия Ирина Марковна отмечала, что столичная социология «особенно была подвержена давлению «сверху» и чувствительна к очередным колебаниям официальной линии партии». «На периферии, — объясняла она ситуацию, — запросы были меньше, да и инерция почтительного отношения к социологии со стороны властных структур более устойчивой. Мы, например, не подвергались особому давлению и были свободны в своем выборе и исследовательских пристрастиях. Все 1970-е годы и позже работали с интересом и вполне эффективно. Да не только мы. Многие «периферийные» группы работали весьма успешно, на достаточно высоком уровне. Из тех, кто не был тогда «на слуху», назову, например, куйбышевских (самарских) социологов. Побывав у них, познакомившись, в частности, с Б.Г. Тукумцевым, нашла там много интересного и полезного для нас» (Попова 2011: 51). Оценивая то время, Ирина Марковна выражала удивление тем, как много удалось сделать, какую хорошую социологию наработали в условиях «тоталитарного строя».

* * *

Ирина Марковна принадлежала к советским социологам первого поколения. Это значит, что она стояла у истоков этой науки в СССР. Замечательная особенность ее тогдашнего положения заключалась в том, что она становилась социологом одновременно со становлением социологии в СССР. Образно говоря, она приняла участие в строительстве дома, в который потом въехала. В этой связи В.Э. Шляпентох отмечал: «Среди «отцов-основателей» было много ярких и смелых людей, которые предпочли пуститься в плавание в достаточно рискованные воды социологии — новой и подозрительной науки — вместо того, чтобы делать карьеру в привычных для советского уха дисциплинах, таких как марксистско-ленинская философия, история, изучавшая прошлое в терминах, предписанных истматом, или политическая экономия» (Шляпентох 2007). А еще это означает, что Попова и ее коллеги по новому поприщу — Ядов, Здравомыслов, Левада, Кон, Грушин, Андреева, Шкаратан, Заславская, Харчев и др. — были самоучками.

Один из них Овсей Шкаратан из Питера вспоминал: «...у меня была мечта: понять, что такое русский рабочий. Именно это стало толчком, а не идея

социологии как науки, как это было у таких людей как Здравомыслов, Ядов, Левада, Грушин, Кон, Заславская». И еще: «Надо было помогать руководству, потому что было понятно только одно: в новой ситуации никому ничего не понятно. Это примерно то самое, о чем потом Андропов сказал: «Мы не знаем страну, в которой живем». А мы это поняли еще после смерти Сталина» (Шкаратан 2009).

Молодые социологи чувствовали себя *советскими* учеными. «Дух XX съезда» поддерживал их критический настрой и одновременно романтический пафос первооткрывателей. Они, как учила Партия, стали с оптимизмом «шестидесятников» преодолевать выпадающие на их дороге препятствия, в том числе и косную, догматическую власть. Р.В. Рывкина отмечала: «Социология оказалась частью более широкого движения «деидеологизации» общественных наук, их переориентации на реальную жизнь, на проблемы реальных людей. Эта задача не могла не увлечь. Не случайно в те годы в социологию пришло много людей других специальностей — математики, инженеры, лингвисты, историки, философы, географы» (Рывкина 1999). На вопрос, какое все-таки научное достижение вы считаете самым главным в своей биографии, А.Г. Здравомыслов ответил так: «Если говорить очень обобщенно и коротко, то я считаю главным достижением то, что я избрал социологию как поприще своей деятельности. Это позволило совершить своего рода переход к иной методологии мышления — от абстракций, принимаемых на веру, к конкретному исследованию реальности» (Здравомыслов 1998).

Итак, с одной стороны, неудовлетворенность слишком абстрактным и догматическим истматом, а с другой стороны, страстное желание молодых поучаствовать в практике строительства нового общества, если хотите, социализма с человеческим лицом — вот что питало энтузиазм социологов первого призыва.

* * *

Чем занималась, чем конкретно жила Ирина Марковна в те годы, когда социология в Москве и Ленинграде испытывала серьезные притеснения со стороны идеологических органов? Об этом мы говорили с профессором Эммой Августовной Гансовой¹.

Э.А.: Я никогда не забуду тот практический опыт, который мы получили, бегая по потрясающим заводам, которые стали базой для отечественной социологии. Это были мощные заводы, работавшие на Союз, — Кислородмаш, Прессмаш.

АВТОР: Какое впечатление произвели на вас рабочие?

Э.А.: Это был шок. Дело в том, что интерес к социологии подогревало то обстоятельство, что она несла в себе мощный критический заряд. Вроде наши социологи работали в рамках партийных структур, но избавиться от

¹ Беседа состоялась в мае 2011 года.

критичности, присущей социологии, было нельзя. И вот открытием для нас было то, что рабочие в цехах высказывались охотно и невероятно критично. И даже ударники коммунистического труда. Меня это очень удивляло. Правда, мы это особенно не афишировали. Нас интересовали вещи, связанные с научной организацией труда, с оплатой труда. Но вот уровень неудовлетворенности руководством зашкаливал уже тогда. Это решительно расходилось с общей картиной, которую нам внушали идеологи.

АВТОР: *Есть мнение, что советская социология «выросла» в той или иной мере на переведенных западных работах. Так, В. Шляпентох писал: «Я утверждаю, что все лучшие советские социологи, там, где они не придумывали концепции, ныне абсолютно забытые, были в теории <...> вплоть до 1991 чистые ученики Запада». Вы согласны с ним?*

Э.А.: Полностью.

АВТОР: *Если это так, если наши социологи чувствовали себя всего лишь учениками, отставшими на десятилетия от уровня западной социологии, то не испытывали ли они и, в частности, Ирина Марковна, комплекс неполноценности, чувство дилетантизма? Тот же И.С. Кон в нашей социологии получил известность благодаря хорошему знакомству с западной социологической литературой и ориентировал наших, что и каких авторов читать. Ядов учился во Франции. Как я понимаю, когда Ирина Марковна и ее коллеги по лаборатории в начале 70-х начинали работать, то они практически были на нуле. То есть они становились социологами в процессе работы, овладевая социологическими методами, навыками составления анкет, проведения опросов и математической обработкой полученных данных.*

Э.А. Совершенно верно. Но дело в том, что западная социологическая классика не пользуется количественными методами. У них гремучая смесь философии и социологии. При этом идет постоянная смена модных течений. Возьмите книгу Рицера «Современная социологическая теория», где он рассматривает всю западную социологию. Там количественные методы вообще не фигурируют.

АВТОР: *А что же там есть?*

Э.А.: С моей точки зрения, там философия, которую они называют социологией, то есть философия общества, и там сильное увлечение методологией. То есть современная модная социология (феноменология и прочее) обсуждает методы.

АВТОР: *Я понял. На Западе институты Гэллага, Харриса и прочие частные фирмы занимаются опросами общественного мнения по заказам, а социологи пользуются уже готовыми результатами их работы, «не опускаясь» до технического сбора данных. А наши социологи занимаются и эмпирическими исследованиями, и их интерпретациями.*

Э.А.: Ну, вот как интересно! Наверное, поэтому там образовалась социологическая аристократия. Когда имеешь дело с англоязычными социологами, у них на языке только «методы». И наши молодые исследователи пошли вслед за ними. В авторефератах соискателей сегодня слово «методология» ушло, зато

широко употребляются «методы». При этом, когда наш «здобувач» перечисляет методы, которыми он пользуется, он пишет: теория такая-то, теория такая-то... Если ты опираешься на теорию, это метод или методология?

АВТОР: У нас есть два слова, которые разводят методологию как научные принципы исследования и методы как конкретные инструменты достижения научных целей. Это — «методология» и «методика».

Э.А.: Короче говоря, здесь образовалась полнейшая путаница именно по вине западных социологов. Я, например, считаю, что достижения отечественной социологии гораздо интереснее современной западной. Наша социология намного ближе к реальности. Взять хотя бы питерскую школу, новосибирскую школу. Я их ставлю на голову выше «западников». Да, мы у них учились социологическому видению. Но наши школы не витают в абстракциях, как западники. Они втянулись в реальность, не отрываются от нее, а с другой стороны демонстрируют качественный уровень философствования. У нас критическая ориентация социологии развивалась. Социология не только исследует, но и вторгается в жизнь. Это наше достижение. На Западе этого нет. Там процветает социальное философствование на абстрактном уровне.

Количественные методы тоже очень любопытны. Они открывают новые возможности для выводов. Они ставят заслон банальности. Я не могу слушать политологов вроде Фесенко, потому что они говорят банальности. За их утверждениями не стоит никакой информации, кроме их собственного мнения. Я когда слушаю Фесенко, не могу понять, чем он отличается от соседки бабушки? Примитивные прогнозы, основанные на «я так думаю». Двадцать первый век на дворе. Колоссальное развитие получили методы моделирования, статистики, а тут такой уровень. И их преподносят как экспертов. А вот количественные методы позволяют социологам уйти от тривиальности. Меня не интересует рейтинг Януковича. Меня интересует, почему у него такой рейтинг. А чтобы ответить на этот вопрос, мне для этого нужно сделать то, что мы называем «факторный анализ». Я и так знаю, что Восток и Запад Украины расходятся, но мне нужно знать точно, какова дистанция расхождения. Мне нужно измерить ее. Я не имею права говорить на уровне обыденного сознания.

Можно без натяжки утверждать, что советская прикладная социология родилась в цехах крупных заводов. «Дичок» прошел опыление западной теоретической социологией и далее уже развивался в своей среде, по своей внутренней логике и со своей повесткой. Практически одновременно на территории Советского Союза возникло несколько социологических школ, каждая со своим оригинальным лицом. Но, главное, свою работу они подчинили принципу: «Социология существует не для того, чтобы что-то абстрактно познавать, а чтобы помогать людям, экономическим системам, чему угодно» (Шкаратан 2009). Такая целеустановка плюс государственная поддержка, возможность масштабных полевых исследований в гигантской стране подняли советскую социологию на уровень социального института, позволили добиться результатов мирового уровня.

В развитие этой темы я задал несколько вопросов старшему научному сотруднику Института социологии Российской академии наук **Г.П. Бессокирной**¹.

АВТОР: Некоторые социологи, уехавшие из СССР в эмиграцию, мотивировали это тем, что «я лучше буду мыть стекла в Колумбийском университете, чем работать профессором в Ленинградском, настолько стало тошнить в какой-то момент...» Как чувствовала себя Ирина Марковна в 70-80-е годы в провинции, она не задыхалась от отсутствия свободы и интеллектуального общения с профессионалами, не жалела о своей удаленности от социологических центров страны?

Г.П.: Ирина Марковна чувствовала себя нормально. Тогда Одесса не была удалена от социологических центров страны. Все ездили и общались, сколько хотели плюс всякие конференции. Ирина Марковна активно участвовала в работе Советской социологической ассоциации, ездила регулярно на все ее мероприятия. Слова «задыхалась от отсутствия свободы» мне не понравились. Мы работали, а это — главная свобода.

АВТОР: С кем из ведущих социологов страны Ирина Марковна поддерживала личные отношения? С Заславской, Ядовым, Грушиным, Шкаратаном... Какой характер носили эти отношения?

Г.П.: И с целым рядом других также. Например, ее долгие годы связывали тесные отношения с Е.А. Якубой из Харькова, регулярно она общалась с такими киевскими социологами как Черноволенко, Оссовский, Хмелько. Из советских социологов можно добавить Н.И. Лапина, В.Г. Подмаркова, В.Д. Патрушева, Г.С. Батыгина. В последние годы она интенсивно переписывалась с А.Г. Здравомысловым, И.В. Рывкиной, В.Э. Шляпентохом. Т.И. Заславская всегда с уважением относилась к Ирине Марковне. Я как-то была у нее дома по поручению Ирины Марковны, и она передавала ей приглашение на ежегодную конференцию «Куда идет Россия?..» Но, насколько я знаю, И.М. туда не поехала. По ее просьбе Татьяна Ивановна написала рекомендательное письмо Вите Моину, когда он уезжал на ПМЖ в Израиль. Его забирали я и Сережа Варламов (он отвозил его в Одессу). Об отношениях с В.А. Ядовым подробно писала сама Ирина Марковна. Ее рассказ был опубликован в специальном выпуске «Социологического журнала» к 75-летию В.А. Ядова и повторен в книге «Vivat, Ядов» к его 80-летию. Еще могу добавить, что Владимир Александрович всегда соглашался оппонировать диссертации наших сотрудников (Максименко, Моин, Кунявский). Нередко приезжал в Одессу после разных международных форумов и выступал, порой, только у нас в секторе. Грушина Ирина Марковна очень уважала за его исследования в Таганроге. Посылала М. Синиченко на несколько месяцев на стажировку к нему в отдел в 1972 году. Позже, когда Грушин был во ВЦИОМе, мы также с ним общались. По-моему, было даже Одесское отделение ВЦИОМа. Первую анкету по общественному мнению нам напечатали в их типографии. К О.И. Шкаратану в его лабораторию в Ленинграде мы также ездили. Он, в свою очередь, приезжал к нам в Одессу и выступал в здании около

¹ Ответы Г.П. Бессокирной на мои вопросы датированы ее письмом от 21 окт. 2011 г.

Дома ученых (забыла, как оно называется). Уже позже мы с Ириной Марковной без всяких проволочек опубликовали статью в его журнале «Мир России».

Подтверждение слов Г.П. Бессокирной мы находим в воспоминаниях самой Ирины Марковны: «...мы были в курсе происходящего на общем «социологическом фронте». Я часто приезжала в Москву и в Ленинград, знала об исследованиях, проводимых сектором Г. Осипова, с сотрудниками которого неоднократно общалась (еще тогда, когда они размещались на Волхонке, и потом, когда переместились на Писцовую). В тот период и в дальнейшем я (а потом и члены нашей социологической группы) поддерживала тесную связь с ленинградской лабораторией В. Ядова и А. Здравомыслова. В поле нашего зрения были и опросы Института изучения общественного мнения при «Комсомольской правде», проводимые под руководством Б. Грушина. С ним я тоже была лично знакома и даже написала рецензию на его работу «Очерки логики исторического исследования» (совместно с одесским профессором-историком К. Петряевым). Рецензия опубликована в «Вопросах истории» (1963, №6). На симпозиуме, посвященном структурно-функциональному анализу, в Кяэрику (1968 г.) через Инну Рывкину я познакомилась с новосибирцами и в дальнейшем продолжала поддерживать с ними связь. Кстати об этом симпозиуме мне сказал Ю.А. Левада, когда узнал, что я интересуюсь применением системных представлений к решению социологических задач. Помню, что именно на этом симпозиуме мы ждали сообщения об организации Института конкретных социальных исследований, распевая ночью под гитару песни, и ликовали, когда узнали о положительном решении» (Попова 2011: 43).

Из того, что было сказано выше, как-то не видно, что социология была разгромлена и пребывала в коллапсе. Скорее можно сделать вывод, что от «руководящей и направляющей» одновременно исходили разные импульсы. Поэтому в одном случае партийно-идеологический каток беспощадно прокатывался по социологическим начинаниям, а в другом та же партия открывала уникальную возможность для социологов заняться исследованиями целых отраслей промышленности.

4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

«Не обращать внимания на форму научных произведений — так же неверно, как игнорировать содержание художественных».

О.Э. Мандельштам

Естественным образом возникает вопрос: чем в своей жизни занималась Ирина Марковна, какое дело она делала? Если коротко: она была *исследователем*. Это слово лучше всего выражает профессиональный аспект

ее занятий наукой. Ирина Марковна каждое понятие пробовала на способность работать в конкретных обстоятельствах жизни. Прежде чем что-либо утверждать, стоять на своем неколебимо, она должна была убедиться в истинности своих утверждений. Прикладная, эмпирическая социология была ее методом самоубеждения, поиском конкретного содержания абстрактных понятий, которые выдвигают теории.

У Ф. Искандера прочитал: «...по стихам Пушкина догадываешься, что рай — это такое место, где нет сопротивления материала». Читая работы Ирины Марковны, убеждаешься, что она жила не в раю, а выражение «гранит науки» было придумано не для красного словца. Она упорно его «грызла», преодолевая сопротивление материала. Она была настроена на поиск решения интересующей ее проблемы. Можно сказать, она билась над проблемой. Это означало, что она искала ее научную формулировку, создавала адекватный понятийный аппарат и затем проверяла его на способность «работать», то есть объяснять целый класс подобных феноменов. Ум Ирины Марковны имел модус критичности, то есть она не брала на веру ни одно утверждение, какой бы авторитет не стоял за ним.

Она жила в мире идей и текстов и, естественно, с годами приобрела чувствительность к слову-понятию. Она не стремилась к оригинальности, она стремилась к ясности. Критериями качества научного текста она считала логическую ясность и фактологическую основательность. Причем ясность не только для себя, но и для других. Кстати, читая социологические журналы, я давно обратил внимание на одну специфическую особенность социологов: они «наострились» о простых вещах говорить сложным языком научных категорий. У них образовалась мода на «заумные словечки». Под влиянием англоязычной литературы они некритически заимствовали непере译имые понятия. Им просто придавали русскую транскрипцию. В результате у них возник профессиональный жаргон — «язык заговорщиков». Люди пользуются чужими терминами, не отдавая отчета в том, что они несут чужое содержание, результат осмысления чужого конкретно-исторического опыта. Приходилось ли вам видеть башкирскую газету, написанную русским алфавитом? Вы ее читать в принципе можете, но не понимаете смысла слов. Примерно то же самое происходит с нашими научными работниками, которые используют западную терминологию без предварительного исследования содержания исходных понятий. Универсальность понятия не отрицает необходимости учета разности культур. Такое явление, когда авторы бездумно играют «новой» терминологией, Ирина Марковна называла «просвещенным невежеством» (Попова 2011: 26). Думается, здесь также имеет место отрицание цивилизационных различий, что на практике вводит нас в режим имитации: как наши власти имитируют вхождение в демократию, так и некоторые наши ученые гуманитарии имитируют вхождение в западную науку.

Когда мы с ней встречались и начинали общаться, она немедленно обнаруживала напряженность своего существования в мысли. Видно было, как

в разговоре она выходила на тему, которую вынашивала в данное время, и на тебе проверяла верность своих суждений и выводов. Она делала это со многими людьми и многократно, пока ее внутренний ОТК не давал «добро»: все ясно, пора писать статью. Ирина Марковна, говорю я, стремилась прояснить для себя проблему. Но до какой степени ясности? До степени практического применения своего знания. Это значит, что понимание получало ценностную оценку и переходило у нее в убеждение, в установку для ответственного, нравственного поведения. Так, несмотря на все разочарования, которые она испытала в своих контактах с властью, она настойчиво продолжала предлагать ей свои услуги социолога. Она считала своим долгом исследователя и гражданина влиять на власть. Впрочем, эта тема требует отдельного разговора.

При чтении работ И.М. Поповой обращает на себя внимание та скрупулезность, с которой она «раскручивает» логику понятия. Порой до трети всей площади статьи она уделяла выяснению сути понятий, которыми оперировала, подчас, на мой взгляд, перебирая в дотошности. Это в ряде случаев мешает целостному восприятию содержания статьи, но, видимо, она, как некоторые строители, предпочитала закладывать фундамент повышенной прочности, так чтобы вся конструкция статьи не могла ни просесть, ни тем более обвалиться. Она, по-видимому, считала, что терминология описывает стратегию исследования и, может быть, даже важнее самого исследования. К сказанному еще добавлялась и научная щепетильность: Ирины Марковны считала своим долгом упомянуть всех авторов, которые что-либо интересного высказали по поводу того или иного концепта или концепции. Таким образом, возникала *проблема многознания*, которая проявлялась в том, что в некоторых случаях она перегружала информацией методологическую часть статьи. Так в ней сказывалась школа. «Для Ирины Марковны, — говорил мне Л.Н. Курчиков, — как раз очень важно было строгое, логическое обоснование. Она постоянно работала в этом плане над собой, начиная с 60-х годов. В 60-е годы мы с ней добросовестно проработали книгу американских авторов «Введение в конечную математику» (Кемени Дж., Снелл Дж., Томпсон Дж. 1965) и выполняли все упражнения по логическому анализу, которые в ней рекомендовались. С точки зрения логической культуры она была очень образованный человек». Профессор Н.А. Победа подтверждает: «У нее была прекрасная ленинградская школа. Она была хорошо подготовлена методологически. Она сочетала в себе социологический и философский анализ. Это очень многого стоит. Это давало ей возможность видеть глубину проблематики, в отличие от других, которые на этой глубине находиться не могли в силу незнания философии». Это перекликается с тем, что говорил И.С. Кон: «На самом деле социологическая теория вне связи с философией просто невозможна» (Кон 2010).

В 60-е годы в СССР стали осуществляться меры по совершенствованию хозяйственного механизма. После хозяйственной реформы 1965 г. у директоров промышленных предприятий появились фонды материального

стимулирования трудовой активности и развития социально-культурной сферы. По инициативе ленинградских предприятий возникло движение по научной разработке планов социального развития и их реализации в рамках предприятия. Этим воспользовались социологи, предложив свои услуги на хозрасчетных началах. Так открылась возможность проведения широкомасштабных эмпирических исследований. С этой целью в 1970 г. Ирина Марковна вместе со своей социологической группой переходит из университета в только что открывшееся в Одессе Отделение Института экономики Академии наук Украины. Там ей предложили организовать и возглавить сектор социологических исследований. Она пригласила на работу еще несколько сотрудников из числа своих бывших студентов. Это были историки, эконом-географы, математики и филологи. Еще в университете они начали исследования на Одесском судоремонтном заводе им. 50-летия Советской Украины. В период с 1970 по 1975 год сектор И.М. Поповой охватил судоремонтные заводы уже всего СССР. Исследования проводились также и в морских портах. В это время Поповой и её коллегами была создана методическая база для оперативной социологической работы на промышленных предприятиях. Как писала Ирина Марковна, она сполна искупила свой грех недооценки математических методов исследования. В результате ей была написана и представлена к защите докторская диссертация на тему: «Стимулирование трудовой деятельности как способ управления (социологический анализ)». В 1976 г. в Киеве вышла в печати одноименная монография. Защита докторской проходила непросто. Только третий совет принял ее к защите. Ирине Марковне повезло: в Ленинградском университете открылась специальность «прикладная социология». Помог однокашник В.А. Ядов. В результате И.М. Попова стала первым на Украине доктором по прикладной социологии.

Внимание Ирины Марковны было приковано к таким исходным понятиям социологической науки как «социальность», «социальное», «социальная реальность». Она осознала, что путь к пониманию социальной реальности лежит через изучение обыденных вещей, повседневного существования миллионов простых людей. Это и есть социальная материя. Идеологические споры, партийные цвета, борьба за политическое руководство, реформаторство — все это производно, вторично.

И.М. считала недостатком многих исследователей их увлечение эмпиризмом, когда в их работах много цифр, таблиц, графиков, диаграмм, а интерпретация полученных данных бедная, выводы самоочевидные. В статье, посвященной памяти своей подруги Н.Н. Козловой, она писала: «Сколько красивых фраз, новомодных терминов и словечек кочуют из одного нашего опуса в другой, но как мало работ, где бы мастерски пользовались техникой понимания и адекватного осмысления исходной для социолога информации, источником которой является человек» (Попова 2011: 18). Эта мысль находит свое продолжение в том, что говорил В.А. Ядов: «То хорошее, что еще сохраняется до какой-то степени, но уже начинает теряться, — это широкий взгляд на анализ эмпирических данных. Мы могли спокойно —

с помощью некоторого социологического воображения — перескочить через какие-то эмпирические данные и не только видеть то, что перед тобою на столе, но и немножко пофилософствовать. Это очень хороший метод и способ анализа, очень продуктивный — попытка социологического домысливания, широкого социально-философского взгляда на проблемы. Хотя, конечно, аккуратный специалист укажет, что это необоснованно, неточно, предположительно. Может быть. Современного же эмпирика-социолога абсолютно не волнуют социально-философские проблемы. Они для него чужие. Но думаю, эта наша традиция, идущая от нищеты, от незнания, от отсутствия профессиональной подготовки, все же родила некое благо. Может быть, это связано с российской культурой вообще; французы, которые нам близки, тоже философски ориентированы, тем не менее тамошние эмпирики-социологи ничем не отличаются от американских» (Ядов 1999).

По сути речь идет об *искусстве* научной интерпретации. Эта проблема прямо отсылает нас к общему уровню развития интеллекта исследователя. Его ученость, как в капле воды, отражается в создаваемых им текстах. Ирина Марковна прекрасно отдавала себе в этом отчет и всю жизнь наращивала свою ученость.

Дело в том, что интерпретационные возможности социолога определяются не его социологическими навыками и методами, а мощью его интеллекта, общей развитостью, эрудицией в области истории, экономики, философии, психологии и даже лингвистики. Социолог из самой социологии может почерпнуть крайне мало, чтобы представить обществу качественный научный продукт и заодно оправдать свою науку. Тут мне опять на ум приходят имена классиков социологии Маркса, Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, которых отличала глубина и широта познаний в области всего спектра социальных наук.

На мой полувековой юбилей Ирина Марковна подарила мне книгу выдающегося французского социального психолога Сержа Московичи «Машина, творящая богов» (Париж, 1988; М, 1998). Читая ее, подивился в очередной раз тому, как случай выстраивает закономерное. В этой книге С. Московичи обращает внимание на то, что социологические теории не имеют собственного объяснения; оно либо психологического, либо экономического порядка. Тем не менее социолог обладает возможностью комбинировать то и другое, находить нужную пропорцию в многофакторном анализе. И это его огромное преимущество. Он же вывел изящную формулу: «если экономический элемент — это кислород существования в обществе, то идеологический или религиозный элемент — это его водород. Можно обсуждать их пропорции, но не саму связь» (Московичи 1998: 48).

Эту связь И.М. Попова нащупала, осознала и сформулировала самостоятельно в процессе занятий наукой. Как она сама отмечала, социал-психологизм трансформировался в ее сознании в «ценностно-нормативный подход» и привел к необходимости выяснения роли символической сферы в жизни человека и общества. В свою очередь, марксистская методология фиксиро-

вала внимание на понятия «интересы», имеющем объективно-предметное содержание. В процессе эмпирических исследований трудовых отношений на предприятиях страны группой социологов под ее руководством была получена информация, которая могла быть адекватно истолкована только при решении теоретических вопросов, связанных с комплексным анализом взаимозависимости субъективных и объективных факторов.

Субъективный характер деятельности и ее объективное содержание не совпадают. Эта проблема очень волновала Ирину Марковну. Она хотела добиться ясного понимания, какой фундаментальный смысл кроется за повседневной суетой миллионов людей в их стремлении «порешать» свои маленькие вопросы. Вот эта установка на то, что в жизнь нужно вникать, погружаться на такую глубину ее устройства, где находятся пласты смыслообразования, а не воспринимать ее такой, какой она представляется непосредственным образом, — эта установка отличает ученого, исследователя от «простого человека» или управленца. Ирина Марковна жила с такой установкой. Оглядываясь на свою жизнь в науке, она говорила: «По сути, меня по-прежнему интересует проблема, которая в том или ином виде волновала со времени прихода в социологию: человек на пересечении двух миров — объективного, предметно-вещественного, и субъективного, ценностно-символического, а главное, то, как сходятся эти два мира в преобразующей, практической деятельности человека» (Попова 2011: 56). Ей ли, подлинному русскому интеллигенту, не знать, что люди, определяющие общественный прогресс, зачастую действуют вопреки своим экономическим интересам, подчиняя их идеалам и ценностям высшего порядка. Декабристы в русской культуре существуют в качестве дежурного примера такого положения «вещей».

5. МАРКСА НАДО ЧИТАТЬ И ПЕРЕЧИТЫВАТЬ

В украинских социологических кругах у Ирины Марковны Поповой была репутация ученого-марксиста, даже больше — «последнего могиканина марксизма». Кое-кто из ее «доброжелателей» подавал это ироничным тоном: мол, сами понимаете, осколок советского прошлого. Простительно...

Нас плохо учили марксизму. В списках обязательной литературы по предметам для конспектирования давались страницы из работ Маркса и Энгельса. Нас учили марксистскому цитатничеству. К таким образованцам вполне применим термин Г.В. Плеханова — «марксята». Что это было: сознательное вредительство или «дух эпохи»? Скорее второе. И все же дух советской эпохи был пропитан культурой марксизма, хоть и вульгарного толка. К. Фрумкин пишет: «...в СССР марксизм, границы которого едва ли не совпадали с границами культуры как таковой, принимал множество разнообразных форм и обликов. Он мог быть советским и антисоветским, официозным и диссидентским, популярным и переусложненным, сервильным и самостоятельным, консервативным и революционным, обыденным

и оригинальным, опускался до популярных изложений для школьников и рабочих и поднимался до изощренных интерпретаций Ильенкова и Ойзермана» (Фрумкин 2013). Вполне понятно, что марксизм Ирины Марковны представлял собой социологическую теорию.

Повторю: нас плохо учили марксизму — для того, чтобы сказать: сейчас не учат вовсе. В 90-е годы по Марксу «топтались» невежественные и конъюнктурные ниспровергатели. Шел вал облыжной критики и зряшного отрицания. Зрелище было постыдное: варвары свалили идола и мажут его своими экскрементами. На отношении к Марксу ярко выявились постыдные черты значительной части нашей «передовой» гуманитарной интеллигенции — ее вторичность и репильность. То есть отказ от Маркса, его хуление — это не факт их критической, свободной мысли, переосмысления, а факт перемены культа. Согласен с Ю.И. Семеновым: как ползали на брюхе перед авторитетами, так и ползают (Семенов 2003). Будто девицы, слепо повинующиеся веяниям моды, сменили идеологическую моду, не перестав быть поклонниками в принципе.

Примечательно, что именно в годы «хуления марксизма» Ирина Марковна начинает заново прорабатывать социологические аспекты марксистской теории. Публикует две статьи, посвященные Марксу^{1*}.

Выявляется закономерность: чем масштабнее фигура в личном и научном плане, тем уважительнее она относится к научному марксизму. Вот слова акад. Татьяны Ивановны Заславской: «Маркс — гений, и у нас был целый годовой, по 6 часов в неделю, курс по «Капиталу». Другой патриарх отечественной социологии Владимир Александрович Ядов на вопрос о перспективах марксизма в России сказал следующее: «Исходя из положения, что бытие определяет сознание, я уверенно прогнозирую ренессанс марксизма в разных неовариантах» (Ядов 1999).

Ю. Замошкин часто употреблял выражение «наш брат марксист». Именно с Ю. Замошкиным и Э. Соловьевым Ирина Марковна вела беседы о социологической концепции Маркса. Преемник Ю.А. Левады Лев Гудков писал о своем научном руководителе: «Михаил Абрамович, очень глубокий знаток Маркса, отбивший, кстати, у меня такое поверхностно-пренебрежительное отношение к Марксу, <...> говорил: «Нет, ты не прав, Маркс — очень серьезный мужчина...» (В кругу Юрия Левады 2010).

Итак, можно считать доказанным, что серьезные ученые-социологи по определению не могут относиться к Марксу с пренебрежением. В противном случае они просто несерьезные социологи. Это не значит, что надо во всем соглашаться с Марксом, это значит, что Маркс заслуживает уважительной критики. Французский социолог Серж Московичи писал о влиянии Маркса: «Его мысль читается в глубине каждой из социологических теорий, которые

¹ Попова И.М. Был ли К. Маркс социологом? // Социологический журнал. — 1995. — №3. — С. 71—86; Ее же. Судьба одной социологической парадигмы. (К 120-летию со дня смерти К. Маркса // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — №2. — С. 131—148.

с ним сражались. Две из трех или четырех наиболее значительных книг по социологии, «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера и «Философия денег» Зиммеля, несомненно были написаны для того, чтобы дать отпор теориям Маркса» (Московичи 1998: 46). Все верно и, главное, соответствует гегелевско-марксовской диалектике. В лице Маркса Запад породил свое отрицание, чтобы затем проделать работу отрицания отрицания. Самое интересное, что в наши дни марксизм на Западе вновь переживает ренессанс, а в американских университетах он всегда был в почете.

На постсоветском пространстве Маркс заново входит в силу, поскольку объективный ход событий у нас развивается «по Марксу». Вновь классовая теория наполнилась «нашим» содержанием. Говоря словами Максимилиана Робеспьера, *«народ сменил цепи, а не свою судьбу!»*.

Отношение к Марксу и марксизму стало проверкой для многих не только на их научную состоятельность, но и на их человеческое достоинство. В.А. Ядов поведал о таком эпизоде: «Научный семинар по случаю основания Горбачевского фонда. Александр Яковлев, его исполнительный директор, выступает с длинным докладом на тему: что из социальной теории XIX века войдет в будущее столетие? Не меньше трети времени, как говорила моя трехлетняя внучка, «выругивает» Маркса. Вопросы. Леня Гордон встает с места первым и говорит: «Александр Николаевич, я никогда не был членом партии, вы были секретарем ЦК по идеологии. Что вы все-таки находите ценного у Маркса?» Оратор бросает в ответ: «Если хотите найти ценное, пригласите другого докладчика». Когда я рассказал эту историю Шляпентоху, он со своей искрометностью среагировал: «Вот тебе пример «кассетного мышления» — одну кассету вынул, другую вставил» (Ядов 1999).

Все-таки Сократ прав: истина не может быть безнравственной. Все, что говорил о марксизме Александр Яковлев до «перестройки», было ложью. Все, что он говорил после, — опять-таки ложью. Он не был настоящим марксистом до «перестройки», поэтому не смог стать настоящим антимарксистом после.

6. СОЦИОЛОГ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

В лекции «Что может и чего не может социология», прочитанной 16 декабря 2004 г. в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру», Ю.А. Левада сказал: «...нам приходится в большой мере заниматься тем, что разбивать наши собственные и чужие иллюзии. Иллюзии о том, что мы освободились и нашли новую дорогу <...>, о том, что достаточно хорошего знания — и можно будет верную дорогу подсказать. Ну, если не правящим людям, то остальным — оппозиции, критикам. Оказывается, что все это довольно трудно и подсказывать — скорее всего это вообще не наше дело. Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать» (Левада 2004б).

Таким образом, Левада утверждал, что понимание является результатом, плодом научной деятельности. Что дальше с этим делать? Левада считал, судя по его словам, что этот вопрос не обращен к ученым, которые *свое дело* сделали. «Не моя задача выписывать рецепты, — заявил он, — В лучшем случае, я стараюсь ставить диагноз» (Вытеснение... 2006). Такую позицию следует обозначить как «аристократический интеллектуализм». Главная «иллюзия», от которой избавился Юрий Александрович, — что знание и понимание способны изменить ситуацию к лучшему, повлиять на власть, оппозицию, общество. Ирина Марковна в этой «иллюзии» пребывала до конца своих дней. Основную функцию социологии она видела не только в получении надежной научной информации о мире, но и в его улучшении, в практической помощи социальной науке тем, кто руководит, и тем социальным группам, кто нуждается в защите.

Различие заявленных Левадой и Поповой позиций поистине многозначительно, и его нужно уяснить. При первом приближении здесь можно усмотреть разницу между «интеллектуалом» и «интеллигентом»: первый — свободный мыслитель, второй добровольно взял на себя ответственность своей профессией служить народу; первый отстаивает свое профессиональное кредо ученого, второй утверждает свою гражданскую миссию. Левада считал, что социологи свое профессиональное дело делают: «понимают» и «объясняют», и дело власти и общества — использовать это знание, а если они по каким-то мотивам этого не делают, то вся ответственность ложится на них. Получается как в пословице: петух прокукарекал, а там хоть не рассветай. Попова же ставила вопрос о профессионализме в единстве с гражданской позицией исследователя. «...Я глубоко уверена, — говорила она, — что именно гражданская ответственность обуславливает и необходимость высокого нашего профессионализма, а недостаток последнего часто приводит к безответственным заключениям» (Попова 2011: 60).

Однако не будем торопиться с окончательными выводами. Все не так однозначно. Во-первых, Левада говорит о разбитых иллюзиях. Это прежде всего его иллюзии шестидесятника, его романтическая вера в науку как мощный рычаг общественного прогресса. Многие его коллеги из первого поколения советских социологов были мотивированы именно этой верой. Во-вторых, и это главное: Юрий Александрович Левада, можно сказать, положил жизнь на то, чтобы отстоять свое право быть независимым от государства исследователем. Истина не служит власти. В России при всех режимах настаивать на этом — гражданский подвиг. В конфликте с властью он не дрогнул, не стал ее жертвой. На протяжении пятнадцати лет он сохранял свое достоинство и, как пишет Владимир Шляпентох, «не упускал возможностей заявить о себе как о несломленном и ничего не боящемся человеке» (Шляпентох 2007). «Левада стопроцентно был человеком самим по себе», — сказал о нем Теодор Шанин (Шанин 2010). Действительно, он, можно сказать, полностью взял на себя груз конфликта с властью и без громких диссидентских заявлений твердо стоял на своем. Эта судьба роднит его со Спинозой.

Сдается, что Юрий Александрович давил в себе интеллигента, давил, но так и не додавил. Приведу характерный штрих. Читает Левада публичную лекцию и, характеризуя социальные процессы в постсоветской России, то и дело употребляет прилагательное «печальный». Его на этом «поймали». Задали вопрос. Он тут же исправился: «Видите ли, само по себе никакое знание печальным быть не может, но отношение к нему может быть разным. <...> Моя же задача, если я работаю как ученый-исследователь, в том, чтобы не печалиться и не радоваться, а понимать. Это слова Спинозы. По-моему, это эмблема научного знания в общественных науках. И в нашем призыве понимать, из мнений строить наше понимание тоже содержится эта мысль. Я требую от себя и от людей, которые работают, не печали, а трезвости» (Левада 2004б). Это самоопровержение весьма показательно. Он хотел быть *как* Бенедикт Спиноза, но все дело в том, что сам Спиноза не удержался на чисто интеллектуальной позиции и написал «Политический трактат». Это было явное вмешательство в идейную борьбу того времени. Ему давали тысячу флоринов в год за то, чтобы он скрывал свой религиозный скептицизм. Он отказался. Его бешено травили. Он не уступил и остался верен сам себе. Замечательный девиз Спинозы «Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать!» выражает суть позиции ученого, но человек Спиноза выходил за рамки этой позиции, обнаруживая гражданские убеждения и волю отстаивать их.

В подобном духе, внутренне непоследовательно, поступал и Ю.А. Левада. На словах он хотел выглядеть чистым интеллектуалом, на практике такая позиция требовала от него гражданского мужества и соответствующих поступков. Его увольнение с должности директора ВЦИОМа говорит об этом красноречивее всяких слов. С 1987 года он добывал и доводил до общества важную информацию, потому что считал, что общество имеет право знать о том, что оно из себя представляет. А что *стоит* общественное сознание, если оно лишено качественной информации? По сути дела «Левада-Центр» стал играть роль инструмента гражданского общества новой России. Ю.А. Левада претендовал на то, чтобы быть градусником для измерения общественной температуры. Но должен ли градусник иметь собственную температуру — этим вопросом он не задавался. Он ее имел.

Пусть «бросает камень» в Леваду тот, кто смог сделать больше. И все-таки разница его взглядов и Ирины Марковны на роль социологии в обществе, на взаимоотношения науки и власти очевидна. Ирина Марковна: социология должна оказывать практическую помощь людям и власти. Юрий Александрович: социология никому практически помочь не в силах; она в лучшем случае может дать понимание происходящего.

В 1988 году И.М. Попова опубликовала в журнале «Социологические исследования» статью под названием «От социального знания к социальной инженерии». В ней она доказывала, что трансформация социологического знания в общественную, управленческую практику, в производство требует специальной профессии — социального инженера. Его задачей является

разработка стандартизованных социальных технологий на основе полученной социологической информации. Без практического использования социологического знания, полученного в «поле» исследователем, писала она, «не удастся избежать стагнации общественной науки» (Попова 2011: 125).

Таким образом, Ирина Марковна считала, что если прикладное социологическое исследование не доведено до практической стадии использования, до технологического процесса, то наука сработала вхолостую. К тому же социологическое знание быстро устаревает. Оно нужно «здесь и сейчас». В резюме публичной лекции «Человек советский», прочитанной Ю.А. Левадой 15 апреля 2004 года, говорится лаконично: «На вопрос о социальном проектировании, заданный прямо, Левада ответил однозначно: оно пагубно. Но основания этого ответа предъявлены не были» (Левада 2004а). В 2004 году ему было уже «не интересно» говорить об этом. Зато в статье «Наши десять лет: итоги и проблемы» (1997) Левада прояснил свой взгляд на этот важный вопрос: «Никакого «научного управления» в условиях загнивавшего социализма не получилось — как, впрочем, нет его и в развитых странах. В годы перестроечных исканий опять пошли в ход иллюзии о том, что на основе опросов общественного мнения — без формирования новых социальных и рыночных институтов, без новой системы социальных интересов и ориентаций — можно принимать рациональные решения» (Левада 2000: 241). И Попова сознавалась в своих иллюзиях того времени. В книге, где она произвела свой собственный расчет со временем «перестройки», Ирина Марковна писала: «Мы были востребованы и наивно полагали, что наши знания и умения нужны, а главное, что мы можем повлиять на события» (Попова 2006: 7).

Ее жизненный опыт был иной, чем у Левады. Она сама признавала, что ей сопутствовало везение. Ей удавалось убеждать местные власти сотрудничать с социологической службой. Это сотрудничество было трудным, но оно приносило реальные плоды. На основании этого опыта Ирина Марковна была убеждена в том, что без социального заказа, который формирует и финансирует государство, социологическая наука успешно развиваться не может. Она с самого начала отбросила миф о свободе научного творчества в условиях рынка. Диктатура денег не менее тяжела и унижительна, чем диктатура власти. Бизнес не заинтересован в фундаментальных исследованиях и, как показала практика, не стал в них вкладываться.

Ирина Марковна жила жизнью исследователя жизни или, говоря профессиональным языком, «социальной реальности». Она никогда не порывала со своей профессией, как сделали это некоторые известные обществоведы в годы «перестройки», уйдя в публицистику и политику. Она служила обществу своим «аппаратом истины». Поэтому ее нельзя отлучить от той традиции, которой следовал Ю. Левада и у истоков которой стояли Бенедикт Спиноза и Карл Маркс. Обладая пламенным темпераментом, гневной мощью, в которой преобладал пафос борьбы с социальной несправедливостью, Маркс особенно стремился убрать из своих текстов даже намек на авторский субъективизм.

По этой причине некоторые критики несправедливо упрекали его в имморализме или даже в аморализме. И вот здесь мы выходим на главную проблему внутреннего мира Ирины Марковны, а именно: как совместить научный разум и активную социальную позицию, совесть. Кажется, ее решение было в пользу науки. Решение трудное. Ирина Марковна в письме В. Шляпентоху от 27 мая 2007 г. писала: «Прихожу к выводу, что «Запад» ведет себя вполне естественно, соответственно своей природе. Любить его или ненавидеть — бессмысленно. Пытаюсь следовать совету И. Рывкиной, который она мне когда-то дала, когда я выражала свое возмущение одним нашим общим знакомым: «Не делай это объектом эмоций, а делай предметом анализа»». Как сказал поэт:

*Добру и злу внимая равнодушен,
Не ведая ни жалости, ни гнева*

Вероятно, Ирина Марковна пыталась ломать себя и следовать постулату научности. Но интеллигент-шестидесятник, живший в ней, не уступил своей позиции. В этой точке ее внутреннего мира социальный мыслитель Руссо ополчился на просветителя Вольтера: знание само по себе не освобождает, только борьба приводит к цели, а борьба без страсти, гнева и злости не бывает. И никто иной, как Маркс писал: «Страсть — это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека». Понять причину этой страсти — вот задача ученого социолога, потому что рождение и возрождение общества совпадают с внезапным появлением такой страсти. В подобные моменты поднимается волна энтузиазма, властвующего над действительностью.

Последние выступления И.М. Поповой выглядят сейчас как завещание. Она ратовала в них за публичную социологию. Так, например, выступая в Киеве за полгода до ухода из жизни, 10 декабря 2007 года, на I Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной, она убежденно заявила: «Считаю, что социология, по самой своей сути, является публичной наукой, если иметь в виду, что она изучает человека в обществе и общество в человеке, имеет в поле зрения самые различные сферы, самые различные свойства, характеристики, проявления личности. Социология должна быть публичной наукой и является ею, а также является основой гражданственности» (Попова 2011: 59).

Важно не только то, что сказано, но и кем сказано. Произнесенные слова могут быть суждением, которое обладает нестойкостью мнения, а может быть, как в случае Ирины Марковны, нравственным убеждением, выношенным не только в противостоянии власти имущим, но и в борьбе с собственными сомнениями.

Отстаивая необходимость для социолога гражданского самоопределения, И.М. Попова четко следовала традиции русской интеллигенции, тогда как Ю.А. Левада попытался, на мой взгляд — неудачно, с нее соскочить. В этой связи уместно вспомнить, что английский сэр и русский еврей Исайя

Бёрлин (1909—1997) указал на разницу между «французским» и «русским» подходами к жизни. «Француз», занимаясь чем-либо профессионально, той же наукой, не выходит за границы своих обязанностей. Образно говоря, француз никогда не задается вопросом: «Зачем дорога, если она не ведет к Храму?» Он выполнил «заказ», построил дорогу, получил за это деньги и был таков. Не его дело задаваться вопросом, куда она ведет. Может быть, к концлагерю. А «русский», пока не выяснит, куда ведет дорога, к строительству оной не приступает. Поэтому с дорогами у нас так плохо. Зато с разговорами на моральные темы очень даже хорошо. Русский человек целостен. Поэтому у него профессионализм неотрывен от морального критерия. Я бы назвал это «русским сократизмом». Чем бы он не занимался, он должен служить добру. Если, к примеру, он занят наукой, то это означает, что он практикует добро посредством аппарата истины. Социология как наука, пожалуй, ближе других (кроме экономики) стоит к людям. Это означает, что у социолога особенно велик соблазн повлиять на практическую ситуацию.

Ирина Марковна была членом КПСС. Человек, с которым она вела в последние годы постоянную переписку и которого ценила за его аналитические способности — профессор Мичиганского университета (США) В.Э. Шляпентох считал, что принадлежность к КПСС автоматически делает человека конформистом. В своем блоге он написал: «Ни в коем случае я не выступаю судьей всех 18 миллионов моих бывших соотечественников. Среди них много моих друзей. Однако все они были конформистами (за некоторым исключением). Конформистом был и я» (Шляпентох 2011).

Трудно осознать антинародную сущность общественно-политического строя, который поставил официальную цель привести народ к коммунизму, где материальное изобилие будет сочетаться с духовным совершенством человека. Мой отец был коммунистом, вступил в партию в армии, которой отдал около тридцати лет жизни. По характеру — ярко выраженный правдолюб. И в армии, и, особенно, на «гражданке» в годы «застоя» он боролся, как учила партия, с «недостатками», которые почему-то прикрывались или прямо исходили от начальников. Поэтому борьба всегда была неравной. Начальники помаленьку воровали, строили дачки за счет «своих» предприятий, охотничьи домики с саунами за счет профсоюзных средств, раздавали квартиры своим родственникам и т.п. Отец этого перенести не мог. Писал в вышестоящие инстанции. Приезжали комиссии. Начиналась борьба, похожая на возню. Результат: отец получил ряд выговоров с занесением в учетную карточку и три инфаркта. Но и после всего этого он не мог поверить в то, что идеи и дух социальной революции Октября 1917 года полностью испарились в процессе своей материализации. Система хорошая, неважный человеческий материал ее искажает. Так думали миллионы рядовых коммунистов и просто граждан. Стабильность, социальные лифты, работа по специальности, бесплатное образование, медицина, социальные права и льготы перевешивали в их глазах недостатки, связанные с бюрократизацией

системы, моральным вырождением партократии и дефицитом материального обеспечения. Надо ли считать моего отца (и многих таких же, как он) конформистом? Думаю, нет. Он не приспособливался. Он на своем уровне сражался и «перестройку» воспринял с восторгом как долгожданное время.

То же самое можно сказать об Ирине Марковне. Может ли конформист сказать такие слова: «Я смогла прожить жизнь в соответствии со своими принципами и, не бедствуя, заниматься интересным для меня делом, сохранив собственную позицию» (Попова 2011: 15). В этой маленькой сухонькой женщине обитал неукротимый дух, что-то самоотверженное и непреклонное. Она была *не согласна!* Не согласна с Властью. Вначале советской, которая позиционировала себя как власть трудящихся, но на самом деле была властью аппарата, номенклатуры, партийно-государственной бюрократии с присущими ей формализмом, начетничеством, безразличием к людям. Потом вместе с независимой Украиной появилась «новая» власть. Но ее антинародная сущность почему-то осталась неизменной, хотя ее легитимность основывается на демократических процедурах. Переход от одной Украине к другой был символично обозначен фигурой Л.М. Кравчука, «переложившего» власть из одного кармана в другой. Конечно, лучше уж перевертыши и ренегаты, чем националистические вурдалаки. Но с точки зрения моральной (а только она и была приемлема для Ирины Марковны) Кравчук-президент — это верх пошлости и лицемерия. Так национальные движения не побеждают, так побеждают бюрократии.

В постсоветские времена Ирина Марковна не изменила левым убеждениям. Живший в ней и служивший ей ориентиром дух шестидесятилетия, романтического коммунизма не мог принять общество, в котором правит финансовый капитал с его бездуховностью и антигуманизмом¹. Заложенные в советской школе идеалы не были поколеблены под напором антисоветской чернухи. Как и раньше, она питала глубокое уважение к тем деятелям мировой и отечественной истории, которые посвятили свою жизнь революционной борьбе за освобождение людей от всех видов угнетения и эксплуатации. У нее была, если хотите, ярко выраженная партийная позиция. Она принадлежала к неформальной партии труда и справедливости. В интервью по случаю 70-летия Ирина Марковна сказала об этом исчерпывающе: «Я в глубине

---

¹ К слову, созданная у нас финансовая система является суррогатом, имитацией западной: ни одного банка, надежно гарантирующего сохранность денег клиента и нормальное кредитование реального производства. Банки ориентированы чисто на грабеж. Западный капитализм все же заключает с человеком «контракт»: ты мне деньги, а я тебе товар. В нашем исполнении это звучит так: ты мне деньги, а я тебе проблему. Поэтому античеловеческий характер нашего новоявленного капитализма приобрел законченный вид уже в первые два десятилетия своего существования. Если цель — это прибыль, то зачем оказывать услуги? Лишнее звено. Мы мыслим рационально, слишком рационально для Запада и для... прокурора. Впрочем, прокуратура у нас тоже «лишнее звено». Не только в революционном, но и в контрреволюционном креативе мы опять впереди планеты всей.

души своей и по убеждению была и остаюсь социалистом. Хотя никакого отношения не имею к одноименным политическим партиям. Это не значит, что я за повсеместную государственную собственность, за всеобщую уравниловку и подавление личной инициативы. Тем не менее, твердо убеждена, что естественное неравенство людей, различие их задатков и заложенных в них возможностей развития не столь велико, чтобы породить такую пропасть в их материальном жизненном уровне и в качестве их жизни, имеющую место практически во всех современных обществах. Очень хотела бы, чтобы человеческое общество достигло такого состояния, когда «развитие каждого является условием развития всех» (Попова 2011: 17).

Если в советское время *этика справедливости* поддерживалась в обществе более-менее равным социальным положением, то сейчас мы живем в обществе, где вопиющее социальное неравенство породило глубокое гражданское отчуждение. Люди унижены, оскорблены, живут «стратегией выживания» и ожиданием очередной волны кризиса. И все это под флагом демократии, то есть якобы выбора самого народа! Ирина Марковна была предельно возмущена антинародной политикой ельцинских реформаторов, которые позиционировали себя демократами. (Партия Е.Т. Гайдара называлась «Демократический выбор России»). Помнится, она принесла мне ксерокс статьи В.Э. Шляпентоха, в которой он называет Гайдара, Чубайса и Немцова «социально бестактными людьми». Она была в восторге. Вот уж кому она отказывала в интеллигентности, так этой группе «товарищей». Главная причина — откровенно антинародная направленность их реформ. Мол, сильные, богатые собственники будут платить большие налоги и вытянут слабых. Сейчас!

Некоторые письма из переписки с В.Э. Шляпентохом она пересылала мне для ознакомления. В одном есть место — прямо в тему. Привожу его.

27.05.2007.

И.М. Попова — В.Э. Шляпентоху

...Я согласна с Вашей основной идеей, что «антидемократичность» россиян и их симпатии авторитарности — не укорененный порок российского менталитета, а явление, порожденное объективными обстоятельствами, в которых приходилось выживать. Замечательно указание на «три фактора», характеристика тех конкретных обстоятельств, в которых оказалось большинство людей, утверждение о том, что «демократы уничтожили демократию». А оценка формулы: «Демократия ИЛИ порядок» — просто бальзам на мою душу. Сама постановка вопроса — дурацкая, а уж интерпретация выбора «порядка» как «отрыжки» тоталитаризма без учета реальной вакханалии, грабежа и произвола, когда людей лишили элементарных условий (кстати, «безопасность», на которую Вы указываете, очень важная вещь, например, когда это было, чтобы до третьего этажа включительно — решетки на окнах?) — совсем уж преступна. А поскольку все это увязывается со словом «демократия», а слова,

как известно, носят символический характер, действительность и развенчивает этот символ превращает «демократов» и «демократию» в слова бранные. У нас после «оранжевой революции» отъявленный демагог и «словоблуд» В. Ющенко заявил: «В Украине наступила новая эра — эра Великой демократии». Вот и познаем все прелести этой эры. На днях, например, показывали пикеты жителей одного из одесских дворов: прорвало канализацию и фекалиями затопило двор. Куда только они не обращались, результата нет. «Даже писали Президенту». Удивленный журналист задал вопрос: А как долго это длится? «Да уже больше месяца!!!!» Люди совершенно беззащитны, повсюду произвол и бесчинства чиновничества и «служилых людей» и все это под вывеской «демократии».

К этому времени Ирина Марковна уже «разобралась» с понятием «демократия», выяснила его идеологическую природу. В посвященной этому вопросу статье она писала, что в современном мире понятие «демократия» используется в символическом смысле, далеком от исконного, глубинного — защита интересов большинства населения. Либеральное понимание демократии, которое распространил Запад на весь мир, сводится к наличию формальных признаков демократического режима, таких как парламентаризм, свободные выборы, многопартийность, свобода печати и т.п. Поэтому наша новорожденная буржуазия быстро смекнула, что «демократия» ей очень подходит, поскольку нисколько не мешает проводить антидемократическую по сути политику (Попова 2007: 13-20).

Ознакомившись с этой статье, я послал И.М. письмо следующего содержания:

1 декабря 2007 г.

Уважаемая Ирина Марковна!

Прочитал Вашу статью об идентификации и мифологизации «демократии» и подивился тому, как в унисон мы с Вами думаем, поскольку я одновременно опубликовал статью на близкую тему, которую ниже прикладываю для Вашего ознакомления¹. Может, Вам будет интересно. Забавно и то, как жизнь идентифицирует интеллигента. Верный признак — перманентный конфликт с властью. В советское время мы протестовали против того, что партocrats наплевали на коммунистические идеалы, а в настоящее время испытываем желание макнуть эту «демократическую» власть за то, что ей далеко до советской, которая хоть и по-бюрократически, но все-таки была больше сориентирована на народ, меньше лгала в основном, не допускала людей до нищеты и абсолютной безнадёги под болтовню о представительстве народных интересов во власти.

---

¹ Речь шла о статье «Рационализм и мифотворчество в политическом процессе в Украине» (Вісник Одеського національного університету. — Том 13. — Випуск 5: Соціологія і політичні науки. — Одеса, 2008. — С. 585—595).

В самом деле, кто только не издевался над ленинским *демократическим* лозунгом: «Мы научим каждую кухарку управлять государством». Кухарка, может быть, и не управляла государством в СССР, но «кухаркины дети» становились министрами и маршалами, академиками и народными артистами. Сегодня правнуки этих кухарок числят себя новой элитой и при этом странным образом поливают грязью советскую эпоху, достоинство которой они себе наглým образом присвоили на правах собственников. Что-то в этом глубоко неправильное, нездоровое, безнравственное и в то же время... справедливое, если вспомнить, как революционное поколение беспощадно и бездумно разрушило культурный мир дореволюционной России вместе с его носителями. Известный тезис М. Гефтера о том, что история России движется катастрофами, может быть дополнен — и беспамятством и неблагодарностью детей к своим отцам и дедам.

В социологии есть разделы, где для того, чтобы сделать квалифицированные выводы, мало быть высоким профессионалом, необходимо иметь гражданскую порядочность. Ирина Марковна об этом знала и говорила открыто (Попова 2007: 19).

И не просто говорила, а доказывала на личном примере возможность союза Вольтера и Руссо. «Пожалуй, редко можно встретить в нашей стране философа или социолога, у которого столь сильно бы совпадали исповедуемая концепция и жизненная программа», — писали об Ирине Марковне ее коллеги профессора Э.А. Гансова и Н.А. Победа (Гансова, Победа 1993). Не случайно в постсоветские годы ее занимали проблемы социальной справедливости, детской беспризорности, так называемой «реформы ЖКХ» — темы, где обнажались страдания народные, властью порожденные.

Я пытался найти зазор между ипостасью исследователя и интеллигентской сущностью Ирины Марковны — и не находил. Ирина Марковна была *гражданственным социологом*, то есть в прямом смысле слова относилась к интеллигенции как социальной группе, характеризующейся нравственной установкой на жизнь ради «простых людей». В этом она видела предназначение социологии как прикладной науки — не познание ради истины, а познание ради улучшения жизни. Это — кредо интеллигента чистой воды.

7. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ

Интеллигентское существование предполагает напряженность, которая имеет название «проблема свободы». Ирина Марковна была цельным человеком, осуществлявшим свой опыт свободы в этом мире. При этом важно подчеркнуть, что ее отличала не цельность как таковая — она может быть цельностью глупца, а цельность как результат внутренней борьбы и победы над соблазнами внешнего мира. Существует объективный мир и мир, обозначенный именем *Ирина Марковна Попова*. Оба временами бывали недовольны друг другом, но в чем-то существенном они друг на друга влияли, поскольку

между ними происходил обмен энергиями. На основе разности потенциалов осуществляется обмен энергиями при сохранении самостоятельности — такова общая схема взаимодействия свободного человека с миром необходимости. В результате чем больше человек живет на свете, тем больше мир становится «миром-для-него».

Сам предмет изучения социолога — общество — уводит от мысли о свободе к мысли о взаимной ответственности. Ведь та свобода, которую нам гарантирует *de jure* конституция, на самом деле всего лишь возможность, которой может воспользоваться *de facto* свободный человек, а таких в той же Украине не наберется и маленький поселок. Так что внутри социологии Ирина Марковна, даже при всем своем желании, мыслить о свободе не могла. Будучи интеллигентом, она могла ставить вопрос о свободе в политической области. Такова уж природная слепота русской и, особенно, советской интеллигенции — искать свободу там, где ее нет и быть не может — на путях политики. И вот здесь выявляется диалектическое противоречие в подходах и способах к решению проблемы свободы. Интеллигент ее понимает и решает как независимость *от* власти, тогда как социолог в силу своей профессиональной заикленности на обществе склонен стремиться к свободе *через* власть, ее эволюцию в сторону либерализации. Значит, линия поведения интеллигента такова: нужно не отстраняться от власти, а наоборот, стремиться контактировать с ней, толкая ее в сторону самопреобразования на демократических началах, но при этом не быть во власти.

На эту тему у меня состоялся следующий диалог с профессором кафедры социологии Одесского университета Нелли Александровной Победой.

АВТОР: Я задам Вам вопрос, который мне представляется очень важным — о соотношении в личности Ирины Марковны двух ипостасей — ученого и интеллигента. Что в ней преваляло: общественный темперамент или все-таки в основе лежало стремление исследовать общество, а затем применить полученные знания на практике, то есть в политике?

Н.А.: Я бы не делала такой типологии, как ученый и интеллигент, не противопоставляла их. Я бы сказала, что исследовать социальную реальность — это было ее призвание. Другое дело, что она, в отличие от многих социологов, сохраняла позицию публициста. Мало кому удается писать на научном языке и быть публицистом, общепонятным языком доносить до людей актуализированное знание. Ей это казалось одинаково значимым. Этим она привлекала к своей личности самые различные слои населения. Это была одна стратегическая линия.

АВТОР: Публицистика — это политический жанр. Писать в газету на общественно значимые темы — значит войти в поле политики, а там свои законы, там — столкновение с властью.

Н.А.: Публицистика — это, конечно, политический жанр.

АВТОР: Знаете, я вот о чем думаю. Почему мне важно это разделение на ученого и интеллигента? Оно выступает как внутренний конфликт,

который личность разрешает в нравственной плоскости. Естественно-научный подход требует иметь дистанцию между исследующим субъектом и исследуемым объектом. Другое дело то, чем занималась Ирина Марковна. Она не могла оставаться бесстрастной к тому, что происходило в обществе. За жанром публицистики стоит нечто большее, чем умение владеть легким стилем, обращаться к большой аудитории на понятном ей языке. За этим стоит страстное желание доказать свою правоту власти, выступить в защиту народа, простого человека, «совка», как презрительно выражаются либералы. Это — сугубо интеллигентская черта. Интеллигент родился в России в том момент, когда образованный человек посмел выкрикнуть в лицо власти: «Не так!». У Ирины Марковны с властью были сложные отношения. С одной стороны, она очень часто выступала против, а с другой, она доказывала, что социологу с властью надо иметь дело, иначе он не сделает науку и не задаст власти обоснованный вопрос о ее долге перед народом.

Н.А.: Одно другому не противоречит. Вы как-то смешиваете позицию и действие. Я думаю, что она была человеком последовательным. Поэтому, с одной стороны, она исследовала это поле и понимала, что конечной целью социологического исследования является не информация, а действие, внесение улучшающих изменений в это поле. Я знаю, как она ходила в МВД, в горисполком по поводу социальных сирот, чье положение изучала. И раньше, и позже она этим занималась.

Нужно знать технологии управления. Мы по заданию того же Р.Б. Боделана¹, когда он был мэром города, сделали проект, который был связан с функциональным распределением обязанностей и согласованностью различных комитетов и управлений горисполкома между собой. Речь шла о рационализации структуры управления. Мы столкнулись с простыми вещами. Оказывается, некоторые управления совсем не согласуют свою деятельность с другими управлениями. Они работают ровно так, как мы с вами на кафедрах: мы выполняем свои планы, не координируя работу друг с другом. Они рассчитывают только на мероприятия. Вот мероприятия считаются управлением. Мы объяснили им, что это не есть управление. Самая большая проблема, которую нужно было разрешить, это внутреннее согласование по поводу разных обращений граждан.

Поэтому еще раз повторю, что Ирина Марковна была человеком последовательным. Она отстаивала свою позицию в разных структурах власти и действовала в рамках советских идеалов. Может быть, это была ее неосторожность, может быть, это было ее заблуждение, может быть, это реакция на то, что мы работаем бесполезно, поскольку власть не хочет реагировать. Кстати, эта традиция продолжается. Власть как не прислушивалась, так и по сей день не прислушивается к рекомендациям исследователей. И, главное, у наших руководящих товарищей нет того понимания, которое есть на Западе, что данные, полученные научными методами, нужно прорабатывать и переводить в управленческие решения.

¹ БОДЕЛАН Руслан Борисович — профессиональный аппаратчик, в советское время руководил Одесской областной комсомольской организацией, был секретарем райкома, горкома КПСС, в постсоветское время был губернатором Одесской области и мэром Одессы. Оставил в городе о себе заметную, противоречивую память.

Здесь я прерву наш диалог, поскольку он вывел нас с уважаемой Нелли Александровной на принципиальный вопрос. Полагаю, проблема заключается не в технологии, не в ошибках управления. Речь идет о другом: о принципиальной разнице интересов людей власти и народа. Именно в этом противоречии рождается политика, которую не объяснишь недостатками управления. Здесь не технологическая ущербность, а социальная слепота. Здесь не недоразумение, а сознательная линия. В новых исторических условиях представительной демократии и дикого капитализма открылось то, что в советской системе можно было списать на партийно-государственный бюрократизм, а именно: у тех, кто управляет, и у подвластного населения разные классовые интересы. Власти вроде бы действуют на основе мандата, данного народом, то есть «снизу», но в их задачу входит обеспечение собственных групповых интересов по всей вертикали управления и распоряжения ресурсами, то есть сверху вниз внутри правящего класса, но не ниже. Им практически не нужно отчитываться перед народом, поскольку их положение зависит только от вышестоящих начальников. Они устроили конкуренцию между собой за право владеть властью, чтобы распоряжаться созданной народом собственностью в качестве частных владельцев. Это и было сутью контрреволюции 90-х годов.

Нелли Александровна верно отметила, что у Ирины Марковны были советские идеалы. И она была марксистом. Как практикующий социолог она наблюдала процесс быстрого расслоения населения и формирования классов с антагонистическим интересами. И как советский человек, и как ученый-марксист, и как интеллигент она сознательно выбрала место с народом, а не с властью новых буржуа. К этому выбору она пришла не сразу. У нее был период иллюзий в отношении власти, связанный с «перестройкой» и Горбачевым.

Следует также учесть то, что старая партократия, сохранившая свои властные позиции, должна была свыкнуться с новой ситуацией, когда все можно и тебе за это ничего не будет. За тобой не придут люди из ОБХСС или КГБ. Тот же Руслан Боделан медлил, привыкал, перепахивал себя. Отдавать за бесценку депутатам общенародную собственность ему мешали «предрассудки» советского воспитания. Не таков был другой типаж управленцев того времени. Их олицетворял в Одессе оппонент Боделана Эдуард Гурвиц. Эти вошли во власть с сознанием буржуа и пониманием революционного момента передела собственности и власти. В советское время к власти они доступ не имели. Разве что в качестве подследственных. Когда стало можно, стремительно ворвались во власть и на волне демагогии о демократии и рыночной экономике, подобно волку в отаре, стали бешено рвать на куски государственную собственность, оказавшуюся в их управлении. Целые города и отрасли они сделали инструментами своего личного бизнеса, средствами доходов, при этом ничего не производя. Сколько будет дважды два с откатом — вот вопрос, который они решали от рассвета до заката. Если характеризовать экономический процесс 90-х и нулевых годов одним словом, то этим словом

будет «кража». Ему соответствует эвфемизм «приватизация». Итак, перед нами два типажа хищников из украинской человеческой зоологии. Народу предложили выбирать из них без права сказать: оба хуже. Овцы выбирают себе начальников из волков. Такова наша демократия.

Научный результат — это текст, формула, рекомендация. Дальше ученый может не идти, дальше — не его область. Чтобы идти дальше, надо сойти с позиции ученого и встать на другую позицию. Знание не освобождает, а обязывает, но обязать оно может только интеллигента. Знать чью-то боль и сочувствовать ей — это еще не значит занять гражданскую позицию, позицию борьбы. Последовательность, о которой говорит Нелли Александровна, только кажущаяся, ибо интеллигент начинает с того, чем заканчивает ученый. И между ними, вернее, их позициями, пролегает ров, который надо заполнить собственным мужеством и гуманностью. Большинству из нас их недостает. Хотя бы потому, что страх за свою жизнь и благополучие никто не отменял. Противоборствовать, не соглашаться с властью всегда накладно, если ты, конечно, не в оранжевой толпе. При этом то время, которое вы затрачиваете на борьбу за справедливость, отнимается у науки. Ученый, строго говоря, должен считать его напрасно потерянным. Здесь момент сшибки совести с профессионализмом. Игнорировать его — значит игнорировать внутренний трагизм жизни.

Однако продолжим прерванный диалог с профессором Н.А. Победой.

АВТОР: *Ирина Марковна не любила Америку, а между тем ее дети и внуки живут в США. Она Вам не говорила о своих переживаниях по этому поводу?*

Н.А.: У ней было глубокое разочарование по поводу взаимоотношений поколений, своих собственных детей. Леонид Николаевич участвовал в войне, защищал свою Родину, а их дети уже по-другому расценивали жизнь в ней. Они уехали в Америку не ради новой свободы, а элементарно по материальным основаниям и с точки зрения самореализации. То есть со страной их ничего не связывало, кроме нежелания переживать ее трудности. Я уж не знаю, как они там реализовались, но для Ирины Марковны это было глубоким разочарованием.

АВТОР: *Мне рассказывали, что она пыталась вырвать внуков из американского влияния. И, конечно, случались сшибки взглядов на образ жизни у нас и в Америке.*

Н.А.: Безусловно, это была сшибка. Это выражалось в нескрываемом презрении детей к нашей действительности: как вы тут можете жить?!

АВТОР: *Как вы тут живете!? Вымираете? А вот мы в Америке... Да, в такой позиции есть моральный изъян.*

Н.А.: Я имела дело с профессором Реем Тарасом. Его родители — этнические поляки, эмигрировали в Канаду. Он работает в Новорлеанском университете, написал пятнадцать монографий. Зарабатывает в США деньги, но американское гражданство не принимает, остается гражданином Канады.

АВТОР: *Почему?*

Н.А.: А он не считает, что Америка — та страна, чьим гражданством можно гордиться. Мне его позиция импонирует. Я так думаю, что он свободный гражданин.

АВТОР: *Может, он гражданин мира. В нашей отечественной, русской традиции эта позиция скорее осуждается, чем поощряется. Если вспомнить, как устроился в жизни И.С. Тургенев, то мне понятно неприятие его как человека, а потом это переносится и на его творчество, — со стороны Толстого и Достоевского. Ирина Марковна не воспринимала западное общество, поскольку оно себя позиционирует как общество потребления. И здесь она тоже впадает в традицию: и Герцен, и тот же Достоевский в XIX в., Солженицын и Зиновьев в XX писали о мещанстве как о доминирующей черте западной цивилизации.*

Н.А.: Ну, мы такими фразами говорим... Она с удовольствием ездила в разные страны, наблюдала, но была ли она в восторге... Это разные вещи — восхищаться архитектурой или демократическими порядками, которые как-то конституционно и инструментально выражены, и быть жителем данной страны, воспринимать ее изнутри. Я думаю, что, несмотря на великое разочарование последних лет, она ощущала себя гражданином своей страны и смотрела на порядки в других странах именно с позиции наблюдателя, не примеряя их на свою жизнь. Она не сожалела о прожитой жизни, даже притом, что она бросала партийный билет...

АВТОР: *Было такое?*

Н.А. Да. Она была импульсивна. Это было время Руха. Мне было странно. Мне хватило одного опыта, чтобы оценить разного рода партийные движения.

АВТОР: *Это говорит о том, что у нее был общественный темперамент. Она хотела участвовать.*

Н.А. Ну, конечно. В этом отношении надо преклоняться перед ней, потому что таких людей мало. Вместе с тем, я считаю, что это личная стратегия каждого.

Я согласен с Нелли Александровной: каждый имеет право выбирать, и только вследствие этого акта наступает ответственность. Это и есть практика свободы. Свободный человек не может пенять на окружающих за то, что с ним случилось. Он всю ответственность берет на себя. Но дело в том, что для Ирины Марковны выбора не было. Ее выбор был предопределен жизненной позицией, характером, историей личности.

То, что имеет форму выбора, на самом деле есть проявление сущности здесь и сейчас. А она всегда тождественна себе. Недостаток мужества, который человек обнаруживает в себе, когда он колеблется при принятии решения, есть не что иное, как недостаток, более того, порок его недоразвития. Человек слаб — это понятно, но он должен снова и снова пытаться вести нелицеприятный разговор со своим внутренним Я, своей духовной сущностью, которая и есть подлинный человек, живущий в телесной оболочке, в мифическом образе данного человека. Человек, который оправдывает свое неучастие в извечной битве добра и зла семьей, детьми и прочее, полагает, что он избежал судьбы,

но именно с этого момента судьба им и занимается. То есть его участь от него уже не зависит. Она решается людьми, которые сделали выбор за (вместо) этого человека. При этом, ничего не сделав, он совершил убийство. Он убил свою совесть, которая могла бы манифестироваться как свободный поступок. Такая жертва не принимается Высшей Силой. Убийство есть убийство. Предательство есть предательство. Даже если предаешь самого себя. Так из самой глубины человеческого бытия возникает тема предательства. За ней следует тема покаяния — вторая коронная тема интеллигентского существования. Впрочем, эта проблематика Ирину Марковну не затрагивала. Мужества ей было не занимать.

8. СОЦИОЛОГ И ВЛАСТЬ

Сделаю еще один заход на тему: «человек науки и власть» — в силу важности обсуждаемого вопроса.

Дело в том, что общение ученого с властью не может быть равноправным и свободным. Вступая в контакт с властью, он *поневоле* теряет способность служить истине, соскальзывая на дорогу либерала-прогрессиста из сказки Салтыкова-Щедрина, который по предписанию власти вначале действовал «по возможности», затем «хоть что-нибудь», а в конце — «применительно к подлости». Либеральный конформизм не доводит до добра, а скорее наоборот — вот мораль сей «сказки». В системе *исследователь-власть* первому отведена служебная, точнее даже, обслуживающая роль помощника, ибо власть сама решает, до какой степени и в какой мере она воспользуется помощью социолога. При этом, власть не только эксплуатирует истину в своих интересах, но и прикрывается авторитетом науки и личным авторитетом таких принципиальных и честных людей, как Ирина Марковна. Сотрудничество с властью чревато для ученого-интеллигента слишком большими нравственными издержками и, главное, потерей цели. Разве не испытала Ирина Марковна многократно чувство разочарования и обманутости от контактов с властью предрежащими?

Степень тотальности Системы в 60—80-е годы существенно отличалась от 1950-х. В Москве была одна ситуация, в регионах — другая. Даже в одной и той же академической среде обстановка сильно разнилась в зависимости от начальства и традиции. Были ретроградные «заведения», где царил жесткая требовательность к идеологической лояльности, но были и оазисы свободомыслия. Классический пример — Институт международного рабочего движения (ИМРД), под крышей которого собрались самобытные философы и социологи. Они занимались, чем хотели. Это стало возможно потому, что ИМРД жил «под крылом» крупного партийного функционера, вице-президента АН СССР, *отца советской социологии* академика А.М. Румянцева. Профессор Ядов о периоде своей работы в другом «передовом заведении» — Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ),

созданным по инициативе того же Румянцева в 1968 году, констатировал: «При Румянцеве была прекрасная либеральная атмосфера».

И.М. Попова в своих контактах с партийно-советской властью учитывала то, что та не представляла собой тотального целого. В силу конфликта интересов и конкуренции внутри властных структур всегда была возможность найти людей, готовых поддержать социологические проекты. Поиск союзников в обкоме или горкоме был нормой политических отношений социологов с властными структурами. В конце концов ученые были членами той же самой партии и, кроме того, обладали аурой знатоков «единственного в мире истинного Учения».

Поскольку Ирина Марковна не была политиком, а подходила к политике с позиций интеллигента, общественного деятеля, то некоторые вещи она, что называется, «не догоняла». К примеру, она недоумевала: почему ударили по Леваде, почему запретили чтение лекций, которые не несли в себе никакой крамолы, а всего лишь популяризировали основы социологического знания?¹ Впрочем, не только Ирина Марковна пребывала «в непонятке». Вот что пишет В.Э. Шляпентох: «Сейчас, почти сорок лет спустя, трудно понять слепоту социологов, чьи имена уже были известны стране, не видевших и не чувствовавших нарастающей волны политической реакции, зародившейся еще в 1964 г. Единственное, что нас всех извиняет, — это то, что мы не могли знать о начале охоты на Румянцева со стороны тогдашних ястребов из ЦК. Вотличие от сталинских времен, когда неугодных ликвидировали мгновенно, она длилась несколько лет, вплоть до 1972 г., когда Румянцев был снят с должности директора ИКСИ» (Шляпентох 2007).

Дело в том, что Ю.А. Леваду выбрали «козлом отпущения». Шел 1968 год. «Пражская весна». Суслов, Гришин и другие ультраконсерваторы в руководстве партии сочли момент удобным, чтобы расправиться с главным либералом в ЦК КПСС. Они метили в члена ЦК КПСС, вице-президента Академии наук, директора ИКСИ, академика А.М. Румянцева, считая его главным ответственным за «расползание ревизионизма» в стране.

Тем не менее на роль «козла отпущения» Левада был выбран не случайно. Он был авторитетной фигурой среди социологов. Яркая личность. Лидер. Сама Ирина Марковна свидетельствовала: «Юра Левада был нашим кумиром. Все, что он говорил, казалось значительным и важным» (Попова 2011: 44). Вокруг него сложилась либеральная, прогрессивная среда. На своей квартире он устраивал что-то вроде семинара, куда приглашались не только социологи и где шел откровенный, свободный разговор на все актуальные темы, в том числе и о событиях в Польше и Чехословакии. В общем, «гнездо

¹ Это так и есть. На объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС 24 ноября 1969 года Ю.А. Левада заявил: «В данном же курсе <...> я считаю важным дать прежде всего основы положительных знаний... Букварь — тоже оружие в идеологической борьбе, если велика неграмотность или малограмотность» (Российская социология шестидесятых годов, 1999).

шестидесятников». С партийными бонзами Левада по молодости лет вел себя независимо, может быть, даже высокомерно. В общем, кандидат на «проработку» он был отменный. Посредством санкций против него социологию поставили в «рамки».

Но если вести себя по-умному, использовать механизм двоемыслия, распространенный в том же партаппарате, опираться на решения партии и правительства о мерах по совершенствованию *научной* системы управления производством и прочее, то можно было найти общий язык с партийными органами. Ведь в их работе, помимо идеологического, был и деловой аспект. У них был «сверху» спущенный план по науке. Его надо было выполнять. Пусть ученые займутся, глядишь, какая-никакая польза образуется. Так или примерно так рассуждали в кабинетах руководителей среднего звена.

С властью надо было договариваться, власть нужно было убеждать, наконец, власть можно было использовать, ведь она, партийная власть, сама разделяла мифы, которые производила, и считала для себя необходимым выдвигать или поддерживать всякого рода почины по внедрению научных методов руководства.

Основоположник социологической науки Огюст Конт разрабатывал модель научно управляемого общества. В советскую эпоху идея научного управления обществом легла в основу главного советского мифа. Ирина Марковна, несомненно, разделяла этот идеал. Ее мысль не доходила, конечно, до прямой социократии: не власть социологии, но власть на основе социологии.

По заказу властей и в тесном контакте с администрацией предприятий социологическая группа Ирины Марковны на протяжении многих лет занималась социологией труда, изучала вопросы текучести кадров, повышения управления производством и эффективности труда за счет его стимулирования. И в течение всего этого времени она находилась в состоянии скрытого конфликта со своими заказчиками. Суть этого конфликта хорошо разъяснил В.Э. Шляпентох: «Конфликт между прагматическим знанием и идеологическими ограничениями всегда был в центре советской истории, как, впрочем, истории всех других коммунистических режимов. Лидеры этих режимов в идеале хотели и того и другого — обладать информацией, полезной для укрепления своей власти, и одновременно сохранять незыблемыми основы идеологии» (Шляпентох 2007).

Видимо, нельзя запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань. Практики от КПСС не были крестинами (некоторые из них были неплохо образованными людьми), но ее величество Система имела свой ум и свою властную логику. Вера в Систему важнее веры в науку — таков был постулат советских партocrats. Поэтому они снисходительно смотрели на попытки искренних сциентистов вроде Ирины Марковны помочь Системе своим инструментарием. Они «знали» и не нуждались в помощи. Так однажды и заявила Ирине Марковне заведомо науки одесского горкома партии. Действительно, как могут ученые судить о том, что нужно делать Партии, когда именно

последней принадлежит безраздельное право диктовать всем, что нужно делать.

Колебания власти между пользой социологии и ее вредом для идеологического имиджа диктовали тактику по отношению к ней: власть лавировала, местами запрещала, местами поощряла, надеясь на положительное сальдо в итоге. Положение осложнялось тем, что и внутри самой власти точилась борьба. До поры до времени она носила подковерный характер, а в годы «перестройки» выплеснулась на поверхность. Вот, к примеру, как описывает эту ситуацию Борис Дубин в начальный период работы ВЦИОМа (1987—1989 гг.): «Делались попытки подрвать значение наших исследований и даже «зарыть» весь этот проект. Потому что там, наверху, уже шла борьба по своим причинам и поводам, а мы оказались одной из карт в этой борьбе» (Дубин 2009).

В силу указанной двойственности Ирина Марковна долгое время пребывала в иллюзии, что то, чем она занимается, нужно власти как таковой. Просто среди партийных и советских функционеров встречаются недалекие и беспринципные люди, которые более всего озабочены своим положением, карьерой, спокойным существованием они тормозили прогресс. Ей верилось, что разум победит. Революционный дух «перестройки», демократизация власти, объявленная борьба реформаторов от КПСС с механизмом торможения, то есть с бюрократической системой, вроде бы позволяли надеяться на скорые и радикальные перемены к лучшему. Она вместе со своим коллективом включилась в ход бурных «перестроечных» событий, желая повлиять на исход. Позже, спустя десятилетия, призналась: «Сейчас я понимаю, сколь наивны мы тогда были, сколь переоценивали свои возможности влиять на происходящее» (Попова 2011: 55).

И все же контакт с властью был. И результат взаимодействия — тоже. Подводя итоги работы в советское время, Ирина Марковна говорила: «Власть считалась с нами и прислушивалась к нам. Особый интерес проявляли партийные органы, которые даже помогали нам. <...> Существовали достаточно квалифицированные социологические службы в Верховном совете Украины, в ЦК компартии Украины при Отделе агитации и пропаганды. По заданиям ЦК проводились масштабные исследования по всей Украине о социальной справедливости. Мы обследовали предприятия, делали выборку самых различных трудовых коллективов и выясняли отношения людей к социальной справедливости, определяли, какие существуют очаги неблагополучия, пытались выяснить факторы их порождающие, изучая документацию и реальную ситуацию. По результатам исследования были подготовлены информационные письма, докладные записки, которые направлялись в самые различные органы: и в городские, и в областные, и в центральные. Все это было — и не нужно об этом забывать» (Попова 2011: 62).

Сегодня весь негатив сознательно проецируется на советское прошлое: мол, все идет оттуда — пережитки, родимые пятна... Видимо, так устроена машина по производству идеологических мифов. Когда уважаемый Поповой

социолог, ректор Харьковского университета, президент САУ В.С. Бакиров в своем докладе на Первых международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной 10 декабря 2007 года сказал о «подпольной социологии» советского периода, последовала немедленная реакция Ирины Марковны: «...Я хотела бы сказать, возражая квалификации этого периода как времени «подпольной социологии»: мы имели гораздо больше, чем сейчас, возможностей для проведения масштабных, именно нужных и актуальных исследований» (Попова 2011: 61). Обращаю внимание демократов и националистов — не просто «больше», а «гораздо больше».

Если диссиденты находились в принципиальной, непримиримой оппозиции к власти, то есть отрицали за ней право быть властью, то социолог Попова шла к власти с предложением работать вместе над улучшением общественных отношений. Она была убеждена в пользе от сотрудничества с властью не только для власти, народа, но и для социологии. Другого варианта просто нет. Внимание, это **главное**: *сотрудничество социологов с властью на постоянной основе превращало социологическую науку в важнейший социальный институт!* Это — принципиально новая культура управления, где каждое решение власти начинается с социологической экспертизы. А с точки зрения развития науки, социология получает в свое постоянное «пользование» огромную страну, осуществляя в ней крупномасштабные долговременные проекты, рассчитанные на 10—20—50—100 лет. Социология — не градусник, чтобы измерять температуру общественного мнения, когда власти или оппозиции это понадобится, а социальный инструмент самопознания общества.

Что оставалось Ирине Марковне после постигших ее разочарований, связанных с «перестройкой, которую мы потеряли»? Надо было начинать сызнова, поскольку развал советской системы не обошел и социологию. Она по сути перестала быть социальным институтом общества. В значительной степени были утрачены исследовательские традиции. Социология, как и все другие интеллигентные профессии, как наука в целом, перешла в режим выживания. Социологическое образование, рейтинговые опросы в период избирательных кампаний да плюс маркетинговые исследования, которые — как бы многим этого ни хотелось — наукой не назовешь — вот и все что осталось от былого размаха. Новый режим, позиционирующий себя демократической властью, не спешит проявлять заинтересованность в привлечении социологов для решения крупных государственных задач и, соответственно, финансировать свой «социальный заказ». Советский Союз хотя бы ради престижа немалые деньги выделял на развитие общественных наук. Глядя, как барахтаются в болоте кризиса «демократические» управленцы независимой от СССР России и независимой от России Украины, иногда ловишь себя на мысли, что они сильно смахивают на министра-администратора из фильма «Обыкновенное чудо». Этот министр все время был предметно занят «экономикой»: «Шесть фунтов королю, из них три мне; три фунта принцессе, из них полтора мне». Наука в его планы не входила, хотя кто-то и обучил его арифметике.

Ирина Марковна не потеряла самообладание, не ушла во внутреннюю оппозицию недалековидному режиму. Она снова и снова пыталась наладить взаимодействие с властями, областной и городской администрациями, тем более, что лица там были вполне узнаваемые. Иллюзий уже не было, но осталась принципиальная позиция: с властью надо сотрудничать. Вот ее прямая речь: «...вопрос взаимодействия социологии и власти. Если поставить его прямо, то он звучит так: должны ли мы сотрудничать с властью? И я отвечу на этот вопрос так — да, должны. Не только должны, но социологам просто необходимо сотрудничать с властью. Другое дело — в чем должно выражаться это сотрудничество и как нам следует себя вести в данном случае, какие позиции мы призваны защищать. <...> Сотрудничество должно заключаться в том, чтобы обращать внимание власти на социальные болезни и понуждать ее к наиболее целесообразному, с точки зрения интересов общества, интересов простых людей, решению социальных проблем» (Попова 2011: 60).

Сказано с убеждением, на основании опыта. Но как же ей самой дался этот опыт «сотрудничества»? Она задумала создать архив биографий и автобиографий простых одесситов, нескольких поколений граждан города, чтобы на их основе, используя качественные методы, изучать типологию населяющих город людей. Эпопея с Народным архивом началась в 2000-м году. Были составлены и переданы в различные городские и областные организации докладные записки, многочисленные справки, организована поддержка общественности города и осуществлён контакт с различными кафедрами одесских вузов. Совместно с работниками архивных организаций было разработано Положение о работе Народного архива. Наконец, тогдашний мэр города Р.Б. Боделан принял решение об организации сектора «Народный архив» при Городском архиве. Определено было и помещение, предоставляемое для работы Народного архива, и выделены две штатных единицы для его функционирования. Однако Народный архив в Одессе так и не был создан. Помещение, предназначенное для его работы, было продано одному из депутатов Горсовета для размещения там частного предприятия. Сама Ирина Марковна подвела итог: «Печальная история с Народным архивом — модель взаимоотношений социологов с управленческими инстанциями: наша информация и наши рекомендации, если даже проявляется заинтересованность в них и они принимаются к сведению, никогда не реализуются и, соответственно, не влияют на управленческие решения, не претворяются в практическую жизнь» (Там же).

На одной стороне *общество*, на другой — частный интерес одного дрянного депутатишки. И он одерживает верх: «помещение продано». С таким же «успехом» провалились попытки социологов во главе с Ириной Марковной помочь властям, соответствующим управлениям обл администрации и госадминистрации, в правильном решении проблемы беспризорности и реформы ЖКХ в Одессе. Ох, как тяжело иметь дело человеку гражданского долга с человеком административного толка!

Давно уже мы ничего хорошего не ждем от нашей власти. Вчитываясь в слова сухих отчетов Ирины Марковны, за которыми угадывается отчаяние

и беспомощность интеллигента, не могу не воскликнуть: «Все же какая у нас архаическая власть!» Написал «архаическая» и тут же поймал себя на мысли, что в древности власть и мудрец тянулись друг к другу. Идеалом была гармония власти и науки. В поучении фараона своему сыну, которое датируется XXII в. до н. э., говорится: «Не обходят мудрого... Мудрость, это [прибежище] для вельмож. Не нападают на мудреца, зная его мудрость. Не случается ложь в его время, так как «приходит к нему истина очищенная», как сказано в речениях предков».

Наличие у каждого государя «своего» мудреца — краеугольный камень политической традиции и идеологии образованной элиты древнекитайской империи. Сам факт привлечения на службу «достойного мужа» считался лучшим признаком эффективности управления. Добиться этого, однако, было нелегко, ведь «достойный муж» несет в себе полноту знания и славы не ищет. Он живет непременно в уединении и, как говорили в древности, «Сын Неба» не может сделать его своим слугой, а владетельные князья не могут сделать его своим другом».

Легко понять, почему мудрец отказывается идти во власть: он «хранит в себе праведный Путь». Но почему он все-таки соглашается сотрудничать с властью? Потому что это самый эффективный способ служить народу. То есть мудрец стремится поставить власть на службу добра и справедливости. В этом, вообще говоря, и заключается секрет привлекательности власти для интеллектуалов и возможность — хорошо известная и из истории России — внезапного превращения стойкого оппозиционера в государственного мужа. Поистине, честный ученый — лучший государственный муж. И опять я вспомнил о Сократе, который, если верить Платону, однажды в споре с «сильным человеком», политиком Калликлом заявил: «Я — единственный, кто в этом городе подлинно занимается искусством государственного управления и единственный среди нынешних граждан применяю это искусство в жизни». Этим он хотел сказать, что он единственный в целом городе думал исключительно об общем благе, а не о собственном кармане. Великие Афины в этот период переживали глубокий упадок, и мудрец Сократ указал на причину этого упадка — государственное мышление было подавлено частными интересами.

Социология не претендует на роль науки о гармоничном устройстве общества, она хотела бы быть *служебной* наукой. Без нравственной и политической воли власти наладить разумное управление социумом не удастся. С другой стороны, если проблема изучена, и вы знаете причины ее возникновения и оптимальные точки приложения сил для исправления ситуации, то почему надо бездействовать?

Партийно-советская власть была также ленива и нелюбопытна, черства и некомпетентна, как нынешняя псевдодемократическая, но дисциплина исполнения решений была у нее выше. Поэтому удавалось сделать больше. Сегодня власть занята «своими вопросами» и зачастую решает их в ущерб обществу. Одесские примеры — многочисленные истории с застройкой склонов, парков, санаториев — типичны для всей Украины. Очень символично

выглядит проблема детской беспризорности: не только дети, но и взрослые оказались в царстве беспризорности. И это *они* называют свободой.

* * *

Размышляя над коллизией «ученый и власть», «интеллигент и власть», я не мог не заметить, что авторы, пишущие на эти темы, почти бессознательно ставят «власть» на второе место, тогда как в жизни она занимает ведущую позицию и имеет собственные задачи, среди которых поддержание стабильности системы находится на первом месте и уже потом — ее развитие. То есть власть осторожна, консервативна по своей природе. Обращение ее к реформам всегда вынужденно. Тише едешь, дальше будешь — говорит народная мудрость, и власть с ней соглашается. Если посмотреть на коллизию власти и интеллигенции с указанной точки зрения, то открывается следующая диспозиция: есть люди, которые «отвечают» за прогресс, и есть люди, которые «отвечают» за его сдерживание. Мы, интеллигентские представители партии прогресса, таких людей не любим, мы их клеймим как «реакционеров». Вся прогрессивная Россия ненавидела Константина Петровича Победоносцева, стремившегося правдами и неправдами сохранить самодержавие — основу политической системы царской России. Сейчас выходят в печати его работы. И что же мы видим? Образованный человек, юрист высокого класса, знаток истории России, ее горячий патриот. Ту Россию господа прогрессисты в клочья разнесли. Их самих отправили «в расход» большевики. С большевиками разобрались они же сами. Сталин подвел итог. Пошли по новому кругу. Михаил Андреевич Суслов, этот Победоносцев советского образца, пытался что было сил морозить советский строй, но прогрессисты вновь его растоптали. А, может, Победоносцев был не так уж и не прав?

Однако вернемся к Ирине Марковне. Беседуя с коллегами и соратниками Ирины Марковны, автор пытался подтолкнуть их к теме обличения власти в лице «ярого реакционера» Руслана Борисовича Боделана, ведь было за что. Вспоминаю 1986 год. Только что состоялся XXVII съезд КПСС, взявший курс на перестройку. На общеуниверситетском партийном собрании выступал делегат съезда, первый секретарь горкома Р.Б. Боделан. В ходе своего выступления он бросил упрек в адрес ученых, что, мол, они «не дорабатывают», а партия ждет от них действенной помощи. В прениях на трибуну поднялась Ирина Марковна и стала приводить конкретные факты проведенных по заказу партийных органов разного уровня исследований, в результате которых на стол ложились отчеты и справки с предложениями по совершенствованию управления. И что же? Партийные начальники областного и городского уровня игнорировали эти научно обоснованные рекомендации, отмахивались от ученых как от назойливых мух. При этом Ирина Марковна называла конкретные имена и фамилии. «Так кто же «не дорабатывает»? — вопрошала она. Боделан сидел в президиуме, опустив голову. Он ничего не возразил.

Так вот, мои собеседники на «провокацию» не поддались и Боделана не ругали. В марте 2001 года в одесском Доме ученых проходило чествование Ирины Марковны в связи с ее 70-летием. На собрание пришел мэр города Руслан Борисович. Он подарил юбиляру компьютер и в приветственном слове сказал, что ему всегда было очень трудно работать с Ириной Марковной, ибо она никогда не упускала случая покритиковать работу городских органов власти и его лично. Но, не смотря на это, он ей благодарен за помощь, за все то, что она сделала и делает для одесситов. Ирина Марковна была растрогана.

Еще не пришло то время, когда будет показана драма партийного руководителя, который в своей среде выделялся передовыми настроениями, делал конкретное дело, иногда с риском для карьеры прикрывал творческих людей. Но потом Союз рухнул, КПСС запретили, а советскую власть осудили. И вся его деятельность оказалась вмиг перечеркнутой фактом принадлежности к партократии.

9. ПОПЫТКА АПОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

У нас есть привычка приписывать ход событий властям. На самом деле события идут своим чередом. В них больше стихийности, чем сознательного целеполагания. Власти скорее приспособляются, реагируют на события, чем их организывают и ими управляют. Скажу больше: жизнь более чем на 90% состоит вообще не из событий, а рутинных актов жизнедеятельности, которые в своей совокупности характеризуются категорией «повседневность». Люди в своей повседневной жизни не совершают ничего героического, гражданского, но поток их обыденного сознания позволяет уловить и воссоздать систему ценностей, которая держит на плаву общественно-политический строй. Повседневность выявляет тот элементарный, рефлексивный уровень индивидуального и массового сознания, который является основой всех исторических телодвижений нации, всех узоров индивидуального и группового исторического творчества. И на этом уровне есть своя идеология и своя философия. Ирина Марковна занялась изучением феномена повседневного сознания. Таким образом, главным предметом ее исследований стал простой человек — тот, которого мы встречаем каждый день, с кем живем и работаем бок о бок, — обычный человек с его эмоциями и надеждами, предубеждениями и стереотипами, ценностями и интересами, причудливо переплетенными в его повседневном сознании и практической деятельности. Тот самый человек, которого либералы презрительно обозвали «совком»¹.

¹ На первенство в изобретении этого термина претендуют несколько человек: рок-музыкант А. Градский, писатель и философ М. Эпштейн, писатели А. Генис и П. Вайль. Но скорее всего это слово родилась в народном обиходе. Его употребляли в 70-е годы фарцовщики и всякого рода богемные люди для характеристики массового советского человека, не способного подняться над своим серым бытом. Идеологический смысл этому понятию придали именно либералы.

Каждая эпоха порождает и культивирует свой тип *человека социального*. Этот человек есть квинтэссенция народной массы. Советская эпоха породила homo soveticus как тип «простых людей». Именно в типажах «простых людей» заключается ответ на вопрос, что привнесла советская цивилизация в историю. Чтобы осуществить социально-антропологический анализ и корректно обрисовать типаж советского простого человека, мало выяснить его «объективку» и субъективную мотивацию, нужна социологическая модель понимания или, в терминологии И.М. Поповой, «концептуальное представление советского общества» или, говоря словами Ю.А. Левады, «нужен определенный луч, который сканирует полученные результаты и придает им некоторый смысл».

Понятие «советский человек» родилось задолго до всяких исследований для нужд идеологической мифологии. Белый миф, созданный советскими идеологами, представлял советского человека, по словам Г.Х. Шахназарова, «гибридом спартамца с афинянином». Черный миф западных идеологов рисовал советского человека крепостным государства, вынужденным каторжно трудиться под надзором спецслужб и тюремно-лагерных вертухаев.

К концу «перестройки» в определенных влиятельных кругах советской интеллигенции сложилась и начала функционировать система обвинений и упреков в адрес советского общества и советского человека как исторического типажа, несущего на себя определенные цивилизационные черты. Она работала не на «социализм с человеческим лицом», а на подрыв социализма, советской власти и, в конечном счете, государства. Эта система подпитывалась разными негативами экономического, социального и идеологического порядка. По мере нарастания трудностей «перестройки» и напряженности в обществе концептуальная критика советской цивилизации, особенно из лагеря либералов, усиливалась.

После развала Советского Союза к либералам активно подключились националисты. На изломе советской власти, когда был убран «железный занавес», и наши люди стали волнами накатываться на зарубежье, термин «совок» употреблялся для негативной характеристики низкокультурной манеры потребления западных «ценностей». «Совок» — это советский обыватель, разморозивший в условиях капиталистической свободы свои страсти по потреблению. Ему присущи тяга к халяве, хамство, нетерпимость, агрессия. Пьяные дебоши везде, где появляется наш турист. Вместо осмотра достопримечательностей беготня по магазинам. Наш потребитель, в отличие от европейского, неумен и демонстративен. Он должен всем показать, что и как он потребляет. Я уже не говорю о Куршавеле, этом позорном символе бесстыжих денег.

«Совками» стали называть и всех тех, кто не сумел приспособиться к новой жизни и неоправданно ностальгирует по прошлому, которое якобы было сплошным мраком. В пику советской пропаганде либеральная и националистическая интеллигенция постаралась придать этому термину универсальный характер: советский строй породил отвратительный массовый тип

«человека советского» — мелкого, жадного, злобного, завистливого. «Совок» — это якобы закономерный результат воспитания и образования людей при советском строе. «Совком» также называется исторический период с 1917 по 1991 год в России/СССР. Отсюда выражение «жить в совке».

И острое неприятие всего советского вплоть до вычеркивания «советского века» из нашей истории, и сплошная апологетика, замешанная на беспробудной тоске по нему, — это крайности, подхваченные идеологией, используемые известными политическими силами в их «политике памяти». Все это имеет касательное отношение к реальной советской истории, прочтение которой становится важной научной задачей. Ирина Марковна одной из первых это осознала. К этому ее подтолкнула либеральная неправда. Она была категорически не согласна с образом советского народа как безгласной и бездумной массы. Скажу больше: будучи профессиональным социологом, Ирина Марковна в то же время решала моральную проблему собственного существования. Она в себе самой воспроизводила тип советского человека. Вот почему она имела полное право взять под защиту этого человека.

Тот черный образ советской эпохи, который рисовали либеральные идеологи или откровенно фарсовые персонажи советских ненавистников вроде Валерии Новодворской и Константина Борового, ее абсолютно не задевал. Это — чистый продукт политического мифомышления. О чем тут спорить? Она спорила с людьми, которые пытались *понять* феномен советского человека *средствами науки*. Она остро реагировала на многолетний социологический проект Ю.А. Левады под названием «Простой советский человек». Авторитетный социолог поставил цель социологическим инструментарием выявить в «простом советском человеке» засевший в нем ген раблепия и тоталитаризма. А как иначе можно объяснить провал младореформаторов?

По тем объяснениям, которые давал Ю. Левада материалам, полученным в результате проводимых ВЦИОМом опросов с интервалом в пять лет, выходило, что простой советский человек — это «человек традиционный, допетровский» (волна 1989—1991); «человек покорный и беспомощно терпеливый», «человек лукавый», «человек испуганный и встревоженный» (волна 1994 г.); «человек невзыскательный, минималист», «человек пассивный, зритель»; это — «человек внутренне очень фрустрированный, апатичный и астеничный». Если все эти «параметры» свести воедино, то получится сугубо негативный портрет. В своей публичной лекции «Человек советский» Левада говорил: «Это главная черта советского человека, с которой мы столкнулись: начальство делает вид, что оно ему платит, а он делает вид, что работает. Можно иначе перевернуть порядок, но это один из принципов того общества, которое у нас держалось 70 лет» (Левада 2004а). Объяснение лежит на поверхности: уравниловка, отсутствие стимулов к производительному труду, уничтожение наиболее активной части населения (крестьянства, рабочего класса, интеллигенции) во время сталинских чисток.

Несогласие Ирины Марковны с Левадой проистекало из того исследовательского материала, которым она располагала, а также из всего ее жизненного опыта. Ее детство прошло в рабочем городке. Оно было типичным для всех советских мальчишек и девочек. Их образ жизни и мир образов был окрашен музыкой довоенного времени. Р.М. Фрумкина, к примеру, была столичной девочкой и училась, как сейчас говорят, в элитной школе. «Как и большинство городских детей тридцатых годов, — вспоминала она, — я тоже была, хоть и маленьким, но оттого не менее несомненным человеком эпохи строительства — а вернее сказать, строительства и энтузиазма. Лучшее выражение моего тогдашнего мироощущения — это музыка Шостаковича к кинофильму «Встречный», песня с припевом «Не спи, вставай, кудрявая!» И ниже: «Вообще же у нас в классе никто не интересовался тем, где работают родители и кто они. Конечно, было известно, что отец Нуннэ — знаменитый композитор Хачатурян, а отец Наташи — известный актер МХАТа Ливанов, но отсюда ничего не вытекало. У всех были похожие портфели, более или менее одинаковые тетради и ручки. На стене в классе часов не было, наручные же часы были редкостью. У меня они появились в седьмом классе, и потому меня постоянно дергали за косы, спрашивая «Сколько осталось?» (т. е. до конца урока). Излишне говорить, что никто не носил украшений, а о косметике и слыхом не слыхали. Многие приносили в школу бутерброды и яблоки, но невозможно себе представить, чтобы, например, Галя Поскребышева принесла на завтрак бутерброд с черной икрой или чем-нибудь подобным» (Фрумкина 1997: 16, 35).

Это — типичное воспоминание. Подобных — множество. Известные люди, высокопоставленные руководители строго блюли этику социального равенства, которая работала на сплочение советского общества. Людям с детства старались привить чувство товарищества и взаимной поддержки. Ирина Марковна, в свою очередь, отмечала, что ее отец занимал пост главного инженера крупного комбината в Краснодаре, но никакой отчужденности от основной массы работающих на предприятии не было. «Я общалась с самыми различными ребятами, которые никогда не выделяли меня как принадлежащую к «начальствующей семье», — рассказывала Ирина Марковна. — Может, поэтому я и сейчас чувствую себя вполне комфортно с «простыми людьми» и категорически не приемлю иронический смысл, который зачастую придают термину «простой советский человек». Крайне возмущает меня и снобистский «совок». Глубоко уверена, что интеллигентность означает, в частности, способность с почтением и доброжелательностью относиться к любому человеку, как бы «прост» он ни был» (Попова 2011: 31).

Занимаясь в 70-е годы изучением трудовых отношений на крупных предприятиях, она окунулась в атмосферу рабочих коллективов, много общалась с «простыми» молодыми рабочими, знала эту среду не понаслышке и поэтому воспринимала высокомерие по отношению к рабочему классу как проявление неинтеллигентности. «Помню, — писала она о том времени, — что ошеломляющее впечатление произвело на меня общение с рабочими

непосредственно в цехах, их доверительное и доброжелательное отношение к нам, возможность выяснить нечто такое, что оказывалось неизвестным для руководства предприятия. <...> Рабочие, вопреки легенде о «несвободе в условиях тоталитарного строя», давали порой нелицеприятные оценки действиям руководства, не стесняясь и не тревожась о последствиях, зная, что без работы они не останутся, а главное — вносили дельные предложения для совершенствования работы предприятия» (Там же).

В 1975 году в «команде» Ирины Марковны автор сам участвовал в анкетном опросе жителей сел Красноокнянского района, и, если бы мне надо было тогда определить главную черту типа «человека советского», я бы назвал его «человек недовольный». Недовольный он был прежде всего своим непосредственным начальством, затем — соседом, далее — женой и детьми. На общественный строй зла не держал и на систему власти не посягал.

Автор задал вопрос ученице и многократному соавтору Ирины Марковны Галине Петровне Бессокирной вопрос о проекте Левады «Простой советский человек». Как относилась она к левадовской концепции «простого советского человека»? Получил ответ: «Следила за ним и отмечала эволюцию первоначальной левадовской концепции в последующие после первого исследования годы. Ирина Марковна приветствовала эти изменения во взглядах Левады. Хотя публикации его учеников Гудкова и Дубина ей не очень нравились из-за порой некорректной интерпретации ими эмпирических данных».

Особенно не «повезло» во мнении Ирины Марковны Л.Д. Гудкову: в его взгляде на советское общество как на бессубъектную массу она видела проявление «социологического снобизма». Она упрекала Гудкова в поверхностном анализе ответов респондентов, которые провокативным образом заключены в вопросах анкеты (Попова 2011: 23). Гудков выводил типичные черты «советского человека» из национальных ментальных комплексов и не хотел учитывать влияние на ответы людей объективных условий жизни, в которых они оказались в настоящее время. На этот серьезный недостаток его концепции и метода указал В.Э. Шляпентох. В их полемике Ирина Марковна была полностью на стороне последнего.

Следует сказать, анализ левадовских статей и публичных выступлений на эту тему подтверждает факт значительной эволюции его представлений о «простом советском человеке». Так, например, в статье «Человек советский» пять лет спустя: 1989—1994 (Предварительные итоги сравнительного исследования) Ю.А. Левада констатировал «двусмысленность, которая свойственна всему менталитету советского и постсоветского человека», «непрерывные метания между тоской по авторитарному порядку и надеждами на демократию, между цивилизационными стремлениями и тягой к агрессивному изоляционизму» (Левада 2011: 64).

На самом деле бинарность мышления и поведения, неуверенность в своем опыте в условиях коренной ломки существующих социальных структур и утраты всякой стабильности существования является типичной для любого типа человека. Хотел бы я посмотреть, как бы вели себя в наших

условиях развала и гиперинфляции 90-х годов западные европейцы или американцы.

В статье «Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа», написанной уже в явно другой тональности, Ю.А. Левада приходил к выводу, что *человек советский* как социально-антропологический феномен в первое постсоветское десятилетие вел себя достаточно рационально, обнаруживая тенденцию к устойчивости собственного типа и социальному выживанию в экстремальных условиях глубокого общественного перелома. И это при том, что общественная структура, породившая этот тип человека, уже не существовала и, следовательно, институционально не поддерживала этот тип. «*«Человек советский» во все периоды своего существования был сложным и противоречивым, — писал Ю.А. Левада. — Его судьба, если сравнивать данные ряда исследований и наблюдений за последние годы, оказывается значительно более драматической, чем это представлялось пять лет тому назад» (Левада 2011: 90).*

Таким образом, Ю.А. Левада отказался от однозначно негативистской характеристики феномена советского человека, к которому склонялся в начале своего проекта. Кажется, он пережил очередную порцию либеральных разочарований и, будучи честным ученым, предпочел быть более осторожным в интерпретации полученных данных. Вероятно, этот факт не преминула отметить Ирина Марковна.

Со своей стороны я должен констатировать, что Левада стремился быть независимым экспертом, но эксперт он «лукавый», как и советский человек в его же определении. На самом деле он — классический советский либерал-прогрессист. Это даже доказывать не надо, стоит только посмотреть на оценочную терминологию, которая проскальзывает в его текстах: «глубочайшая изолированность страны от мирового развития», «неспособная к саморазвитию советская система», «не прошедшая школу исторического воспитания Россия», и т. п. Общеизвестно, что Россия у либералов заслужила «двойку» по историческому поведению, поскольку она явно не вписывается в западную норму исторического развития. Но, может, такой подход компрометирует не Россию, а российских западников?

Что касается учеников и преемников Ю.А. Левады, то и они пережили свой «момент просветления». В частности, Л. Гудков сделал знаменательное признание: «Всю сложность и глубину проблемы, конечно, тогда мало кто из нас понимал. Я только сейчас, как мне кажется, начинаю осознавать всю сложность этого замысла. Но Левада думал, что этот тип человека закончится вместе с СССР» (В кругу Юрия Левады 2010). Оказалось, это ошибка. «В глубинных структурах человек воспроизводится практически без изменений. То есть механизмы социализации, механизмы конституции этого человека, они не затронуты. И этот человек воспроизводится до сих пор» (Там же).

То есть советской власти нет уже более 20 лет, а тип советского человека по-прежнему воспроизводится. Вот в чем генеральная ошибка левадовской

концепции «советского человека»: в ней значительно преувеличена роль тотальной власти и насилия в процессе расчеловечивания человека. Соответственно, недооценена роль человека как духовного, культурного центра, оказывающего обратное гуманизирующее влияние на систему. А ведь жесткая гулаговская литература (те же Солженицын, Шаламов, Волков и др.) указывала на конфликт человека и системы с непредсказуемым итогом. Причем люди часто не осознавали его, но действовали по зову своей нравственной природы. Бесчеловечный режим формировал бесчеловечного человека, и он отчасти формировался. Но можно ли видеть в человеке пассивный слепок системы? Человек способен противостоять внешнему давлению. И потом для советского строя было характерно то, что миллионы людей участвовали во власти, раздробляя ее и внося в ее решения свою моральную волю. А.А. Зиновьев прав, когда характеризует сталинскую систему как *режим народовластия*. В принципе не верно сводить советский социализм исключительно к государственному насилию, как это сделали диссиденты и либералы-западники вроде Ю.Н. Афанасьева. Иначе невозможно объяснить ту гуманистическую культуру (литературу, кинематограф, театр, изобразительное искусство), которую создала советская эпоха и которую миру еще только предстоит оценить во всем ее величии. Это особенно стало заметно в новейшее время, когда нас с головой погрузили в оболванивающую буржуазную масс-культуру. Но, самое главное, культура в Советском Союзе была лишена элитарного характера. Через систему образования, музеев и библиотек ее массово внедряли в народ. Каждый из нас, советских, может вспомнить, как впервые пришел в публичную библиотеку и взял в руки свою первую книгу, записался в драмкружок, в спортивную секцию, свои школьные *обязательные* посещения музеев и театральных постановок. Поэтому среднестатистический советский человек культурно, а значит и морально, был более развит, чем массовый человек Запада. Хотелось бы также знать, откуда взялись кудрявые критики от либерализма, если в стране не было соответствующего достаточно высокого уровня культуры? Неужели их воспитало Би-Би-Си и другие «голоса»?

Попова хотела доказать, что левадовская концепция «простого советского человека» неверна в своей однозначности, базируется на априорном негативизме и сомнительной концепции «советского тоталитаризма». Советские люди в массе своей не были и не чувствовали себя рабами тоталитарной системы. Им было знакомо и чувство творчества, и чувство ответственности за тот мир, в котором они жили. Такие чувства у рабов отсутствуют. Ирина Марковна выстраивала образ советского человека как полноценного, вполне нормального, не усеченного, живущего, а не выживающего, несмотря на унижительные условия быта. Более того, в чем-то более симпатичного, чем человек постсоветский, который действительно оказался задавлен проблемами выживания, постоянными стрессами и вылезшими из него комплексами, вызванными колоссальным неравенством в потреблении и работой на хозяина.

Все, как оказалось, были родом из СССР: и те, кто честно тянул свою лямку на заводе и в колхозе, и те, кто ошивался возле гостиниц Интуриста в поисках предметов красивой жизни, а затем в годы «перестройки» рванул в предприниматели; и те, кто занимал высокие служебные кабинеты в системе советской номенклатуры, и те, кто ненавидел эту систему и боролся с ней — все в итоге оказались «совками», ибо были порождены внутренними противоречиями советского общества.

Представляется, Ирина Марковна захотела по существу ответить Ю.А. Леваде и его ученикам. С этой целью она задумала создать в Одессе «Народный архив». Идея заключалась в том, чтобы собрать банк биографий простых людей и с помощью их качественного анализа, «глубинного прочтения» маленьких историй жизней тысяч людей выхватить человека из массы в процессе его повседневной жизни и типизировать его черты. Идея была подсказана работами московской подруги Ирины Марковны, к сожалению, уже покойной Натальи Никитичны Козловой (1946—2002), доктором философских наук. Она анализировала письма советских людей в газеты и журналы (так называемый жанр «наивного письма»). В статье, посвященной ее памяти, Ирина Марковна писала о том, в чем она была полностью согласна с Н.Н. Козловой: «...масса не может быть приручена на все сто процентов. Тотальная манипулируемость массы — интеллигентский миф» (Попова 2011: 22).

Увы, ее проекту «Народного архива» не суждено было сбыться. Городской голова, пообещавший ей выделить под архив помещение, взял свои слова обратно. Однако идея может быть реализована ее учениками. Время еще есть. И актуальность не утрачена. Даже наоборот. Разработка этой идеи только началась.

И.М. Попова все же внесла свой вклад в подступе к исследованию массового сознания советского периода в ряде работ, посвященных повседневным идеологиям. При этом она считала, что «советский человек» остается «немым» не в меньшей мере, чем человек Средневековья» (Попова 2011: 216). История советского общества как общества Модерна остается не понята и не освоена, перечеркнута и искажена субъективистскими интерпретациями, идеологическими злопахательствами. В свете такой постановки вопроса для молодых исследователей открывается широкое поле исследований.

Гибель советского мира носит характер эпической трагедии, которая еще только разворачивается. Неужели образ жизни и тип человека из этого мира не имели права на дальнейшее существование и эволюцию? Я не верю в правоту тех, кто идейно боролся с этим миром и уж тем более тех, кто поживился его останками. Не думаю, что этим мародерам что-либо удалось в попутном движении истории. Просто завершился цикл, значение которого в мировой истории нам предстоит понять. Польза от этого эксперимента для человечества и, может быть, для космоса исчерпана. И вред тоже прекращен. По сути «Русский эксперимент» (выражение А.А. Зиновьева) — это жертва России во благо человечества. Кармическое учение гласит, что всё в конце концов

дает плоды — и добрые деяния, и злые: всё создает резонансные вибрации, которые пронизывают эпохи и получают отклик в душах людей, настроенных на данную волну вибрации. Поэтому есть смысл подумать о тех вибрациях, которые были порождены жизнедеятельностью советского человека.

10. ДРАМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Последние два века интеллигенция была одним из главных, как сейчас принято выражаться, *акторов* русской истории. Вместе с властью и народом она образует «любовный треугольник» актуальной политики. Поскольку она продуцирует смыслы, постольку именно ее глазами мы смотрим и оцениваем, в том числе и роль самой интеллигенции. По этому вопросу у нас с Ириной Марковной состоялся серьезный «обмен мнениями» в период 2006—2007 годов. Но сначала попытаюсь обрисовать драматургию нашего диалога об интеллигенции.

* * *

Я был зол на интеллигенцию за «перестройку, которую мы потеряли». Очередной раз в момент исторического разлома интеллигенция привела народ в революционное возбуждение, вызвала реакцию распада государства и, самоустранившись, впала в депрессию. Славные поэты-звонари Евтушенко и Коротич немедленно слиняли в Америку пережить и сублимировать в творчество очередную порцию бесценного опыта свободы. Господи, никого не хочу чернить и обличать! Если бы Бог организовал мне встречу с «великим поэтом земли Русской» Евтушенко, я не стал бы его ни в чем укорять, а просто сказал бы ему: «Ну, и idiotские рубашки Вы носите, Евгений Александрович!»

Я был зол на себя: как я мог так ошибаться в людях и создавать себе кумиров?! В Юрии Афанасьеве, Гаврииле Попове, Игоре Клямкине... Я уже не говорю о творческой интеллигенции, которая совокуплялась с «демократической» властью Ельцина, совершая тяжкий грех зоофильства. Недавно прочитал мемуары кинорежиссера Эльдара Рязанова¹ и еще раз имел возможность убедиться, до какой степени наша интеллигенция политически близорука и как ей свойственно обманываться на свой счет.

Если Рязанов и войдет в историю, то как выдающийся комедиограф советской эпохи. С властью, которую он ненавидел, его связывала диалектика жизни. Противоположность с ней он ощущал и этой страстью жил, а вот единства постичь не смог. Она давала ему возможность работать, творить и за это просила «быть в рамках». Возможность он использовал. «Рамки», то есть идеологическую цензуру, он воспринимал как покушение на свободу творчества и по-интеллигентски гневался на начальников от культуры,

¹ Рязанов Э. Неподведенные итоги. — М.: Вагриус, 2000. — 637 с.

на всю партийно-государственную бюрократию. Партия во главе с генсеком объявила «перестройку». *Можно и даже нужно*, — дали отмашку либеральной интеллигенции в ЦК. И она ринулась в открытый бой с проклятой номенклатурой, с опостылевшей идеологией коллективизма и уравниательства. В результате в современной России (=Украине) мы получили свободу без творчества и творчество без свободы. Раньше все решал начальник, теперь — деньги. Победой это назвать трудно. А кто победил? Победил «демократ» Ельцин Ельцина-партократа, националист Кравчук коммуниста Кравчука, антикоммунист Яковлев идеолога КПСС Яковлева и т. д. Список победителей-проигравших велик. Превращение Савла в Павла было не столь стремительным в сравнении с тем, как обернулись правоверные коммунисты в православных демократов и националистов.

И те, кто находился на государственной службе, и интеллигентствующие вышли, как правило, из одного рабоче-крестьянского слоя, получили путевку в жизнь благодаря государству нового типа и варились в одном и том же советском котле, то есть получили однотипное воспитание. Откуда такое непонимание друг к другу, такая поистине классовая ненависть? Неужели только от функциональной, должностной обязанности. Ведь захоти тот же Рязанов сделаться чиновником, то при известной изворотливости он мог бы им стать в министерстве культуры, союзе кинематографистов и проч. Режим воспитывал и охранителей, и диссидентов. Вместе они функционировали как двухтактный двигатель, который не мог разрушить машину под названием «СССР». Ее разрушили тогда, когда охранители решили, что машину нужно капитально подремонтировать и пригласили участвовать в этом разрушителей. Но в какой мере это было субъективным фактором, а в какой — проявлением объективно-исторической тенденции — Россия закончила очередной исторический тренд и через катастрофу должна была перейти в следующий фазис своего развития — сказать невозможно.

Любопытно, что эта мысль звучала еще в разборках российских политических эмигрантов, проигравших большевикам. Так, например, видный либерал В.А. Маклаков писал черносотенцу В.В. Шульгину в 1924 году: «Все, что случилось с нами, не только заслужено за наши ошибки, но и вполне закономерно. Российской революцией завершился длинный период русской истории; мы подросли только к концу его. Мы сами не понимали, что теребя одну из колонн, на которых стояла российская государственность, а именно самодержавие, борясь с ним во имя народного представительства, мы сами того не замечая, колебали это здание на гораздо большем и широком основании, что мы были авангардом более широкого фронта, где дело было совсем не в самодержавии» (Кто виноват... 2010).

Точно так же Съезд народных депутатов СССР бездумно подрубал несущую конструкцию всей советской государственности, отменяя 14 октября 1990 года шестую статью конституции, по которой КПСС обладала конституционной монополией на власть. Президентская вертикаль, призванная заменить эту устаревшую конструкцию, к тому времени создана еще не была. Хотя бы

потому, что пост президента страны был утвержден этим же Съездом только на следующий день, 15 октября¹. Как тут не поверить, что у Бога для России есть один сценарий, который она разыгрывает на разные лады вот уже тысячу лет. На языке науки это называется «циклическое развитие».

Конечно, власть в России во все времена успешно внушала мысль, что служить народу можно было только борясь с существующим режимом во всех доступных формах — от зубоскальства до предательства. Внутренняя оппозиционность советского интеллигентного слоя — это заслуга не вымышленных демократов, а партии и правительства, то есть тех самых ненавистных сусловских ортодоксов, разнообразных начальников, которые «не пущали»: вырезали из фильмов «неблагонадежного» Рязанова куски, запрещали театральные постановки Любимова и романы Пастернака и Рыбакова, травили Высоцкого и Даля. Во всяком случае, их роль в кратковременном успехе либеральной партии очень велика. Наступил момент, когда либерализованная власть отслоилась от собственного режима, вылезла из него, как змея из старой кожи, и стала под лозунгом реформ разрушать Систему. И тогда распад Системы и государства стал делом времени. И вот читаю я жалкие мемуары Рязанова и думаю об авторе: главного в своей жизни ты так и не понял. Вся жизнь у тебя был служебный роман с властью, в котором ты выступал в качестве капризной дамы.

Долгое время для меня был загадкой режиссер Ленкома Марк Захаров. Всю дорогу он был в фаворе у власти и в то же время ставил смелые спектакли с явными намеками и прозрачными аллюзиями. Имел репутацию критика власти, умного антисоветчика. Сбитый с толку интеллигентским мифом об интеллигенции, я не понимал, как ему удавалось не повторить путь Юрия Любимова, ведь власть шуток не понимает и намеков не прощает. Захаровский фильм «Убить дракона» открыл мне глаза. В этом фильме Захаров исследовал, в частности, модель взаимодействия власти и интеллигента и, как мне кажется, нашел перспективы для контригры последнего. Образ интеллигента в фильме великолепно сыграл Вячеслав Тихонов. Робкий, запуганный, лишенный воли в процессе выживания, он под грубым нажимом начинает подыгрывать власти. И при этом он, ее жертва, готов ей сочувствовать, проникаться ее проблемами. Конформизм как способ самосохранения — кто может бросить камень в такого человека? Но как же он жалок в своем бессильном благородстве, абстрактном желании добра и реальном потакании злу! Сам Захаров не желал для себя такой участи и тем более не хотел лезть на рожон, служить интеллигентскому мифу ценой хождения по мукам. У него было оправдание: он творец и должен побеспокоиться о том, чтобы после себя оставить «нетленку», а не материалы допросов и судебных

¹ Партию, начавшую перестройку, лишали власти те, кто из нее вышел и те, кто в ней еще состоял, но уже видел другую перспективу. Конечно, она всем обрыдла, но все же политический ум должен был возобладать над страстями. Увы, не наш случай. Даже сейчас, спустя два с лишним десятилетия, нынешние политические противники КПСС воспринимают отмену шестой статьи как «большую победу демократии». Вот где безмерная тупость и партийность нашли свое тождество.

заседаний. Он решил: лучше не претерпевать от власти, а манипулировать ею, играя на ее потребности в таких людях, как он. Режиссер — он ведь второй после Бога, он по своей сути манипулятор. А я — классный режиссер. В своем театре я — власть! Так неужели я не смогу поставить спектакль своей жизни, в котором власть будет играть отведенную ей роль по моему сценарию? Примерно так, возможно, думал хитроумный Марк Анатольевич. Он, конечно, поступился интеллигентской девственностью, но это сущие пустяки в сравнении с выигрышем. Когда стало *можно*, он с наслаждением отомстил старой власти с помощью новой, в душе надеясь дождаться того момента, когда и этой власти он смачно плюнет в морду. Ведь любая власть, кроме режиссерской, заслуживает такого плевка со стороны «общества». На том стояла и будет стоять русская и примыкающая к ней интеллигенция.

«Литература явилась для меня не самоцелью, а прежде всего средством выразить мое идейное и моральное возмущение тем, что происходило в моей стране и с моим народом, а также со мною лично». Когда я читаю эти слова А.А. Зиновьева, я понимаю, что так мог сказать только интеллигент. Это — интеллигентское кредо. Литература как политика, философия как политика, искусство как политика, наука как политика — жанр не имеет значение, имеет значение только намерение «врезать власти». Отомстить ей так, как мы умеем — *словом*, за то, что она с нами *делает*.

Признанный интеллигент номер один академик Д.С. Лихачев трактовал русскую интеллигентность как «мирскую святость». А хорошо ли это? — задался я кощунственным вопросом. Интеллигенция — дрожжи русской истории. А если не дрожжи, и Ленин прав по существу?

В русском государстве возникла система, где существует непреодолимый разрыв власти и народа. Интеллигенция занимает в конструкции Системы положение между властью и народом. Таким образом, это связующий элемент Системы. Кому он служит? Системе, то есть власти, или народу? Интеллигентский миф об интеллигенции утверждает — безусловно, народу¹. А если это не так? Что если наш брат интеллигент в своих лучших представителях сделан из того же материала, что и вожди? И вся разница между ними лишь в объеме и специфике власти. Кто на кого больше влиял: Аристотель или Александр Македонский, Наполеон или Гете, Ленин или Горький, Сталин

¹ Будучи самым свободным слоем общества (народ задавлен материей существования, власть привязана к государству и собственности), интеллигенция нуждается в самоопределении. Этот акт сделал ее заложником собственного долга перед народом. Интеллигенция свободно выбрала служение народу. Народолубие — по этому первейшему признаку она опознается. Второй ее родовой признак — нахождение в оппозиции к власти — обусловлен первым, ибо выбирая сторону народа, автоматически становишься оппонентом власти. Причем демократия (имеется в виду режим) ничего не меняет в существе вопроса, только усложняет проблему демаскировки власти. Это — схема, набросок к портрету, миф. Когда сквозь него просвечивает реальность, прорисовываются подробности, картина резко усложняется. Проявляются родовая двойственность интеллигенции, муки ее нечистой совести. Ведь она не просто так злится на власть. Ей самой хочется стать властью, чтобы все исправить, восстановить справедливость. Здесь — ловушка, здесь прячется бес, разоблаченный Достоевским.

или Булгаков? Что если Горбачев — alter ego своих советников черняевых, арбатовых и шахназаровых? Как они — с придыханием, с великим уважением — об Андропове. Мол, вождь с интеллектом, достойный собеседник. Такому служить — одно удовольствие. Отношения между властной номенклатурой и интеллигенцией напоминают игру хозяина со своей собакой: он бросает мяч, а она с радостным лаем возвращает мяч ему. Служит!

Так ли уж интеллигенция чурается власти? Нашим писателям и прочим людям творческого цеха и сегодня позарез необходимы медали, премии, лауреатство, чины и прочие формальные признаки отличия. Зачем? Потому что это особого рода власть, и как таковая она входит в общую систему власти. Заслуги перед властью дают право на распределение фондов и, конечно, на «пошалить». Эту власть следует назвать «партийно-творческой». Здесь очень многие подвизались. Впрочем, говорить в прошедшем времени не приходится. В книге киевлянина писателя В. Некрасова есть место, где он, приехав в свой родной город из-за границы спустя годы, беседует с В. Войновичем о переменах в обществе. Войнович ему:

— Что киевская молодежь? Вы б с писателями погуляли, лауреатами и Героями Соцтруда, это вам не по рублику или в бар за бутылкой коньяка, узнали б и «Арагви», и «Националь», «Метрополь», ЦДЛ. А повези вас в Тбилиси, ног бы не унесли, там бы и похоронили...

— Не казись, все мы такие. А чтоб Героя получить, мало сыграть мудака в пьесе говнюка, надо и письмишко это самое подписать. Вот ведь и бывший властитель дум Эуген¹ тоже подписал. Вроде оппозиционер. Не ахти какой, но все же...

Аксенов, Евтушенко, Окуджава... Они были творцами, жизнелюбами, рвались к свободе, но не хотели бедствовать, поэтому фрондествовали, но последней черты не переступали. Для Ю.В. Андропова эти колебания были понятны. Он ведь и сам не задушил в себе интеллигентское начало, но жестко его контролировал. Поэтому он им подыграл. Некоторым покровительствовал из уважения к таланту. Из «непримиримых» создал «движение правозащитников». И Западу приятно, и Организации полезно: все под контролем².

¹ Эуген — Е.А. Евтушенко. «Великий поэт Земли Русской», как сам себя величает Евгений Александрович, в разные времена вел себя по-разному, но при этом всегда очень прогрессивно. Кинорежиссер А. Кончаловский вспоминал, как на съезде писателей СССР Евтушенко накинулся на него за постановку фильма «Дворянское гнездо» по Тургеневу. «У меня еще не зажили рубцы от плетей и батогах, — говорил он, видимо и сам в это веря, хотя в крепостных предки его не хаживали, поскольку он сибиряк, — а в это время режиссер Кончаловский занимается восхвалением помещичье-крепостной России». Слышал это собственными ушами, сидел в зале. Если бы подобное происходило где-то в 30-40-х, меня бы, наверное, хватил инфаркт — тогда такие речи кончались арестом, и нередко — прямо на выходе. Но и времена были другие, и я из другого поколения. Мы уже глотнули свободы — было смешно, а не страшно» (Кончаловский, Липков 1999: 91).

² Максим Кантор пишет, что в 80-е годы каждый третий правозащитник стучал на первых двух. Как говорится, есть такая профессия — Родину обличать. Диссидент стал номенклатурной фигурой (Кантор 2011).

Так из идеологизированных интеллигентов и интеллигентствующих политиков сложился правящий либеральный тандем, который погубил страну, ввергнув ее в катастрофу.

Приглашенный в 1986 году из Киева в Москву бороться с тенью Сталина знаменитый редактор перестроечного «Огонька» Виталий Коротич, один из лучших в мире исполнителей амплуа «смелый трус», доподлинно знает подноготную украинского литературного мира, откуда он вышел. Поэтому не очень уважительно, мягко говоря, отзывается о звездах первой величины советского времени (в масштабах Киева, конечно): об Олеесе Гончаре, «делавшим всё, что власть велела, разоблачавшим кого угодно», о нынешнем герое Украины Дмитрие Павлычко, «сочинявшим в ту пору целые книги для разоблачения Папы Римского и националистов», об Иване Дзюбе, который писал покаянные письма в ЦК, отрекаясь от своих «вредных взглядов», и др. Правственная атмосфера в среде украинской писательской интеллигенции была убийственной: никто никого не стеснялся, подхалимажем к власти занимались все, писать в ЦК партии доносы на своих коллег по цеху считалось в порядке вещей. Это была обычная мораль, не допускавшая угрызений совести от подлых поступков. Наум Коржавин, отказавшийся переводить Павлычко, отозвался о нем: «Понимаешь, он с коммунистами — коммунист, с националистами — националист, с антисемитами — антисемит, с евреями — еврей. Но хуже всего, что всякий раз он искренний...»

Вот почему в нашей стране сегодня нет моральных авторитетов. Когда время от времени я слышу и вижу некоторых из этих политических проститутток с дореволюционным стажем, специфических украинских академиков от литературы, то я, атеист, очень хочу, чтобы Бог был. Ирина Марковна часто бывала в Киеве. Там общалась с философом Поповичем и культурологом Рябчуком. Тогда они были умеренными националистами, и у нее сложилось впечатление, что это интеллигентные, либерально мыслящие люди. У них своя правда, которую, однако, они не будут навязывать всей стране. Она ошибалась. Они стали заядлыми нациками и на своем жизненном примере еще раз подтвердили, что на нашей почве и в нашей политической среде интеллигентский либерализм является переходной, временной формой, так сказать, куколкой. Из куколочки вылупливается в зависимости от политической тенденции то националист, то фашист, то левый радикал, а чаще всего — гад с переменной политической и сексуальной ориентацией.

Справедливости ради следует сказать, что не «все устраивались как могли». Например, редактор журнала «Новый мир» Александр Твардовский не дал себя сломать. Солженицын стал «бодаться с дубом». Литературовед Борис Эйхенбаум был одним из немногих, кто отказался участвовать в послевоенной травле поэтессы Анны Ахматовой. Анатолий Рыбаков пробивал свой антисталинский роман «Дети Арбата» почти тридцать лет. Тот же Виктор Некрасов отправился в эмиграцию уже после получения Сталинской премии за роман «Окопы в Сталинграде». Можно привести и другие примеры гражданской стойкости. Но если брать писательскую среду

в целом, то, при всей неоднозначности жизненных коллизий, конформизм в ней доминировал. Впрочем, так же как и в других отделах художественной, технической и гуманитарной интеллигенции. Власть вполне могла бы третировать такую интеллигенцию, но не делала этого. Наоборот, она искусственно поддерживала реноме «мыслящего тростника». Авторитетный эксперт, статусный интеллигент, бывший главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков свидетельствует: «В Советском Союзе интеллигенция была канонизирована, обожествлялась ничуть не меньше Ленина. И, кажется, сама поверила в свое божественное происхождение» (Третьяков 2001). Почему? По-моему, это одна из самых больших тайн имманентной российской системы управления страной.

В одном интервью умный циник, бывший интеллигент Глеб Павловский заявил: «Интеллигенция без власти существовать не может, ведь вирусу нужна клетка — ее ядро, стенки, питание» (Павловский 2001в). Станным образом с ним фактически согласился либерал Игорь Клямкин: «Интеллигенция в России — это такой антипод самодержавия. Органика для русской интеллигенции — пребывание в самодержавной системе, включая и советское самодержавие» (Клямкин 2011).

Не может интеллигенция без власти — ей от нее отталкиваться надо. Это — способ ее существования. Но и власть «провалится», если не обопрется на интеллигенцию как на своего посредника, союзника и кадровый резервуар. Власть и интеллигенция вместе сотворили и «оттепель», и «перестройку». Если бы не Хрущев, не было бы Твардовского с его «Новым миром» и «Одним днем Ивана Денисовича» Солженицына. Если бы не Горбачев, мы бы никогда не узнали, какой смелый Юрий Афанасьев, какой умный Гавриил Попов и какой златоуст Анатолий Собчак. Предательство идеалов социализма совершили и политические вожди, и их интеллигентские союзники. Вот и получается, что идеологизированная интеллигенция и интеллигентствующая власть вместе в либеральном тандеме сотворили трагедию — обрекли страну на распад и безвременье.

Теория взаимного использования лучше описывает характер взаимодействия интеллигенции и власти, чем теория их взаимного отталкивания. Интеллигенция — проект власти? Но также можно утверждать, что власть есть проект интеллигенции. Это хорошо иллюстрирует история «перестройки» и «постперестройки» (90-е годы). Зависимость от интеллигенции горбачевского и ельцинского режимов была весьма значительной. Научная интеллигенция, прозябавшая в московских институтах без карьерного движения в период брежневского застоя, восприняла горбачевскую перестройку как свой шанс и возбудилась до крайности. Горбачев сознательно использовал мифологию интеллигентского мейнстрима, чтобы раскачать страну. «Супруги Горбачевы собирали интеллигентов для разговора по вечерам за чашкой чая. Через семейные дискуссии у них прошли десятки разных людей из интеллектуальной элиты, такие как Г. Бакланов и А. Белов, Д. Гранин и И. Друзэ, М. Захаров и М. Шатров, В. Быков и Б. Можяев. Были

журналисты: Е. Яковлев, В. Коротич, В. Чикин, И. Лаптев, и священники» (Колесов 2009).

Где-то в 1989 году политическая интеллигенция стала роптать на Горбачева. Однако он продолжал медлить, топтался в нерешительности, отказывался следовать ее призывам двигать страну «дальше, дальше, дальше...». Тогда она отказала своему вчерашнему кумиру в поддержке и стала дружно переходить под знамена «радикального реформатора» Ельцина. Люди, перехватившие власть у команды Горбачева, были более радикально настроены, но при этом исповедовали ту же либеральную (буржуазную, если брать социальную сторону) идеологию, что и горбачевцы.

Один из самых активных интеллигентских активистов той поры Олег Басилашвили рассказывает: «Мы очень поддерживали Бориса Николаевича. Мы его привели к власти, а дальше пусть он делает. Он знает, что делать» (Басилашвили 2013). Как пел Высоцкий: «Жираф большой, ему видней». Но «жираф-Ельцин» не знал, что ему делать. Поэтому пригласил в правительство другую, еще не пользовавшуюся властью фракцию интеллигенции. Постшестидесятники, выходцы из академических институтов и НИИ, «завлабы» Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, А. Шохин, А. Нечаев, П. Авен, Б. Федоров, С. Кириенко, А. Кох и другие подобные им «ребята» обнаружили поразительный технологизм в подходе к реформам, тяжкие последствия которых погрузили в нищету десятки миллионов. Они с откровенным цинизмом провозгласили: «Долой равенство! Обогащайтесь как можете!» Это фактический аналог призыву: «Грабь награбленное!» К этой новейшей и подлейшей, выродившейся русской интеллигенции лучше всего подходит термин, который придумал А.А. Зиновьев, — *интеллигентура*. Она отряхнула со своих ног прах двух генераций российской интеллигенции — дореволюционной и советской. Впервые в истории она с пользой для себя реализовала свое положение прослойки между властью и народом. Народ — быдло, зато «массовая аудитория», готовая слушать и голосовать «как надо». Царь — негодяй и пропойца, зато послушен, собака. Таково краткое резюме интеллигентской политики в постсоветское время. Наверное, только диссиденты имеют право на благородный гнев: их использовали по полной, благо Ковалев, Новодворская, Алексеева, эти великолепные типажи политических идиотов, всегда присутствуют на телевидении в качестве неопровержимого доказательства интеллигентской ненависти к России и русскому народу.

Таким образом, перед нами технология: интеллигенция управляла поведением масс, предельно демонизируя власть. И управляла — в интересах самой этой власти и своих собственных: симфония Царя и Поэта! В такой чистоте это, наверное, никогда и нигде в мире больше не было реализовано к стратегической выгоде власти! Это наше отечественное политтехнологическое ноу-хау! Но это и главная тайна власти.

* * *

Людам, склонным укладывать свои жизненные взгляды в идейные концепции, переживать идеи как живые образы, обречены тяжело переживать очередной «распад» картины мира. Для некоторых, особо впечатлительных, это кончается трагедией. Но я — не из их числа. Я был зол на себя. Ведь уже не юноша, чтобы грезить о чудесных мирах и совершенных людях. Но нас долго и правильно учили. Мы читали хорошие книги. Прекрасные тексты ученых публицистов «перестройки» также поддерживали иллюзии, что диагноз поставлен правильно, средства лечения найдены, политическая воля есть и есть энтузиасты-борцы, победа будет за нами, и весь мир вновь услышит голос истины из Страны Советов. Увы, нас ждал архетипический конец русской сказки: старуха с разбитым корытом. Интеллигенция, замазанная грехами властолюбия и сребролюбия, пала в общественном сознании так низко, как никогда, наверное, не падала. Некоторые авторы даже констатировали ее смерть как социально значимого слоя. Социолог Алексей Левинсон опубликовал статью под названием «Двенадцать лет без интеллигенции». В ней он привел рейтинг интеллигенции в обществе за 2001, 2008 и 2013 годы. Он оказался на редкость стабильным: из 18 институтов российского общества интеллигенция заняла соответственно по указанным годам — 16, 16 и 17 места. Хуже народ отнесся только к профсоюзам — 17, 17 и 18 места. Первые три места в 2013 году заняли президент, олигархи и администрация президента (Левинсон 2013). Все понятно?

...На протяжении 90-х годов прошлого века и нулевых текущего я рефлексировал в подобном духе на страницах газет и научных изданий. В общем, радикально пересмотрев свое отношение к той социальной группе, к которой и сам себя причислял, я проделал примерно ту же работу, что и авторы знаменитых «Вех». В конце концов это вылилось в издание сборника статей под названием «Интеллигенция и политика» (2009), который вышел уже после смерти И.М. Поповой.

И вот пребывая в таком умонастроении, я получил в 2006 году приглашение от Ирины Марковны принять участие в обсуждении только что вышедшей в печати ее книги «1989—1991. Диагноз времени»¹. Эта книга была посвящена анализу общественного мнения в Одессе и области в самый драматический период «перестройки», когда народ пришел в движение. Но не только об этом. В книге был описан опыт участия группы социологов под ее руководством в открытом демократическом процессе. В заключении книги Ирина Марковна попыталась ответить на самые мучительные для нее вопросы: почему «перестройка» провалилась и могла ли она состояться, если бы не стратегические ошибки политического руководства.

Обсуждение состоялось на кафедре социологии. Собственно, именно с того обсуждения между нами начался содержательный диалог на тему

¹ Попова И.М. 1989—1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе). Историко-социологические очерки. — Одесса: Астропринт, 2006. — 232 с.

«Интеллигенция и власть». Я адресовал ей вопросы с подтекстом: нужно ли было интеллигентному человеку в этом участвовать; не жалеет ли она, что власть использовала ее гражданский энтузиазм? Сам-то я весьма активничал на «публицистическом фронте» в те годы и по большому счету свои упреки в политической близорукости, особенно в идеализации Горбачева, мог отнести и на свой счет. Но к этому времени я «разобрался», и мне хотелось знать, как Ирина Марковна оценивает свою общественно-научную деятельность в годы «перестройки» под девизом «Чем поможем Горбачеву». Можно сказать, я выступал в роли Плеханова, который заявил Ленину после поражения революции 1905—1907 гг.: «Не надо было братья за оружие!» Эта «премудрость» есть проявление «заднего ума». Ирина Марковна уловила в этих вопросах нотки «отказника». Ей это не понравилось.

Будучи на «плехановской» волне, я не дал себе труда вчитаться в ее книгу и, естественно, не уловил того настроения, которым она проникнута. Да и многого не знал. И только когда со специальной целью стал изучать ее работы в ведущих социологических журналах России и Украины, прочитал ее пронзительные статьи в местной печати в роковые дни 1991 года, я наконец понял, как она вложилась в «перестройку», сколько личного мужества, страсти, сил и воли к борьбе отдала в этом решающем сражении, которое мы все проиграли. Она как солдат, превозмогший страх, встала «из окопа» в полный рост и пошла в атаку. Переосмысливая в книге свой опыт участия в политике, она не просто сожалела о потерянной «перестройке» — она страдала. Она, как никто, понимала, что мы потеряли историческую перспективу, что мы как народ перешли в разряд народов неисторических, неинтересных, ненужных Матери-Истории.

Мое участие в обсуждении книги Ирины Марковны имело положительный эффект: у нас наладилась переписка. На протяжении апреля 2006 — декабря 2007 года мы обменивались по электронной почте своими новыми публикациями, комментариями и привлекшими наше внимание работами других авторов. К тому же был повод: я дал согласие на обсуждение трех моих статей о роли интеллигенции в политической жизни общества на заседании научного семинара кафедры социологии.

Обсуждение проходило на научном семинаре кафедры социологии в мае 2006 года. Выступление на нем Ирины Марковны было записано на диктофон. Поэтому у меня есть возможность воспроизвести его полностью.

И.М. Попова: «На что я обратила внимание, когда читала все три статьи Геннадия Петровича. Как всегда, многие споры обусловлены неопределенностью понятий, которые употребляются. Мне казалось, что все время происходит соскальзывание от одного к другому. Допустим, вхождение в политику и вхождение во власть. Интеллигент может или не может входить в политику? Часто в контексте имелось в виду, что он не может, не должен входить во власть. Но не было такой определенности. Затем, входит ли он как общественный деятель в политику? Позиция интеллигента, даже если он непосредственно

не занимается политикой, его публичная позиция и его выступления как общественного деятеля существенным образом влияют на политику.

Я уточняла позицию Геннадия Петровича. Вроде он также думает. Но когда обсуждали мою работу, мне показалось, что он стоял немножко на других позициях, имея в виду, что стремление социолога донести что-то совершенно бессмысленно и т. д. Мне кажется, все равно это оказывает влияние, все равно это совсем бесполезно. Мы должны всегда отстаивать и пытаться донести до общества свою позицию. И это есть наше вхождение в политику. Далее, мне кажется, что имеет место некоторое противопоставление морали и политики. Значит, у Геннадия Петровича мораль — это дух, а политика — это материя. Ничего подобного. Мораль — это не только дух, но и материя. Имеется в виду, что практические поступки оцениваются с точки зрения морали. Поступок может быть морален и неморален. И он нисколько не меньше материя, чем политика. А политика то же самое — это определенный дух и определенная материя. Тем более что Бурдые представляет политику говорением. Он прямо утверждает: это говорение. Политика — это вербальное действие. Но на самом деле политика — это вполне практические вещи.

Теперь еще об интеллигенции и позиции интеллигенции. В чем может заключаться наша позиция как общественных деятелей. Допустим, если мы выполняем заказ власти провести какое-то научное исследование. Означает ли это, что мы служим власти? С моей точки зрения, я была бы очень рада, если бы власть нам давала заказ. Допустим, готовится какое-то управленческое решение, ну, к примеру, то, с чем я имею дело, по поводу бездомных детей. Почему бы не создать такой проект и провести серьезное предварительное исследование и заплатить, так как это требует финансовых затрат. Это — заказ. Я считаю, это вполне моральный, нравственный поступок. Более нравственный, чем мы просто выступаем и о чем-то говорим. Мне кажется, что такое сотрудничество с властью совсем не дискредитирует интеллигенцию. Наоборот. Другое дело, кот Васька слушает и кушает. Но мы в 1989-91 годах, может быть, недостаточно, все-таки действительно полезное дело делали, подавали справки и прочее, и прочее. Я, например, до сих пор встречаюсь с некоторыми бывшими тогда функционерами. Серов мне говорил, что они многое интересное у нас почерпнули. Не совсем получилось так, как нужно, но я считаю, что эта позиция вполне была правильной.

Теперь в отношении интереса. Получается, что интерес — это вроде как нечто корыстное, личный интерес. Я считаю, что личный интерес — это совсем неплохо. Если необходимость выступать за права человека, необходимость критики, когда мы видим, какие неправильные решения принимаются и т. д., и т. п., — если это не есть мой личный интерес, то никакого толку от этого не будет. То есть личный интерес — это совсем неплохо.

Кстати, противопоставление государственной власти и интеллигенции с моей точки зрения тоже неверно. Интеллигенция может выполнять определенные функции, полезные именно государственной власти. Мне кажется, излишние противопоставления в общем неправомерны. Теперь еще, почему

интеллигенция должна обязательно находиться в оппозиции к власти? Совершенно не обязательно. Интеллигенция должна быть носителем истины, то есть понимания того, что целесообразно в данных условиях для широкой массы населения. Не для какой-то группы, а для широкой массы населения. Что целесообразнее, что нужно сделать. Для этого совсем необязательно находиться в оппозиции к власти. Я вспоминаю один разговор с Заславской. Она тогда сама баллотировалась, была депутатом и пыталась там научные методы ввести, проведение опросов, как поддерживаются или не поддерживаются те или другие решения. Она говорила, что это была наша ошибка. Мы не должны были входить во власть непосредственно, но это совсем не значит находиться обязательно в оппозиции к власти, это совсем не значит не иметь никаких личных интересов. Короче говоря, необходима большая гибкость в решении этих вопросов, диалектичность своеобразная, а не или-или».

В мае 2007 году вышла в печати моя монография «Проблема отношений политики и морали»¹. В ней последняя, третья, часть посвящена интеллигентскому дискурсу в политике, дана типология политического активизма интеллигенции и критика проектов российской либеральной интеллигенции «Другая война» и «Другая Россия». В монографии я описал такой феномен как *интеллигентский макиавеллизм*. Имеется в виду специфический способ вхождения в политику под видом ролей научного аналитика и научного эксперта. Книгу я презентовал Ирине Марковне. Она откликнулась письмом:

Fri, 31 Aug. 2007

Добрый день, Гена! Книга Ваша нам понравилась (мне и Леониду Николаевичу). Главное — она серьезная и есть свои идеи, но над многим мне еще нужно поразмышлять, весь материал еще не освоен полностью, уж очень много. Критика Афанасьева перекликается с тем, что есть у С. Кара-Мурзы в «Советской цивилизации». Она (эта НАША) цивилизация не перестает занимать мои мысли. Посылаю статью Федотовой (весьма ее уважаю), которую выловила из Интернета. Привет Л.М.

Стоп! А правильно ли я отказался от традиционного образа интеллигенции как народолюбивого, совестливого слоя образованного общества в пользу негативного образа интеллигентуры. Третьяков с Павловским писали о неприглядной роли патентованной интеллигенции, исходя из знания фактов: какие мотивы сподвигли на известные поступки известных лиц. Они знали кухню и технологию приготовления острых политических блюд, которыми столичные интеллигентские группы потчевали и власть, и народ.

---

¹ Гребенник Г. П. Проблема отношений политики и морали (Опыт конструирования макиавеллианско-кантианского метадискурса). — Одесса: Астропринт, 2007. — 616 с.

Этих московских «штучек» Ирина Марковна не знала так же, как и я. Она не знала и провокационных «штучек» прибалтийских «фронтовиков», которые устраивали кровавые провокации, чтобы на весь мир осудить имперскую власть за пролитую в Литве кровь. Это только сейчас, спустя десятилетия, мы узнаём и, я уверен, еще многое узнаем о грязных технологиях интеллигентов-демократов тех роковых лет.

Но ведь не все так однозначно. Ю. Афанасьев осудил Е. Гайдара и его антинародные реформы. Г. Попов с Н. Шмелевым также дистанцировались от этих «чикагских мальчиков». И даже человек с очень говорящей фамилией Шахрай испугался своего «шахрайства» в Беловежской пуще и поспешил уйти из политики. Но, самое главное, классический миф о русской интеллигенции оправдывался существованием Ирины Марковны Поповой, ее мужа Леонида Николаевича Курчикова, Авенира Ивановича Уёмова, Александра Геннадьевича Мучника и других интеллигентов, которых я лично знал. Нет, жив курилка!

Принадлежность Ирины Марковны Поповой к классической русской интеллигенции невозможно поставить под сомнение, настолько очевидно, ярко, незамутненно были явлены в ней черты этого человеческого типа. Ирина Марковна была продолжательницей демократической, но не в либеральном, а в народническом, социалистическом смысле слова, традиции в русской истории — традиции сочувственного отношения к судьбам людей из народа. Народничество было магистральной линией русской интеллигентской традиции. В эту традицию составной частью входит и вера в решающую роль науки в социальном прогрессе. Итожа свою жизнь, она в 75 лет говорила: «Гражданская же моя позиция пробуждает ностальгические воспоминания о том времени, когда социологи, как нам казалось, были нужны и имели возможность работать с полной отдачей, руководствуясь общественными интересами» (Попова 2011: 57).

Интеллигентский либерализм, явивший себя в 90-е годы в неприглядной антинародной форме, закономерно ее оттолкнул. И вот уже законодатели моды стали говорить об интеллигенции не иначе, как «пресловутая». Один из них, Глеб Павловский, умничал: «Явлинский и Чубайс, — люди, испорченные шестидесятниками, культом Окуджавы» (Павловский 2001а). А ведь Ирина Марковна тоже относилась к «шестидесятникам» и была бы оскорблена, если бы ее рассматривали в одной связке с Чубайсом. Виталий Третьяков совершенно верно подметил: «Самое смешное, что один из синонимов слова «интеллигент» — «левый». Ведь интеллигенция всегда была и будет за социальную справедливость, то есть, извините, за народ. Правая интеллигенция — это как жареный лед. И вот здесь парадокс наблюдается. От имени интеллигенции у нас чаще всего говорят правые. Оттого и получается — чепуха» (Третьяков 2001).

В фильме Александра Столярова об Алексее Германе-старшем¹ передана атмосфера германовского существования: живут бок-о-бок близкие люди,

¹ Герман и Кармалита. Док. фильм. — 2010 г. / кинореж. А. Столяров.

живут без грязи, лицемерия, не допуская предательства. В отношении к людям и к профессии абсолютно бескомпромиссны. Они все время разрешают один и тот же вопрос: что есть жизнь, достойная человека. Ни налаженный быт, ни шмотки, ни деньги, слава и власть к этому вопросу не имеют никакого отношения. Все это пыль. Конъюнктура мира останавливается на границе их, казалось бы, зыбкого мира тонких человеческих отношений. Как такое возможно? Власть — это тигр, с которым Герман всю жизнь плыл в одной лодке, борясь за право на идентичность. Герман не ломался и не менялся, менялась власть, вернее, конъюнктура власти. Он умер, потому что предельно устал. И президент страны выразил соболезнование семье, а миллионы людей мысленно поклонились его памяти. Вот что такое драма подлинного интеллигентского бытия. Эту атмосферу я ощущал, когда посещал семью Ирины Марковны Поповой — Леонида Николаевича Курчикова. Великий интеллигентский миф имеет право на существование, когда есть его носители. На их фоне господа павловские мельчают. И ум не спасает их от бесчестия.

11. ШКОЛА ПОПОВОЙ

Быть учеником профессора И.М. Поповой, принадлежать ее школе — это уже само по себе показатель уровня профессионализма. Будет логично, если о «школе Поповой» расскажут ее ученики разных лет, с которыми мне удалось побеседовать.

Слово доктору философских наук, профессору **Эмме Августовне Гансовой**:

АВТОР: Как Вы познакомились с Ириной Марковной и стали ее аспиранткой?

Э.А.: Я познакомилась с Ириной Марковной примерно в 1962 году, после окончания исторического факультета. До этого я о ней много слышала. Она оказалась худенькая, совсем неимпозантная женщина. Я удивилась, потому что уже тогда она была символом социологии. Ирина Марковна привезла из Ленинграда в Одессу целую школу и направление. Дело в том, что выпускники Ленинградского университета Ирина Марковна Попова, Андрей Григорьевич Здравомыслов, Владимир Александрович Ядов тогда, даже в условиях полного идеологического господства КПСС, умудрялись нести новое для страны знание об обществе.

Я пришла на кафедру философии уже с темой, которая меня интересовала. Кафедра была тогда невероятно привлекательной. Глоток свежего воздуха. Сочетание Авенира Ивановича Уёмова и Ирины Марковны было потрясающим. А с социологией я познакомилась благодаря своему увлечению английским языком. В Москве начитавшись англоязычной литературы по социологии в Государственной библиотеке иностранной литературы и Ленинке, а также нашей — по критике буржуазных теорий, я почувствовала живой интерес к этой науке. Моя тема была очень смешная — «Критика буржуазных теорий лидерства».

АВТОР: Почему смешная?

Э.А.: Смешная из-за слов «критика» и «буржуазных». Мне повезло еще и в том отношении, что замечательный, блистательный Игорь Семенович Кон мне подсказал тему лидерства. Она на стыке социологии и психологии.

АВТОР: Как я понял из статьи Ирины Марковны (Попова 2011: 42), ее первым аспирантом был А.Н. Яценко. А Вы какая у нее по счету?

Э.А.: Нет, первым аспирантом Ирины Марковны был Петя Задирако. Сейчас он доктор, профессор из Строительного института. У нее также были Толя Яценко и я. Для меня авторитет ее был беспрекословным. Она была моя мать в науке. Она формировала меня в интеллектуальном и моральном плане, просто формировала. Мне приходилось вместе с ней ездить на научные конференции в качестве аспирантки. В интеллектуальном плане она была значительно старше меня, чем по возрасту. Она не просто давала какие-то знания, предлагала научные принципы, но конкретно ставила мне мозги, формировала мировоззрение. Это был даже не эталон, это был тренажер. Она возглавила свою школу и имела права давать нам оценки как своим ученикам.

АВТОР: Как следует характеризовать школу Ирины Марковны? Что значит одесская социологическая школа?

Э.А.: Одесская школа — это филиал школы ленинградской. Этим можно гордиться. Ирина Марковна несла в себе неповторимый дух питерской школы — интеллектуальной свободы в сочетании с известной долей диссидентства. Началось все с Парсонса. От него все плясали. Я даже сейчас не понимаю, почему именно Парсонс. У Ирины Марковны была своя ценностно-нормативная парадигма, и мы все в этой парадигме выросли.

АВТОР: Что такое ценностно-нормативная парадигма?

Э.А.: Может быть, я не права, но у меня такое объяснение. Мы все росли в условиях идеологии, партийного прессинга. И когда пришлось думать, то мы задумались над вопросом, а что такое идеология? То есть окружавшая наше общество атмосфера идеологии естественно подтолкнула нас сформулировать «основной вопрос социологии»: *что такое идеология и что такое мир* — наподобие «основного вопроса философии»: *что такое бытие и что такое сознание*. И вот парсоновская ценностно-нормативная идея сработала хорошо на то, чтобы понять, что ж такое идеология, в чем ее смысл. И поскольку основу идеологии составляют ценности, постольку отсюда вытекала ценностно-нормативная парадигма.

АВТОР: Ирина Марковна занималась социологией труда. Но это направление разрабатывала и Т.И. Заславская, и О.И. Шкаратан. Есть ли отличительные особенности того, что делали одесские социологи?

Э.А.: Другой социологии тогда просто не допустили бы. Во-первых, здесь присутствует марксова трактовка труда как деятельности, преобразующей человека. А во-вторых, труд вбирает в себя весь образ жизни. Это была лаборатория, через которую мы могли открывать для себя какие-то социологические закономерности. Невероятно удобно было то, что это был завод. Позднее к нам пришла Нелли Александровна Победа, которая принесла свое направление

— социологию культуры. Это было время, когда труд столкнулся с культурой (смеется). Было время, когда Ирина Марковна и Нелли Александровна сильно конкурировали. И это шло всем на пользу. Нелли Александровна — это новосибирская школа. Коган — ее руководитель. Она до сих пор его цитирует.

У Ирины Марковны количественные методы сведены до минимума, что в общем-то вызывало определенное неудовлетворение у социологов типа Головатого и Горбачека. Последний — умничка большой, специально занимается разработкой количественных методов в социологии, создает сложные формализованные системы. А Ирине Марковне гораздо ближе были содержательные методы, идущие от ее философской заправки. При этом она делала монографию и докторскую по теме «Сознание и трудовая деятельность» на результатах работы лаборатории, которую она возглавляла, где математические методы использовались очень широко. И профессиональный математик Валя Максименко, и Витя Моин вели эту тему в лаборатории.

Когда И.М. Попова начинала заниматься прикладной социологией, то перед ней встали особенные трудности. Социологов в университетах не готовили, соответственно, не было аспирантуры по этой специальности. Свою «команду» она набирала из студентов разных факультетов Одесского университета, на которых она преподавала истмат. Они посещали ее кружок и приобщались к социологии. Затем она брала их к себе в аспирантуру, где в процессе написания диссертаций они приобретали серьезные теоретические знания. Социологической технике анкетных опросов и обработке полученной информации учились все вместе, поскольку советская социология делала только первые шаги и осваивала методы, которые американцам были известны еще в двадцатые годы. В 1969 году И.М. Попова пробила через министерство создание при кафедре философии Одесского университета научно-исследовательской социологической группы. Ее сотрудниками стали вчерашние ее студенты. В 1970 она вместе со своими сотрудниками перешла на работу в Одесское отделение Института экономики Академии наук УССР. Спустя пять лет вместе с костяком научно-исследовательской социологической группы она вернулась в Одесский государственный университет им. И.И.Мечникова, где при кафедре философии гуманитарных факультетов было создано социологическое подразделение. Как раз в этом году Ирина Марковна предложила мне после окончания третьего курса истфака в осенний период вместо «колхозной практики» поучаствовать в проекте исследования Красноокнянского района Одесской области на предмет составления пятилетнего плана социально-экономического развития. Вот тогда я и познакомился с ее верными учениками — сотрудниками научно-исследовательской группы. Их было трое, как мушкетеров: Виктор Борисович Моин, Михаил Борисович Куньявский и Галина Петровна Бессокирная. Тогда они были молодые, ненамного старше меня студента, еще неостепененные энтузиасты социологии. В моих глазах они были счастливики. Наука как стиль жизни — меня это тогда сильно

захватывало. С тех пор минуло тридцать семь лет. Ныне В.Б. Моин живет и работает в Израиле, в Хайфе, Г.П. Бессокирная — в России, в Москве. И только М.Б. Кунявский остался верен своему городу. Я постарался войти в контакт с ними, чтобы они рассказали о своем Учителе, о себе и то, что они думают о своей работе под руководством И.М. Поповой. Ниже приведены фрагменты интервью с ними.

Из беседы с **Михаилом Борисовичом Кунявским**:

АВТОР: Вот цитата из статьи Александра Бикбова и Станислава Гавриленко «Российская социология: автономия под вопросом»: «...наиболее известные сегодня российские социологи скептически оценивают <...> собственную профессиональную компетентность». В этой связи вопрос: а Ирина Марковна испытывала эти крайне неприятные для профессионала чувства дилетантизма и некомпетентности?

М.Б.: Нет. Скорее нужно говорить о недостаточности. Это — нормально. Любой нормальный человек не относится к себе очень серьезно, «с глубоким уважением». Всегда у ученого есть чувство, что он не доработал, где-то что-то не доделал. Говорить о стопроцентной компетентности, по-моему, никто не может. Все-таки наукой занимаемся, вторгаемся в сферу непознанного.

АВТОР: Хочу уточнить свой вопрос путем аналогии. Советские хоккеисты играли в хоккей, становились чемпионами мира среди любителей, но знали, что есть в Канаде профессиональная лига хоккея, где средняя команда легко обыграет нашу сборную. И только 1972-й год показал, когда наша команда встретилась с лучшими профессионалами Северной Америки, что мы играем на самом высоком уровне и способны обыгрывать их. Может, и наши социологи чувствуют себя робкими учениками западных авторитетов?

М.Б.: Вот такое ощущение, что мы на хорошем уровне, не хуже, а во многом и лучше, возникло у Ирины Марковны, когда мы стали сотрудничать с американскими социологами.

АВТОР: Когда это произошло?

М.Б.: Когда мы работали на Всемирный банк. Это 96-98-й годы. Сюда приезжали американские социологи. Мы сначала разрабатывали программу, затем составляли анкетные вопросники, а они о таком виде работы, как программа, о том, что можно разработать стратегию вопросника так, что задать десять вопросов и получить ответы на сто позиций, сто показателей, даже не знали.

АВТОР: Я знаю, что на Западе существует четкое разделение труда на полстеров¹ и собственно социологов. Первые работают в частных фирмах, вроде службы Гэллага или Харриса и проводят по заказам опросы общественного мнения. Вторые не спускаются в поле, получают от первых готовые данные анкетирования и их интерпретируют, своеобразная научная аристократия.

¹ Полстер — аналитик и специалист по опросам общественного мнения.

М.Б.: У них это, может быть, ярче выражено, но по большому счету для того, чтобы грамотно провести опрос общественного мнения, нужно быть ученым, профессиональным социологом.

АВТОР: *Позвольте еще одну цитату — крупнейшего авторитета, ныне покойного Игоря Семеновича Кона: «Социология предполагает заземленность. Поэтому я к возможности существования социологии в Советском Союзе изначально относился очень скептически. Потому что мне было понятно, что социология не может существовать без анализа социальной структуры, а это было абсолютно табуируемой вещью. Были священные категории: рабочие, колхозники и интеллигенция. <...> А без социальной структуры макросоциологии быть не может. И второе, что было еще более табуировано, — это отношение к власти. Обсуждать это тоже было абсолютно невозможно. На эти вещи выходили только люди наивные или потенциальные революционеры, которые еще не осознали своего истинного призвания» (Интеллектуальный интерес... 2010).*

В этой связи вопрос: так как из невозможности родилась в Советском Союзе социология и худо-бедно существовала?

М.Б.: Я не согласен с Коном. На самом деле то, что он утверждает о социальной структуре, — мол, табуированная вещь, — это неправда. Мы занимались социальной структурой, изучали ее. Ваш покорный слуга, кстати, занимался социологией профессий, структурированием нашего трудящегося класса в рамках темы «Содержание труда как стимул трудовой деятельности». Я нашел такую исследовательскую технику, которая позволила объективно эту структуру выявить и оценить с помощью контент-анализа.

АВТОР: *Значит, Кон все-таки не прав.*

М.Б.: Да, не прав. Может, она и была табуирована, но мы находили способы и подходы для ее оценивания. Может, мы и не знали, что она была табуирована.

Из беседы с кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Института социологии Российской академии наук **Галиной Петровной Бессокирной:**

АВТОР: *Как Вы познакомились с И.М.? Как нашли друг друга?*

Г.П.: Познакомились мы во время моего обучения на геофаке, когда она читала нам курсы по философии. Позже меня послал познакомиться с ней поближе наш комсомольский секретарь Сережа Бойченко с той целью, что социология может дать для комсомола. Потом была работа по хозяйствам на последних двух курсах. В результате у меня стало два руководителя диплома: Повитчанная Е.Е. и Попова И.М. Мы с Леной Коцюбинской (она также была таким дипломником) даже получили командировку в Москву в Ленинку. Как раз в это время в Одессе образовалось Одесское отделение Института экономики АН УССР, куда перешла Ирина Марковна, чтобы возглавить Отдел социальных проблем управления (кажется, так он назывался и находился

на спуске Жанны Лябурб). И я, вместе с еще некоторыми однокурсниками, была направлена туда на работу. Меня Ирина Марковна «пробивала» через министерство, так как у меня не было никаких «отговорок». Это было в 1970 году. На следующий год я поступила в аспирантуру по специальности «Научная организация и экономика труда». Специальности по социологии тогда не было. Моим научным руководителем стала Ирина Марковна. Кроме того, работала на 0,5 ставки инженером в отделе. Впоследствии открылась специальность «Прикладная социология», по которой я и защитила свою кандидатскую диссертацию в Институте социологических исследований в Москве (1983).

АВТОР: *На какие авторитеты в социологии Вы ориентировались в начале своего пути в социологии?*

Г.П.: Мы старались узнать как можно больше о социологии вообще. Собирали в отделе все книги, выписывали массу журналов, составляли каталог по книжной и журнальной летописям, заказывали ксероксы переводов и оригинальных книг и статей (ВИНИТИ, ГПНТБ, ИНИОН). Все сотрудники периодически ездили в командировки к работающим группам социологов в Киев, Ленинград, Москву. Круг командировок самой Ирины Марковны был гораздо шире, конечно. Отовсюду привозили новую литературу, методические разработки, которыми охотно делились с нами. Думаю, что в начале своего пути в социологии у меня, кроме Ирины Марковны, авторитетов не было.

АВТОР: *Как вы сейчас оцениваете стиль руководства И.М. вашей группой?*

Г.П.: Стиль руководства был демократический. Сегодня даже, наверное, можно сказать, что партнерский. Фактически каждый сам выбирал себе задачу в общей теме. Конечно, она обсуждалась с Ириной Марковной и на совещаниях, которые проводились еженедельно в коллективе. Ирина Марковна давала возможность высказаться всем желающим и только потом излагала свое мнение. Она приветствовала все инициативы по поиску новых методик и техник в ходе анализа данных. Конечно, Ирина Марковна была не только формальным, но и неформальным лидером в коллективе. Думаю, что ее лидерство заключалось, прежде всего, в том, что в те трудные для социологии годы она обеспечивала нам возможность работать нормально. Никогда не рассказывала о «бурях» наверху, хотя они, несомненно, были. Мы все находились под ее защитой и вместе с ней трудились с большим энтузиазмом.

АВТОР: *Вы можете утверждать, что качество ваших исследований было вполне сравнимо с тем, что делали социологи в Москве, Ленинграде и Новосибирске?*

Г.П.: Зачем мне это делать. Это было признано Т.И. Заславской в ее статье в «перестроечные» годы. Она писала о некоторых островках, где развивалась настоящая социология. Среди них — Одесский госуниверситет имени И.И. Мечникова.

Третий участник команды Поповой Виктор Борисович Моин эмигрировал в Израиль и проживает в настоящее время в Хайфе. В своих воспоминаниях о периоде адаптации на новой родине он пишет: «Несмотря на отсутствие у меня специального образования, я не чувствовал себя «белой вороной»,

дилетантом среди новых коллег (все они защищали докторские и проходили пост-докторат в университетах США). И это вовсе не моя заслуга. Честно говоря, я этого не ожидал. Упоминаю я об этом только потому, чтобы подчеркнуть тот высокий уровень требований, который предъявляла нам Ирина Марковна, и ту огромную работу, которую она проделала, обучая нас, дилетантов, новой профессии» (Попова 2011: 621).

В заключении приведу свой разговор с кандидатом социологических наук **Ириной Рамилевной Чапской**, аспиранткой Ирины Марковны в 1997—2000 годы.

И.Ч.: С Ириной Марковной я познакомилась уже на последнем курсе университета. Это было в 96-м году. Дело в том, что ее ученица Эмма Августовна Гансова была научным руководителем моей дипломной работы. И она порекомендовала меня Ирине Марковне в качестве аспиранта. Она мне сказала, что надо идти к Поповой, потому что это такая школа, которую она бы хотела для меня.

АВТОР: *Что именно она имела в виду? Что значит «школа Поповой»?*

И.Ч.: Это значит, что она много вкладывает в аспиранта. Она занималась нами как учитель: учила нас писать, думать, приемам сбора и обработки научной информации, в общем, всем навыкам, которые необходимы для написания диссертации. Даже книжки читать. Я сидела рядом с ней, а она мне показывала, как она делает закладки в книжках, делает выписки на карточках. Мне достались после нее книги, в которых вложены библиотечные формуляры с ее записями. Она, например, быстро выяснила, что у меня трудности с написанием текста и стала рассказывать о своей учительнице литературы, фотография которой стояла у нее на столе. Спросила, как у меня обстояли дела с сочинениями в школе. Выяснила, что меня не научили писать, и стала этим заниматься. Это называется полностью взять на себя человека и лепить из него специалиста. Она мне часто говорила: «Ира, вы ведь знаете: мы не ищем легких путей». Я давала ей какие-то фрагменты своей работы. Она постоянно отдавала мне их на переделку. Все, что не удовлетворяло, все отсылалось назад. После первого обсуждения диссертации мне пришлось поменять специальность. Она спокойно убрала пятьдесят процентов текста.

Я пришла к ней, когда ей было уже 70 лет. Когда я сказала своим знакомым, что стала аспиранткой Ирины Марковны, то они мне стали говорить, что это очень серьезно и чтобы я это понимала и готовилась к жесткой требовательности. У меня ведь был маленький ребенок. Меня предупреждали, что для таких дам, как Ирина Марковна, ребенок — это не причина для снисхождения. А она была очень внимательна к этому фактору. Часто меня расспрашивала о сыне и сама много рассказывала о своих внуках. Я так поняла, что с возрастом она стала гораздо мягче.

Научный авторитет Ирины Марковны был такой... Когда мы приехали с ней в Киев на мою защиту, я увидела, как люди реагируют на Ирину Марковну, на такую маленькую женщину. Там большие мужи буквально вскакивали

и замирали. Это было потрясающе! И самое главное, что у многих из них остались какие-то обиды на то, как она их жестко раскритиковала. И все побаивались ее. Реакция на ее появление была очевидна.

АВТОР: *Как она относилась к коллегам по кафедре?*

И.Ч.: Мне кажется, что в последние годы она была снисходительна. Не помню, на каком собрании, на заседании кафедры или социологической ассоциации, она нас, молодых, утешала: «Ну, не бойтесь, за вами есть еще мы. Она видела в нас каких-то перепуганных людей, которых нужно утешить, сказать нам, что мол, мы еще живы и вас поддержим.

АВТОР: *Что в ней перевешивало — научное или интеллигентское начало? Что ее больше волновало — справедливость или истина?*

И.Ч.: Мне кажется, что на глубинном уровне был ученый, а этажом выше — интеллигент. В те годы, когда я у нее училась, она любила Шляпентоха. Ей нравился польский социолог Петр Штомпка. Она мне рекомендовала читать «Быть или иметь» Эриха Фромма. Она была марксисткой и всегда это подчеркивала. Западные ученые говорят, что расслоение современного общества ныне не такое, как по Марксу; что границы между классами стерлись; теперь уже это понятие не применяется, а больше «слои», «страты»; что это уже скорее горизонтальное различие, а не вертикаль. Так вот, она говорила, что все это не так, что класс собственников очень отличается от класса тех, кто продает свой труд и живет на зарплату.

АВТОР: *И вот сейчас, спустя время после того как Ирина Марковна ушла от нас в лучший мир, как ты оцениваешь ее как человека, с которым у тебя произошла неслучайная встреча и который ряд лет конкретно влиял на тебя?*

И.Ч.: Мне врезался в память наш последний разговор, когда мы шли с работы и просто говорили о жизни, без всякой научной цели. И вот мне запомнилась какая-то исключительная свежесть ее восприятия жизни. У меня осталось впечатления какой-то легкости, незашоренности, непосредственности ее жизненных реакций. Мне кажется, что она и люди ее поколения выросли, были молодыми и состоялись в счастливое время. Оно было трудное, но счастливое. Они были активные, целеустремленные. Меня поражало, как можно так спокойно распространять себя на окружающих. Не закрываться в частную жизнь, не самоустраиваться, не экономить свою нервную энергию, а вкладываться, говорить, почему здесь так, а там не так, то есть вмешиваться в чужую жизнь.

Вот такой запомнилась Ирина Марковна — мудрой, свободной, принципиальной. Она учила не только профессии, но и честному отношению к жизни.

12. ПОЛИТИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ: НЕУСВОЕННЫЕ УРОКИ РЕЙТИНГОВОГО СКАНДАЛА

Ни жизненные обстоятельства, ни среду человек не выбирает. Это не входит в условия его свободы. Ирина Марковна считала свою жизнь удавшейся в немалой степени потому, что на ее пути встретилось немало достойных людей, с которыми у нее сложились добрые человеческие и профессиональные отношения. Ее положение в профессиональном сообществе было прочным и определенным. Между тем корпорация украинских социологов представляет собой любопытную человеческую популяцию, которой в новых условиях, после слома советского строя, пришлось проходить в ускоренном режиме «школу капитализма», приспосабливаясь к новым «ценностям» — демократии и рынку. Об одном таком жестоком уроке, в разборке которого приняла участие И.М. Попова, пойдет речь ниже.

1. Экзит-польный скандал как зеркало кризиса профессионального сообщества украинских социологов

Выборы составляют сердцевину демократического процесса. Социологическое сопровождение в виде опросов населения обеспечивает получение оперативной и достоверной информации о ходе избирательной кампании, что позволяет своевременно реагировать на изменения состояния электората, его предпочтений, настроений, ожиданий. Социологическая информация является продуктом политического маркетинга, на который возник устойчивый спрос. Социологи с радостью ответили предложением. Это еще притяжка, сказка будет впереди.

Во время президентских выборов-2004 на Украине, после первого тура голосования 31 октября, разразился скандал вокруг результатов экзит-полов¹. Он быстро потонул в событиях оранжевой революции. За чередой ярких событий и карнавальными гуляниями на Майдане об экзит-полах и социологах все забыли до следующих общенациональных выборов. Но сами участники конфликта, наговорившие публично друг другу много обидных

---

¹ «Exit Poll» в буквальном переводе с английского языка означает «опрос на выходе». Во многих странах мира в день выборов проводится анкетирование тех, кто проголосовал на выходе из избирательных участков. Экзит-полы были придуманы еще в 60-е годы прошлого века американскими медиа-технологами: собственники газет хотели еще до официального объявления результатов опубликовать имя победителя на тех или иных выборах. У экзит-пола несколько целей: прогноз результатов выборов; общественный контроль за честностью проведения голосования; сбор материала для анализа электорального поведения граждан. На постсоветском пространстве, однако, экзит-полы стали инструментом политической технологии мобилизации своих сторонников на массовые действия в результате обнаруженной и «доказанной» с помощью экзит-пола фальсификации результатов выборов со стороны «партии власти».

слов, прощать коллег и мириться не собирались. Журналистка газеты «День» Н. Трофимова назвала свою статью, посвященную итогам этого экзит-пола, возможно без всякого намерения, достаточно ехидно: «Экзит-пол продолжается. Среди социологов». В результате острого выяснения отношений, обмена открытыми письмами фигурантов Социологическая ассоциация Украины (САУ)¹ в лице ее правления раскололась, президент и председатель комиссии по этике подали в отставку. Центр был парализован на два года, и региональные организации функционировали в автономном режиме. Деятельность ассоциации возобновилась только в 2007 году. 14 апреля этого года в Харькове состоялся внеочередной VI съезд САУ. Избрали новое правление и президента — В.С. Бакирова². Избрали также комиссию по этике из пяти членов во главе с председателем Ириной Марковной Поповой. За нее проголосовали единогласно, признавая ее авторитет и незапятнанную репутацию. Было также принято кардинальное решение о перенесении штаб-квартиры САУ из Киева в Харьков.

А ведь так хорошо начиналось. За полгода до этого злополучного экзит-пола, 20 мая 2004 года, V съезд САУ принял Кодекс профессиональной этики социолога и единогласно избрал комиссию по этике в следующей составе: Н.В. Панина (председатель), О.Н. Балакирева, В.С. Бакиров, Ю.И. Яковенко, С.Н. Стукало, И.М. Попова, В.Е. Хмелько (члены комиссии). Проект Кодекса был разработан Н.В. Паниной с участием И.М. Поповой и опубликован для широкого обсуждения в №3 журнала «Социология: теория, методы, маркетинг» еще в 2001 году.

В преддверие принятия Кодекса профессиональной этики социолога Наталия Панина опубликовала статью в 3-м (мартовском) номере журнала «Социология: теория, методы, маркетинг». В ней она четко указала на те опасности и проблемы, с которыми столкнулось профессиональное сообщество социологов в новых, постсоветских, условиях: «социология слишком резко вышла за пределы научного института в социально-политическую практику»; образовался рынок «социологических услуг», на котором «затрутились» большие деньги; за ними потянулись в социологию «самоназванцы», которые угрожают размыть профессиональное сообщество; на социологов оказывают давление разного рода политические спекулянты. Все эти обстоятельства обостряются общенациональными проблемами, такими как:

— проблема дефицита моральной регуляции поведения людей в рыночных условиях;

¹ Социологическая ассоциация Украины объединяет около тысячи профессиональных социологов, работающих во всех регионах страны, в академических институтах, в университетах, коммерческих и некоммерческих исследовательских центрах.

² БАКИРОВ Виль Савбанович — ректор Харьковского национального ун-та им. Н. Каразина, д-р социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Украины (2012), член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины (2006), президент Социологической ассоциации Украины (2007).

— общество не обеспечивает ученым даже минимальный материальный уровень, необходимый для нормальной работы и полноценной жизни.

Наталья Викторовна писала: «...социолог как представитель профессионального сообщества должен нести личную моральную ответственность за взаимоотношения с различными субъектами, с которыми необходимо вступать в контакты при осуществлении профессиональной деятельности:

1) с обществом, представляемым а) ретрансляторами информации (журналисты, политики, политологи, комментаторы), б) потребителями информации (специалисты, апеллирующие к результатам социологических исследований), в) с населением как носителем общественного мнения, г) властными структурами и идеологическими институтами, заинтересованными в тенденциозной информации;

2) с соисполнителями в конкретных проектах;

3) с респондентами;

4) с заказчиками;

5) с профессиональным сообществом» (Панина 2004: 6).

Создается впечатление, что все важные слова были сказаны и написаны, чтобы предупредить социологов: будьте бдительны, ваша профессиональная честь под угрозой! Но как показал рейтинговый скандал, честь дала сбой. Да еще какой!

Странным образом об этом скандале одесские социологи сегодня, спустя девять лет, практически ничего не знают. Сведениями, да и то путаными, владеют единицы. А ведь скандал был сильнейший. Вот версия рейтингового конфликта в изложении проф. Нелли Александровны Победы:

— Существовал некий институт социальных исследований, который по комсомольской линии или по зарубежным грантам, точно не знаю, получал деньги на проведение рейтинговых исследований. Он конкурировал с Институтом социологии. Они давали одни результаты, другие давали иные результаты, Киево-Могилянская академия — Паниотто и Хмелько — давали третьи результаты. В общем, они конкурировали. И тогда возник вопрос о столкновении рейтинговых таблиц. Панина добросовестно проводила разные заседания с журналистами, на которых она объясняла, что значит репрезентативность исследования и каким исследованиям можно доверять. Если вам делают рейтинги, но не дают расшифровку, то можете быть уверены, что это дутые цифры. Печальный результат борьбы рейтинговых групп был таков, что на почве разбирательств заболели и умерли и Панина, и директор конкурентного института. Две смерти. Вот тут и понадобилась комиссия по этике. На самом деле в социологии есть много вещей, которые должны обсуждаться на комиссии по этике. Но я не знаю заседаний, посвященных разбору других конфликтов, кроме этого рейтингового «дела». Я других «разборок» не знаю. Любопытно, что после всех этих перипетий рейтинги продолжают, каждый институт считает, что именно он выдает истину, а комиссия эти рейтинги не обсуждает».

Киевляне, находившиеся в эпицентре конфликта, конечно, знают больше, но, очевидно, не хотят об этом распространяться по понятной причине: конфликт испортил многие личные отношения, можно сказать, навсегда изменил характер общения между ведущими столичными социологами и социологическими организациями. Вот как объяснил суть конфликта и скандала вокруг него в САУ очень информированный человек, заместитель директора Института социологии НАН Украины Евгений Иванович Головаха:

— Социологическое сообщество Украины раскололось. Во время президентских выборов 2004 г. социологи вовлеклись в деятельность разных политических сил, обвинили друг друга: одни в фальсификации, другие в методическом невежестве. И стали писать друг на друга письма, обвинять, что эти — ангажированы, а эти — невежды. Производственные конфликты перешли на личные отношения, дальнейшее пребывание этих групп в одной ассоциации стало невозможным, поэтому председатель Социологической ассоциации подал в отставку, Наталию Викторовну стали забрасывать письмами, которые она считала абсолютно неконструктивными, и вместо того, чтобы разбирать все это, она подала в отставку, и обезглавленная ассоциация не теоретически, а практически прекратила свое существование. Надеюсь, что во имя памяти Н.В. они теперь помирятся» (Головаха 2006).

Упомянутая Наталия Викторовна Панина — жена Е.И. Головахи, д-р социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАНУ и, главное, автор Кодекса профессиональной этики социолога, председатель комиссии по этике САУ. В разгар конфликта она написала заявление на имя президента САУ Н.А. Шульги, датированное 8 ноября 2005 года. В нем она заявила, что обе стороны пытаются втянуть в свою «разборку» Комиссию по профессиональной этике, хотя в разгорающемся конфликте нет ничего профессионального, зато имеется политический подтекст. В заключении она писала: «Я не хочу заниматься этим конфликтом до конца своей профессиональной жизни (а именно таким он и обещает быть). Мне это противно. Поэтому я складываю с себя полномочия **Председателя комиссии по профессиональной этике и подаю в отставку.** Потому что в настоящее время Кодекс профессиональной этики используется не по назначению — им размахивают и надеются прихлопнуть «противника», тогда как он предназначен, прежде всего, для личного пользования»¹.

Н.В. Панина умерла от сердечного приступа 8 августа 2006 года в возрасте 56 лет.

¹ Текст заявления Н.В. Паниной любезно предоставил Е.И. Головаха.

2. Драматургия скандала: две линии конфликта

Что же там на самом деле случилось? Почему так сильно рассорились мэтры украинской социологии? Неужели из-за расхождения в цифрах и методиках опроса?

У скандала было две сюжетные линии. *Первая* связана с «Национальным консорциумом», который был создан для проведения экзит-полов во время президентских выборов-2004 в следующем составе: фонд «Демократические инициативы» (И. Кучерив), Киевский международный институт социологии (руководители — профессора Киево-Могилянской академии В. Хмелько и В. Паниотто), Центр Разумкова (А. Быченко), Центр «Социс» (Н. Чурилов) и Центр «Социальный мониторинг» (О. Балакирева).

За неделю до первого тура голосования руководители двух структур Консорциума — КМИС и Центра Разумкова, — ссылаясь на сложную политическую атмосферу в обществе, заявили о том, что они применяют новую для истории украинских экзит-полов технологию сбора данных — метод тайного анкетирования. Их партнеры — Центры «Социс» и «Социальный мониторинг» — отказались от эксперимента, аргументируя это тем, что они не уверены в его надежности. В результате вечером 31 октября Консорциум представил цифры, из которых вытекало, что трое участников дали преимущество В. Ющенко, а ЦСМ Балакиревой дал несущественное преимущество Януковичу в 0,3%. Но два с половиной часа спустя на пресс-конференции Чурилов и Балакирева изменили результаты. По их уточненным данным, в результате взвешивания коэффициентов, связанных с оценкой явки избирателей на Западной Украине, первенство оказалось за Виктором Януковичем с отрывом в 4,4%. На глазах у журналистов состоялся нелюдный «обмен мнениями». Руководителей «Социса» и «Социального мониторинга» коллеги обвинили в фальсификации данных. А те, в свою очередь, — заявили о давлении на КМИС и Центр Разумкова спонсоров исследования. Прямо на пресс-конференции СОЦИС и ЦСМ объявили о выходе из Консорциума и о проведении во 2-м туре собственного экзит-пола «Выбор народа». В ответ Консорциум 11 ноября выступил с заявлением, в котором обвинил Ольгу Балакиреву в заранее спланированной акции с целью дискредитации проекта «Национальный экзит-пол'2004» и о заказном характере самих обвинений в «заказности» результатов экзит-пола (Заявление Консорциума... 2004).

21 ноября с экранов телевизоров были озвучены результаты экзит-полов второго тура, которые также вызвали недоумение. Уменьшившийся на две организации Консорциум обнародовал результаты, показывающие уверенную победу Ющенко. Экзит-пол «Голос народа» (СОЦИС и ЦСМ) распался и давал данные отдельно — ЦСМ показывал победу Ющенко с разрывом в 3%, а вот с результатами СОЦИСа, как и в первом туре, стали происходить метаморфозы. В предварительных результатах побеждал Виктор Ющенко (49,1% против 45% Виктора Януковича), а во время телевизионной передачи в 20.00 директор СОЦИСа Н. Чурилов объявил о преимуществе Януковича

(48,2% против 46,8% Ющенко), но сказал, что данные ненадёжны из-за большого числа отказов, однако на сайте СОЦИСа эти данные были представлены уже как надёжные.

В «третьем» туре данные Национального экзит-пола серьёзно разошлись с официальными цифрами. Консорциум показывал отрыв Ющенко от Януковича на уровне более 15 процентов, а ЦИК в итоге не дотянул и до восьми. Хотя организаторы экзит-пола анонсировали погрешность не выше одного процента.

Вторая линия скандала связана с тем, что параллельный экзит-пол проводило еще одно объединение — «Украинский экзит-пол», в состав которого вошли Украинский институт социальных исследований (директор А. Яременко), шесть национальных университетов Украины и Социологическая ассоциация Украины. Факт участия ассоциации на стороне «Украинского экзит-пола» вызвал резкий протест со стороны членов Консорциума, поскольку они тоже являлись коллективными членами САУ. Президент КМИСа Валерий Хмелько был членом правления САУ и считал грубым нарушением честной конкуренции передачу логотипа главной профессиональной организации украинских социологов лишь одной из конкурирующих «фирм». Об этом он заявил правлению и комиссии по этике в открытом письме. Вице-президент САУ Александр Яременко¹ с самого начала не скрывал, что создает свой «Украинский экзит-пол» в качестве альтернативы Консорциуму, потому что не доверяет ему в силу политической ангажированности последнего. Не случайно Н.В. Панина назвала его группу «Анти-консорциумом». Все слова Яременко о недоверии к непроверенной методике тайного анкетирования, примененной КМИСом и ЦР, можно списать на линию генерального недоверия по политическому основанию. По сути это был политический конфликт между оранжевыми и бело-синими. Поэтому он приобрел особенно острый и принципиальный характер. Как никак интеллигенты умеют враждовать.

В первом туре «Украинский экзит-пол» показал преимущество Януковича над Ющенко в 4%. Во время второго тура Яременко признал провал своего исследования по причине большого количества отказов избирателей участвовать в опросе.

¹ ЯРЕМЕНКО Александр Алексеевич родился 3 июня 1949 года в г. Паранайск Сахалинской области. Кандидат экономических наук. В 1991 году возглавил созданный Кабинетом Министров Украины Украинский научно-исследовательский институт проблем молодежи. В 1997 году этот институт был преобразован в Украинский институт социальных исследований, а в 2001 году — в Государственный институт проблем семьи и молодежи. Затем он еще раз сменил вывеску и стал Украинским институтом Социальных исследований (УИСИ). После экзит-польного скандала в апреле 2005 года А. Яременко перешел на работу в Институт экономического прогнозирования Национальной академии наук Украины, возглавив новообразованный отдел мониторинговых исследований социально-экономических трансформаций. 2 июля 2005 года умер от сердечного приступа. После его смерти УИСИ было присвоено его имя. Возглавила ин-т его коллега, с которой он часто и плодотворно сотрудничал, директор центра «Социальный мониторинг», канд. социологических наук О.Н. Балакирева.

Были ли у А.А. Яременко основания для подозрений и обвинений в политической ангажированности?

«Центр «Социальный мониторинг» (ЦСМ), который был ближе к власти, Центр им. Разумкова (ЦР), который был ближе к оппозиции и два более-менее нейтральных коммерческих центра — СОЦИС и Киевский международный институт социологии (КМИС), проводивших исследования по заказам и власти и оппозиции. Такая композиция, — пояснял суть идеи создания консорциума в таком составе Генеральный директор КМИСа Владимир Ильич Паниотто, — должна была способствовать нейтрализации возможного восприятия консорциума как политически ангажированного и повысить доверие к результатам экзит-пола».

Значит, опасения, что их будут упрекать в тенденциозности, были у самих организаторов Консорциума. Ради усиления впечатления объективности они прибегли к разношерстности, и она-то их сгубила. Больше такой ошибки они уже не делали. «Слабое звено» — Центр Разумкова. В своем комментарии А.А. Яременко заявил: «...мне сразу же хотелось бы оставить за рамками нашего разговора Центр Разумкова. Научный центр, в котором президент является главным аналитиком одного из штабов, — это говорит само за себя» (Трофимова 2004)¹. А что такое КМИС? Основанный в 1990 году, он уже с 1992 года становится Україно-Американской исследовательской компанией с широким спектром мониторинговых услуг. Живет на иностранные гранты и заказы.

Приглашенной в качестве аудитора Н.В. Паниной также показалась «странной» структура Консорциума. Она включала пять центров, четыре из которых должны были проводить экзит-пол. Роль пятого центра была обозначена как руководящая и координирующая. Этим координатором выступила организация «Демократические инициативы» (ДИ). Странность заключалась в том, что сотрудники ДИ не имели необходимой социологической квалификации для проведения и оценки такого крупномасштабного опроса. Но то, что выглядит неясно с профессиональной точки зрения, легко объясняется с другой. Что из себя представляет Фонд «Демократические инициативы»? Это мощный канал влияния Запада на Украину. Именно через него осуществляют вмешательство и финансируют политический процесс в Украине большинство западных фондов, в основном американских, и так называемых неправительственных общественных организаций². В общем, ДИ распределяет западные

¹ И в период Евромайдана Центр Разумкова попал в так называемый «список нардепа Царева» как грантоед номер один американских фондов.

² Фонд «Демократические инициативы» (ДИ) был основан в 1992 году как неприбыльная, негосударственная, аналитическая организация. Расположенный в Киеве, «ДИ» поддерживает переход к «полноценной демократии и развитию гражданского общества в Украине». Существует на грантовой и донорской основе. Зарубежные связи и партнеры: Мировой Банк, Фонд «Возрождение» — структура фонда Сороса «Открытое общество», Freedom House, Национальный фонд за демократию (NED), Агентством по международному развитию США (USAID), Фонд Чарльза Стюарта Мота, Канадское Агентство международного развития, посольства США, Канады, Чехии, Польши, Нидерландов, QEV Analitics (США), Центр информации и документации

деньги и отчитывается об их эффективном использовании. Его ведущее положение в консорциуме естественно определялось тем, что он был заказчиком и организатором консорциума. Деньги на проведение экзит-пола дали 8 посольств и 4 международных фонда. Вот их перечисление: Швейцарская Дирекция по вопросам развития и сотрудничества, Королевское посольство Норвегии в Украине, Программа демократических грантов Посольства США в Украине, Канадское агентство международного развития, Посольство Канады в Украине, Посольство Королевства Нидерландов в Украине, Посольство Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Украине, Шведское агентство по вопросам международного сотрудничества и развития Sida, Королевское Посольство Дании в Украине, Фонд Чарльза Стюарта Мотта (США), Национальный фонд поддержки демократии (США), Международный фонд «Возрождение» (Сороса) и Фонд «Евразия» (Ковалев 2010). Круто? Более чем.

В этом плане Консорциум выглядел не столько национальным, сколько интернациональным. Тогда как их оппоненты более отвечали своему названию «Украинский консорциум», поскольку у него были отечественные источники финансирования. Причем денег не хватало, и их недостаток покрыли члены САУ, к которым правление ассоциации обратилось за помощью.

В конце концов в печати экзит-полы были охарактеризованы как «бои без правил». В стране, где продали все, что на земле и под землей, где есть расценки на убийство людей — на продажу цифр сетовать не приходится. Имитация экзит-пола полностью соответствовала духу и форме имитационной демократии. Аудит, аккредитация в САУ и прочие «штучки», которые якобы должны дополнительно гарантировать достоверность информации, что мертвому примочки. Кстати, дополнительно к чему? К честности бедных социологов, интервьюеров, математиков? Вот как «божился» А.А. Яременко, убеждая в своей честности: «У меня есть профессиональная гордость и профессиональная честь. Я отвечаю в первую очередь перед собой, перед своим коллективом, перед своим сыном, который также сегодня работал на экзит-поле. Я не могу обмануть, поскольку мне придется смотреть всем людям в глаза» (Яременко 2004). А ведь коллеги ему не поверили. Так нам сам Бог велел *всем им* не верить. «Учредители «консорциума трех» убеждают окружающих в том, что они — честные, никем не ангажированные ученые, — писал журналист А. Ковалев. — Это — их бизнес. А право всех остальных — брать эти утверждения на веру или же сомневаться в них. Принимать к сведению результаты исследований ведущих социологов Украины, конечно,

---

НАТО, Украинский конгрессовый комитет Америки, Форум Центрально-восточной Европы (Польша), Национальный демократический институт международных отношений (США) и др. Публикация результатов деятельности осуществляется в следующих СМИ: Washington Post, Ukrainian Weekly, Gazeta Wyborcza, Kyiv Post, «Голос України», «День», «Україна молода», УТ-1, «Студія 1+1», «Інтер», СТБ, «Новий канал», «5-й канал», Радіо «Свобода», Бі-Бі-Сі; ТБі, Інтернет-видання «Українська правда», «Форум», «Телекритика», «Korespondent.net», «Ukraina.ru» и др.

стоит. Но верить им безгранично, как и в непредвзятость их организаторов, — верх наивности. Этому нас учит, в том числе, и опыт предыдущих лет» (Ковалев 2010).

Проводя экспертизу экзит-полных групп и их проектную документацию Н.В. Панина с удивлением обнаружила, что никто и не собирается особенно «париться» по поводу качества информации. «Еще до проведения экзит-поллов, складывалось впечатление, что все участники будто бы заранее знали предстоящие результаты опросов. И то, что они будут разные. И даже то, какие они будут», — отмечала она в докладе на «круглом столе» (Панина 2005). Разные с точки зрения политической, опросные группы были примерно одинаковыми по степени организационной подготовки, социологической обоснованности и критериев валидности.

3. Как социологи стали полстерами

Надо сказать, что к началу нулевых годов многие, если не большинство обывателей, воспринимали социологию через призму вошедших в обиход разных опросов общественного мнения. Многие такие опросы носят заказной характер. Особый спрос на социологическую информацию подобного рода возникает в сезон общенациональных выборов (президента или нардепов в Верховную Раду). На англоязычном Западе специалистов, которые занимаются организацией и проведением опросов общественного мнения, называют *полстерами*. Они, вообще говоря, полноценными социологами не считаются. Что-то вроде технического персонала для обслуживания теоретиков, разрабатывающих программы исследований и дающих интерпретацию полученным результатам. После развала СССР, вследствие прекращения государственного и отраслевого финансирования социологических исследований, большая наука практически остановилась. Пришлось приспособливаться и добывать деньги «рыночным способом». А рынок создали клиенты, нуждавшиеся в рейтингах для увеличения своего политического веса в электоральной борьбе, для успешного маркетинга, рекламных проектов, реже — с целью принятия правильных управленческих решений в административной сфере. Для оказания таких услуг некоторые практичные социологи создали частные социологические компании, которые стали специализироваться на мониторинговой деятельности. Так социологи стали полстерами, оправдывая свое «заробитчанство» благородным мотивом самим зарабатывать деньги на науку.

Есть страсти и цели. Эксплуатация желания поскорей узнать итоги выборов (на несколько часов раньше) — на этом строятся политические шоу, занимающие целую ночь сразу после общенациональных выборов Президента или Верховной Рады. Поэтому крупные национальные телеканалы не скупятся на проведение экзит-полов. Кроме того, социологические

рейтинги способны превращаться в грозное оружие, влияющее на политические процессы. Поэтому они активно используются разного рода политическими игроками. В общем, образовался спрос на политическом рынке на такого рода социологическую информацию. Крутятся немалые деньги, и эти деньги так или иначе будут получены либо местными, либо заезжими гастролерами. Наши практичные социологи в центре и на местах решили, что это их деньги, поскольку их посадил в землю национальный Буратино. Это действительно их деньги, но и трудности в их получении тоже их. Они не позволят, чтобы «наглый авантюрист» Павловский и иже с ним залазили в их карман. Кроме того, в период «сбора урожая» появляется много фирм-однодневок полупрофессионалов, а то и просто мошенников, которые непрочь поживиться на этом поле, угождая заказчику. Их надо тоже отсеять. И здесь надо задействовать САУ, которая должна лицензировать мониторинговую деятельность частных компаний, выдавать знак качества и фактически разрешение на такую работу. В общем, круг своих людей четко обозначен, и хотя иногда их сводит лицом к лицу конфликт интересов, как это было в 2004 году, общего между ними больше. Поэтому обещанная дискуссия для вынесения уроков из рейтингового скандала после выборов президента-2004 так и не состоялась. Последствия этой невыполненной работы по «уборке мусора» не заставили себя ждать.

Социологи криком кричат, что есть настоящая социология, серьезная наука, а есть полстеровщина. Приведу слова нынешнего президента САУ В. Бакирова: «К сожалению, в нашей стране под словом «социология» понимают не совсем то, что во всем мире. По мнению большинства наших сограждан, социология — это составление рейтингов популярности тех или иных политиков, политических сил. И, естественно, суждения о социологии часто сводятся к тому, насколько точны и объективны такие рейтинги, насколько социологи честны и добросовестны, подкупны или неподкупны и т. п. Между тем социология — наука, пытающаяся понять и объяснить, как устроено человеческое общество, каким законам подчиняется социальная жизнь людей, как возникают, развиваются, разрушаются различные социальные структуры и институты. Социология использует широчайший спектр научных методов — от сложнейших математических моделей до глубинных личностных интервью, включенного наблюдения и т.п. Без социологического знания в современном мире невозможно решать такие проблемы, как сохранение социальной стабильности, предотвращение этнических, конфессиональных и других конфликтов, борьба с преступностью, наркоманией. В поле внимания социологии — безработица, здоровье населения, охрана среды обитания человека и многое другое.

Что же касается пресловутых рейтингов, или, точнее сказать, электоральных исследований, то это — небольшой и не очень значительный сегмент социологических исследований» (Капсамун 2006).

И вот этот «незначительный сегмент» делает репутацию всей украинской социологии. Приведу некоторые заголовки статей в газетах: «Экзит-полы

осрамили украинских социологов», «Социология — наука или проститутка», «Кривое зеркало социологии», «Сюрпризы и чудеса украинской социологии», «Война рейтингов», «Социологи затеяли внутрикорпоративную люстрацию», «Экзит-полы: сбой инструментария или морали», и т.п.

Какой продукт производят, чем торгуют мониторинговые компании? Они торгуют информацией о том, что «думает» народ. Но народ думать не может. Думают конкретные люди. И вот их мнения отслаиваются, суммируются и предстают в виде виртуального образа под названием «общественное мнение». Вообще говоря, «общественное мнение» — это миф. В отличие от мнений отдельных людей, которые — не миф. Но ведь единичные мнения даже не убеждения, а разновидность заблуждений, навеянных манипуляциями СМИ. И вот на основании летучих, хрупких и невесомых, как сахарная пудра, мнений мы выбираем себе власть, правительство. Глупость невероятная, если не знать, что власть не выбирают, а она сама себя утверждает и навязывает народу посредством «выборов», в честность которых не верит ни один здравомыслящий человек. «Партия власти» и оппозиция — это конфигурация одного и того же властвующего слоя. Как говорится, два в одном. Выбирая власть, вы выбираете и оппозицию. Голосуя за оппозицию, вы косвенно выбираете власть. Это все арифметика для политолога.

Говорят, экзит-пол — очень дорогое удовольствие и оплатить его могут только очень состоятельные люди, хозяева жизни. Так разве хозяева жизни будут интересоваться «общественным мнением». Да они чихали на него, если только это не подставка их собственного мнения. Главный постулат современной PR-кампании гласит: не следует пассивно следовать за общественным мнением, его нужно активно формировать. Можно внедрить в общественное сознание любую идею или проект. Это вопрос денег и времени. Вначале мы создаем общественное мнение, а затем опираемся на него. Очень удобно и, главное, демократично.

Что на самом деле хотят узнать заказчики экзит-полов? Они хотят узнать, до какой степени общество зомбировано их манипулятивной пропагандой¹.

¹ Коллега И.М. Поповой по университету профессор В.Л. Скалкин (о нем пойдет речь в третьей части книги) писал: «Молодая, доверчивая душа обитателя восточно-европейской равнины, возраст цивилизованности которой едва ли насчитывает 12—14 сотен годов, восходя своим рождением ко времени завершения строительства шедвры поздней античности — собора Софии в Константинополе, не выдерживает обаяния электронных аудиовизуальных средств массовой информации и, получив очередную порцию наркотиков, легко путает категории реального и воображаемого, готовая идти за любым гражданином, который взойдет на броневик или — еще лучше — на танк. <...> Ведь если все время смотреть ТВ, создается впечатление, что каждый новый скачок цен в ходе применения шоковых средств лечения экономики, народа и общества вызывает всеобщее ликование масс, и рейтинг главных фигурантов политической сцены неизменно ползет вверх, как об этом свидетельствуют результаты оперативных опросов общественного мнения института профессора Бюстгара Спонтонели» (Скалкин 1993а). Самоирония и юмор — вот что нас спасает от полного идиотизма.

Да, люди не верят в честные выборы. Это и не нужно. Требование прозрачности есть требование к искусству фокусника, что б сделал фокус на глазах у всех, а понять, как он это сделал, нельзя. Люди не верят в легитимность очередной власти? Ну и пусть. Но во власть-то они верят, в могуществе денег убеждены бесконечно. И в миф о том, что двери во власть ни для кого не закрыты, тоже верят. Ведь по ТВ они ежедневно видят политиков — «такие же как мы», — ну очень простые! Это, между прочим, хорошо, отвечает их глубинному инстинкту равенства. Вот — главное. Вот реальность. Это вам не фиктивная вера в европейское первородство украинского народа.

Если общественное мнение выступает в виде медиа-продукции, то я могу заранее сказать, как будет выглядеть общественное мнение, если заказчиками выступают, допустим, владельцы газеты «Украинской правды» или фонд «Демократические инициативы». Более того, с большой долей вероятности я смогу утверждать, что свой заказ на рейтинговое исследование они сделают именно КМИСу, поскольку у них общие спонсоры на Западе и — дополнительная гарантия — общая политическая платформа¹.

Фактически политтехнологи наделили экзит-пол функцией контроля за честностью выборов. Между тем в литературе отмечается, что функция контроля за выборами выглядит весьма сомнительной. Так, аналитик ВЦИОМ Ю.М. Баскакова пишет: «В ситуации высокого доверия институту выборов вопрос использования экзит-полла для контроля результатов выборов просто не возникает. Процесс проходит ровно наоборот — оценке подвергаются не выборы, а социологическая компания и ее методика. В ситуации отсутствия доверия институту выборов вопрос об использовании экзит-поллов в качестве инструмента контроля теряет смысл. Если есть основания предполагать, что власть имеет достаточный ресурс для массовой фальсификации бюллетеней, логично также предположить, что она имеет достаточный ресурс для имитации экзит-полла. В таких условиях в случае расхождения официальных итогов выборов и результатов экзит-полла критике подвергаются итоги выборов, если же результаты опроса оказались близки к официальным данным, экзит-полл объявляется «нарисованным» (Баскакова 2011: 39).

Практика проведения экзит-полов на Украине с 2004 года является развернутой иллюстрацией этого тезиса. Тогда зачем же все эти игры в «научную социологию»? «Кусать хотеца!» Нормально. Но при этом не следует для собственного психологического комфорта ссылаться на Кодекс профессиональной этики. Это явный перебор. Не усложняяй собственной мотивации, все равно «бритва Оккама» отсекает все «лишнее» — интеллигентность, научную честность, беспристрастность и т.п.

Выборы президента 2004 года — это была настоящая политическая война, целью которой являлась гегемония, власть. Не за справедливость воевали Ющенко и Янукович, а за власть. И социологические рейтинги — это оружие

¹ В «списке Царева» КМИС характеризуется как всеядная организация, работающая ради денег.

в той войне. Современная высокотехнологическая информационная война нуждается в специалистах разных профессий. Полстеры — одна из них.

4. Экзит-пол и оранжевая революция

Генеральный директор КМИСа В.И. Паниотто пишет: «Вопрос, на который я не знаю ответа — была бы <революция>, если бы Янукович выиграл выборы (и экзит-полы показали бы это)? Был ли революционный сценарий заранее запланирован? Но я точно знаю, что мы бы обнародовали именно те данные, которые получили» (Паниотто 2005).

Вопрос, конечно, интересный. Как повлиял рейтинговый скандал на ход событий 2004—2005 годов? В одной из газетных публикаций говорится: «Разнобой результатов исследований и взаимные обвинения социологов в 2004 стали одним из поводов начала «Оранжевой революции» (Град экзит-полов... 2012).

В. Ющенко сразу по окончании второго тура голосования, еще не зная ничего, уже заявил о фальсификации. Ему результаты вообще не были нужны, а нужны поводы для решительной уличной конфронтации. И первым таким поводом был экзит-пол, который был использован как средство для «раскачивания» масс и перехода в силовой вариант для отмены официальных результатов второго тура. Штаб В.А. Ющенко обратился к населению с призывом к восстанию:

«Дорогие соотечественники! 21 ноября Виктор Ющенко выиграл всенародные выборы президента Украины. Об этом убедительно свидетельствуют данные национального exit polls, проведенного известными и авторитетными социологическими организациями. Анонимный опрос, проведенный на выходе из избирательных участков по всей стране, удостоверяет десятипроцентное преимущество В. Ющенко. То же самое подтверждает параллельный подсчет голосов, за исключением голосов в Донецкой и Луганской областях... Мы призываем всех, кому не безразлична собственная судьба, судьба наших детей и внуков, будущее Украины, защитить свой выбор» (Президент Украины-2004).

Как мы знаем, десятипроцентного преимущества не было даже в «третьем туре». Маленькая ложь в большой игре вполне оправдана. Сторонники президента Майдана использовали расхождение в цифрах между Национальным консорциумом и официальными результатами, обнародованными ЦИК, для обвинений Януковича в воровстве от 1 до 3 миллионов голосов, что и стало поводом к оранжевой революции. Результаты экзит-полов второго тура, якобы доказывающие фальсификацию результатов ЦИК, стали аргументом в Верховном суде, принявшем пресловутое решение о третьем туре. Кстати, такой разворот событий не был неожиданностью для обеих противоборствующих сторон, поскольку перед ними был пример Грузии, в которой именно экзит-пол, засвидетельствовавший фальсификацию выборов в пользу

партии власти, стал сигналом к «революции роз». Поэтому в избирательных штабах Януковича и Ющенко продумывали технологические ходы, как нейтрализовать или, наоборот, задействовать результаты экзит-полов в свою пользу. Оранжевая оппозиция понимала, что ей не удастся нейтрализовать админресурс провластного кандидата. Поэтому она пошла по пути накачивания предвыборного ажиотажа. Ее представители открыто заявляли, что любой результат, который не даст победу Ющенко, они заранее объявляют фальсификацией, доказательством которой будут результаты экзит-пола. Но экзит-полов провели аж три, и они имели разные результаты. Это был «наш ответ на ноту Керзона». Газета «Зеркало недели», занимавшая проющенковскую позицию, оценила всю эту игру с экзит-полами как фарс с целью скомпрометировать саму идею экзит-пола и тем самым не дать обществу возможность оценить реальный масштаб допущенных властью подтасовок. Между тем официальный наблюдатель от международной организации «Институт стран Восточной Европы и СНГ» Элиезер Фельдман заявил тогда: «Украина — первая страна в мире, где не смогли адекватно провести экзит-пол, и в связи с этим ее можно смело занести в Книгу рекордов Гиннеса». В этой связи в печати появился ряд публикаций, в которых был поставлен вопрос о доверии к украинской социологии вообще. Тот, кто считал себя больше других лично задетым этими публикациями, выступил с опровержением. В ответ критикуемый профессор В. Паниотто редактор «Грани плюс» В.Зайцев «припечатал» его статьей «Владимир Паниотто как леди Макбет украинской социологии». Один эпитаф из пушкинского «Бориса Годунова» чего стоит: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Получается, что В.А. Ющенко выиграл выборы 2004 года не путем собственно выборов, а через дестабилизацию политического режима с помощью технологии «цветных революций», через Верховный Суд Украины, который вынес под давлением неконституционное решение, через экзит-пол, наконец, через заднее крыльцо посольства США. Такая победа только по видимости смахивает на демократическую процедуру, а на деле имеет четкое политологическое определение — государственный переворот, что бы там ни говорили о «майданной демократии», о том, что «народ высказался» и т.п.¹ Мне могут возразить: иначе он выиграть не мог. Я, пожалуй, с этим соглашусь, только это не отменяет формулировку случившегося.

Российский исследователь, написавший диссертацию на тему манипуляций в ходе «оранжевой революции» 2004 года на Украине, Д.Н. Смирнов пришел к выводу, что в борьбе за гегемонию в период «оранжевой революции» к манипуляциям прибегали обе противоборствующие стороны. «Элитарные группы, используя болевые точки общественного сознания, активно влияли на избирательный процесс» (Смирнов 2008). В его диссертации содержится

¹ Автор писал эти строки задолго до второго Майдана, который — на этот раз совершенно отчетливо — продемонстрировал тот же технологический почерк. Только это был уже план «Б» — от «цветной» революции к революции типа «Арабской весны».

еще один важный, с точки зрения разбираемого вопроса, тезис: «Оранжевая революция явилась результатом воздействия на политическую ситуацию в стране внутренних и внешних факторов и не была следствием, только внешнего влияния, или исключительно результатом внутренних процессов. Революция совмещает в себе: революционную и политтехнологическую составляющие; при этом её политтехнологическая составляющая во многом определялась фактором внешнего влияния, революционная — фактором внутренних предпосылок» (Там же). Экзит-пол — это политтехнология. Вот и судите, откуда ветер дул.

Украинский политолог Дмитрий Выдрин остроумно заметил, что «оранжевая революция» была восстанием миллионеров против миллиардеров. Момент истины в этих словах заключается в том, что лидеры революции, хотя и находились в оппозиции, обладали собственным немалым административным ресурсом, личными связями с теми, кто сидел в киевских властных кабинетах, и в борьбе за гегемонию стали перетягивать канат власти на себя. Время от времени они сообщали майданной публике о своих закулисных победах: министерство внутренних дел за нас, министерство обороны за нас, киевский горсовет за нас, «Беркут» за нас... Западные области и города республики в этот период просто отказались подчиняться Киеву. А после второго тура горсоветы Львова и Ивано-Франковска приняли решение признать президентом Украины В. Ющенко (!). Ситуацию мог бы решительно изменить еще не сдавший своих полномочий, гарант конституционного порядка президент Л. Кучма, но его нейтрализовал вице-президент США Дик Чейни, предупредив в разговоре по телефону, что если Кучма вмешается, то навечно станет «персоной нон грата» на Западе, а если прольется кровь, то ему «светит» Гаагский трибунал. Думаю, Чейни не хуже Кучмы знал номера банковских счетов членов его семьи. Леонид Данилович хотел мирно уйти, поэтому самоустранился, хотя затеянный его выдвиженцами Ющенко и Тимошенко «антикучмовский шабаш» ему не нравился. Что касается мировой информационной поддержки «оранжевой революции», то здесь даже говорить не приходится. В общем, «оранжевая революция» — это грандиозная технологическая операция по перехвату власти одной правящей группировки у другой под предлогом защиты демократии и экономических интересов бедных и средних слоев населения. Так она и вошла в современные учебники по политологии, получив нарицательное наименование¹.

Трудно поверить, что господа социологи не догадывались, в чьей игре они были задействованы. Впрочем, политическая наивность — это последнее, в чем можно заподозрить профессоров Могилянки. Учреждение под

¹ В 2010 году ситуация повторилась с точностью до наоборот. Оранжевая Ю. Тимошенко на момент выборов президента была премьер-министром, то есть от «партии власти», а бело-синий Янукович — лидером оппозиции. В условиях раскола политической элиты админресурс работает нечетко.

названием «Киево-Могилянская академия» давно уже замечено на политическом поприще. Ее сотрудники, профессура однозначно позиционировали себя активными сторонниками оранжевого политического спектра. Как граждане, они имеют на это полное право, но «по совместительству» они выступают в качестве якобы независимых экспертов-политологов и якобы объективных социологов, а это уже лукавство.

Когда спустя почти десятилетие читаешь в Интернете форумы, посвященные оранжевой революции, то диву даешься, как все мы были запрограммированы, какую чушь несли, распаленные предвыборной страстью и классово-ненавистью к своим оппонентам, под хихиканье довольных политтехнологов. Ну, кто сказал, что Янукович — пророссийский кандидат? Он таки стал президентом и проявил себя чуть ли не более последовательным сторонником европейского интеграционного проекта, чем «прозападный» Ющенко. Все оказалось манипуляцией и ложью. На тысячи раздраженных, ругливых комментариев нашелся один разумный (Valentino от 09.11.2004): «не важно кто выиграет, Украина проиграет». Еще встретился остроумный анекдот:

Идут две собаки на выборы президента.
Одна спрашивает у другой:
— За кого голосовать будешь?
За Герасима или за Павлова?

Вот и получается, что Ющенко — это второе «Я» Януковича, и наоборот. Даром что оба Виктора. Поскольку практически каждый из нас за кого-то из них голосовал, то получается два равноценных образа Украины. Характерно, как комментировались результаты президентских выборов в Интернете. Одна половина постеров считала другую идиотами и дебилами, вторая возвращала с лихвой эти психиатрические диагнозы. Так чего же на образы пенять, когда взорвался мозг?

5. Позиция Ирины Марковны

В этих «разборках» Ирина Марковна, встав над схваткой, проявила себя как мудрый человек. Она понимала, что там науки мало, где бизнес и политика. Но конфликтовали люди, с которыми она много лет общалась, настоящие профессионалы, пришедшие в социологию, возможно, как и она, по идеальным соображениям. Она безусловно поддержала только Н.В. Панину. С мягким юмором и педагогическим тактом она реагировала на то, как «ребята» мерялись статусами: чей экзит-пол длиннее, пардон, правильней и как они мазали друг друга э... или г..., у кого что было в наличии. Так, в письме на имя С.А. Макеева от 21 декабря 2004 года она писала:

Добрый день, Сергей!

Я почтой отправила текст своего письма с подписью и исправленными опечатками на Ваше имя (на адрес Института социологии). Посылаю стихотворение, которое сразу пришло мне в голову, когда Валерий Евгеньевич Хмелько зачитал нам свое письмо в комиссию. Я попыталась его вспомнить, но не смогла. Дальнейшие события показали, что аналогия уместна и художественный образ даст возможность лучше понять мою позицию.

**Агния Барто.
ПОЗОРНОЕ ПЯТНО**

За партой Павлик и Тарас,
Сидят два друга милых.
Вот видит Павлик как-то раз:
У друга нос в чернилах.
Есть ход у Павлика прямой -
Сказать: «Тарас, чернила смой!»-
И тот бы сразу смыл их.
Но Павлик требует, чтоб класс
Сказал Тарасу, что Тарас
Измазал нос в чернилах.
Вопрос выносится не зря
На обсуждение класса.
Подумать только: вся ноздря
В чернилах у Тараса.
И обсуждается вопрос
Каков Тарас? Каким он рос?
И как дошел он до того,
Что нос в чернилах у него?
Заволновалось все звено:
— Нет, мы молчать не в силах!
Он и на нас кладет пятно,
Измазав нос в чернилах!-
И вот уже объявлен сбор
В защиту чести класса...
Нос, между прочим, до сих пор
В чернилах у Тараса.

Сбор «класса» был объявлен. Киевская община социологов написала «Заявление социологов — членов Социологической Ассоциации Украины» с выражением недоверия правлению САУ в следующих словах: «В результате действий и бездействия руководства САУ репутации социологической науки причинен тяжкий вред, а сама она предстала в глазах общественности не как объединение ученых, основной задачей которой является

экспертиза надежности получаемых другими данными, а как непрофессиональная, политизированная, внутренне конфликтная структура, члены которой в любой момент готовы работать на политический заказ». Это заявление немедленно было поддержано сотрудниками КМИСа. Еще бы: оно полностью выражало их точку зрения. Суть их заявления сводилась к тому, что не они первыми начали нарушать профессиональные этические нормы, руководство САУ не заняло позиции арбитра, а фактически присоединилось к их оппонентам (Заявление КМИС 2005).

Ирине Марковне заявление киевской общины социологов не понравилось. По словам С.А. Макеева, *«заявление она не приняла, но право каждого иметь особую точку зрения на события, а равным образом и особые политические предпочтения, признавала. Все эти события ее сильно огорчали, ведь в них были втянуты люди, чьи знания и компетентность она ценила. Тогда-то и поддержала она избрание В.С. Бакирова главой САУ, а также перенос ее штаб-квартиры в Харьков: так, сдается мне, виделся ей умиротворяющий выход из скандала».*

В своем письме в комиссию по этике и правление САУ И.М. Попова мягко поддержала А.А. Яременко, против которого ополчилась «киевская гвардия». Она писала: *«С моей точки зрения, в письме А. Яременко не содержатся обвинения в профессиональной некомпетентности каких-либо социологов. Нет ничего предосудительного и в признании «ангажированности», ибо последнее не означает ничего иного, как указание на заключение контракта, а «альтернативность» не обязательно «противопоставление».*

Думаю, что нет крамолы и в предупреждении не делать «необдуманные шаги» ПО ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ибо мы все были свидетелями того, что эти шаги делались: результаты экзит-полов интерпретировались как средства контроля за выборами, использовались, как орудие в политическом противостоянии и др. Вот этого, с моей точки зрения, не следовало допускать.

Это не значит, что я полностью одобряю текст обращения А. Яременко в Правление, а также реакцию последнего на это обращение. Будучи правильным по существу, обращение А. Яременко было излишне эмоциональным и резким, на что Правление должно было ему указать, имея в виду соблюдение норм делового и человеческого общения».

Право И.М. Поповой быть услышанной основывалось не только на многолетнем опыте бескорыстного служения профессии, но и на нравственной позиции, которая сводится к тому, что социология — это судьба и особое предназначение. Наверное, Н.В. Панина и И.М. Попова, работая над Кодексом профессиональной этики социологов, видели в нем важнейший инструмент создания и сплочения *общества посвященных*. Эта посвященность делает социологов особой корпорацией, с дисциплиной, ответственностью, ритуалом верности профессиональному долгу. Может быть, именно эта мысль подвигла заведующего кафедрой отраслевой социологии Киевского

национального университета им. Т.Г. Шевченко Юрия Ивановича Яковенко предложить V съезду САУ рекомендовать профильному Министерству ввести традицию, согласно которой выпускники-социологи при получении диплома давали бы обязательство соблюдать Кодекс профессиональной этики социолога, аналогично врачебной клятве Гиппократу.

Разве мы не слышали, что врачи, давшие клятву Гиппократу, отказываются лечить больных, если они не платежеспособны? Порча века коснулась всех и ставит перед выбором, когда мы стоим перед долгом. Поэтому простое выполнение профессионального долга становится нравственной проблемой. Для Ирины Марковны и Натальи Петровны этой проблемы не было, потому что их удивительным образом не коснулась порча. Нам нужны высокие примеры, образцы служения науки и человеку в родовом понимании этого слова. Они у социологов, слава Богу, есть. Аж два: Попова и Панина.

6. Можно ли быть политическим агентом и не подчиняться логике и законам политической борьбы?

В ходе интервью по поводу организованного в Харькове Первого конгресса САУ журналист задал вопрос В.С. Бакирову:

— Тема одного из запланированных круглых столов в рамках конгресса — «Независимость социологии: миф или реальность?» Как бы вы ответили на этот вопрос?

— Я не буду говорить о псевдосоциологии и даже о тех социологах, которые по тем или иным причинам работают на конкретных заказчиков, будь то политические игроки или бизнесовые структуры. Понятно, что в этом случае заказчик определяет исследовательские задачи, информацию, которую он хотел бы получить и т.п. Но настоящий социолог никогда не станет подтасовывать, искажать информацию, препарировать ее в угоду заказчику. Ему запрещает это делать научная ментальность, этика профессии.

«Настоящий социолог» в устах Бакирова прозвучало примерно так, как звучали слова «подлинный человек» во времена Конфуция. Великий китайский философ в своей жизни таких не встречал, но они в немалом количестве, по его утверждению, водились в запредельные времена легендарных императоров Яо и Шуня.

Лидер днепропетровских социологов д-р социологических наук Виктор Городяненко был более откровенен: «Ситуация, в которой оказалась социология на современном этапе, необычная в плане того, что имеет место серьезная политизация социологии. Притом, настолько серьезная, что политика и социологическая наука смешались воедино, и более того — появилась коррупционная составляющая. Но с другой стороны, я встречался весной с президентом Международной социологической ассоциацией Мишелем Вевёрка, и он отметил, что как в Европе, так и во всем мире идет политизация социологии и бороться с этим практически невозможно. Политизация социологии приводит к тому, что

политики спекулируют научными данными социологических исследований и манипулируют общественным мнением. С другой стороны, социологи по каким либо причинам и при отсутствии профессиональных знаний идут на то, чтобы диктовать политикам, как нужно вести избирательную кампанию, как нужно управлять обществом. На самом деле, это соединение — настоящая профанация. Из-за этого престиж социологии, профессиональной социологии, доверие к исследованиям — падает. Согласно данным социологического исследования, которые провели в мае, доверие народа к результатам социологическим исследованиям — 45%. Это немного» (Власова 2009).

На вопрос, смог бы он сохранить объективность и честность, если бы пошел в политику, стал депутатом, еще один авторитетнейший социолог страны и, кстати, нынешний председатель комиссии САУ по этике профессор Е.И. Головаха ответил: «В кубической среде люди — кубики, а в шарообразной — шарики. Поэтому я и не иду в политики. <...> Но если бы пошел, то стал бы таким же... ездил бы на Мерседесе, отдыхал бы в лучших санаториях, у меня был бы собственный коттедж, мне бы там массаж делали бесплатно, а почему бы и нет, если положено? Я как слабый человек поддался бы всем соблазнам, а там бы мне сказали, что за это нужно платить. Нужно подписать, чтобы эти ребята получили то-то, а эти то-то. И я бы подписал, потому что неудобно отказать людям, которые так хорошо умеют обустроить твой труд, быт и досуг» (Головаха 2006).

Думаю, Евгений Иванович говорил только о себе, чисто гипотетически, без намеков. Да, слаб человек... Но только не жена Евгения Ивановича Наталья Викторовна Панина. О ней он сказал недвусмысленно: «...У нее была абсолютная беспристрастность и объективность. К ней даже подойти с предложением, противоречащим Кодексу профессиональной этики, который она сама написала, было невозможно» (Там же).

Поставим вопрос несколько иначе: много ли среди социологов свободных людей? Среди тех, кто проводит экзит-полы — ни одного. Позволить себе быть независимым исследователем может только свободный человек. А если вы обслуживаете клиентов, то ваша независимость — это, простите, вопрос цены. Только один пример. Читаю в Интернете рекламный текст, помеченный 14 октября 2009 года:

«Первый Украинский Социологический Консорциум (ПУСК) является одной из крупнейших организаций Украины, занимающейся социологическими и маркетинговыми исследованиями. Исследования проводятся как в Украине, так и странах СНГ начиная с 2004 года».

Далее говорится, что это суперпрофессиональный коллектив, который способен обслужить клиента по высшему классу. В том числе ПУСК проводит исследования предвыборных ситуаций, анализ электората партий и движений, прогноз результатов будущих выборов. Это понятно. Люди себя предлагают. Но вот в самом конце текста помещены следующие два абзаца:

«Профессиональная независимость — Мы — независимые эксперты в своей области. На нас невозможно влиять путем общественных или политических институтов, а также партий. Мы представляем объективную и независимую информацию, полученную в ходе наших исследований.

Финансовая независимость — Мы работаем исключительно по принципу самофинансирования, чтобы быть независимыми от возможных спонсоров и меценатов» (Первый украинский... 2009).

Если все так обстоит, если вы финансово независимы, и вам не нужны спонсоры и меценаты, то зачем вам клиенты? Деньги есть, научные интересы имеют место. Занимайтесь исследованиями в свое удовольствие. И тогда ни одна собака не гавкнет в вашу сторону. С вами никогда не приключится то, что регулярно случается в каждый выборный цикл с тем же КМИСом: скандал, тянут в суд, плюют в лицо, мажут грязью. Что должен думать опытный человек, читая этот рекламный брэнд, плавно переходящий в бред? Набиваете цену, господа! Самая дорогая проститутка та, которая старательно делает вид, что она верна своему супружескому долгу. В любом случае «честные социологи» всегда будут в цене.

7. А воз и ныне там

Прочитываем еще раз В.С.Бакирова: «Когда послевыборная экзальтация утихла и улеглись политические страсти, в социологической среде прошли серьезные дискуссии, которые позволили социологам сделать необходимые оценки и выводы, осознать накопившиеся проблемы методологического, организационного и, безусловно, этического характера, провести работу над ошибками» (Капсамун 2006).

Итак, лидер украинских социологов утверждает, что была проведена работа над ошибками и уроки извлечены. Сергей Алексеевич Макеев на мой прямой вопрос, был вынесен урок из этого конфликта или все по-прежнему, ответил: «Никто не забыт и ничто не забыто, в Иваны, не помнящие родства, участники не записывались. Чисто внешняя история такова: В.С. Бакиров со всеми помирился, мы опять члены САУ. Вот что, представляется мне, многие осознали: профессиональное стоит выше политического, хочешь действовать политически — действуй в одиночку, а не от имени сообщества. Крепко ли усвоен подобный урок — не знаю. Это могли бы обнаружить страсти похожего накала, но таковых в обозримом будущем не предвидится».

Все хорошо. Только, как говорил герой одного хорошего советского сериала, «сомневаюсь я». Прецеденты, подобные скандалу 2004 года (конечно, не такого размаха и накала), стали регулярно повторяться, как в фильме «День сурка». Тут даже не социологи виноваты — страна такая. Просто социологи под стать стране.

Так, в преддверие выборов президента Украины-2010 глава одной из самых авторитетных в настоящее время организаций по изучению общественного мнения «Research & Branding Group» Евгений Копатько публично высказывал опасение насчет давления и попыток исказить результаты экзит-пола. «Боюсь повторения 2004 года», — говорил он (Михельсон 2009). Во время пресс-конференции в Киеве председатель правления Института социальных исследований им. А. Яременко Ольга Балакирева заявила: «Такая же ситуация была и во время президентских выборов 2004 года». «И вот когда мы в Интернете видим, что, если бы во втором туре появился Владимир Литвин и Виктор Янукович, то Литвин победил, а если бы вышел во второй тур Литвин и Тимошенко, Литвин победил, то такие «социсследования» — это признак того, что у политиков появилось желание повлиять на электоральный результат», — сказала она (Социолог 2009). А если политики пожелают, то социологи обязательно «прогнутся». Что значит их репутация в сравнении с политическими ставками, которые делаются в период выборных игр?

Дважды в один и тот же поток не войти и все же... 17 января 2010 года состоялся первый тур президентских выборов. В 20.00 были обнародованы результаты пяти exit polls. По их данным, разрыв между Януковичем и Тимошенко составил в среднем 9%. И только консорциум «Национальный экзит-пол '2010'», в который вошли фонд «Демократические инициативы», Киевский международный институт социологии и Центр им. Разумкова, зафиксировал разницу лишь в 4%. Кажется, поправка на «оранжевый ветер» мало чем отличается от знаменитой чуриловской методики «взвешивания на коэффициент».

Кстати, на этот раз у «Национального консорциума» возникли серьезные проблемы со сбором денег на экзит-пол. Всего лишь четыре иностранные организации раскошелелись. Как сообщалось, эта акция финансировалась форумом международных доноров, в который входили Международный фонд «Возрождение» (Фонд Сороса), посольство Королевства Нидерландов в Украине, Национальный фонд поддержки демократии и Фонда Чарльза Стюарта Мотта (США). В 2004 г. «The Times» писала: «Нынешнее голосование представляет собой нечто гораздо большее, чем просто выбор преемника Леонида Кучмы. Оно рассматривается в качестве референдума, посредством которого 48 миллионов украинцев должны решить — остаться с Россией или обратить свой взор на Запад?» (Президент Украины 2004). В 2010-м Запад так не считал и без экзит-полов знал, что победит Янукович. Он даже хотел этого, учитывая ту экономическую ситуацию, в которую вогнали Украину «опытные хозяйственники» Витя и Юля. Поэтому пустил выборы на самотек: зачем бросать деньги на «оранжевый ветер»? Поэтому у полстеров возникли финансовые трудности. В 2013 году страна вошла в новый президентский цикл. Запад, убедившись в неблагонадежности В. Януковича, вновь пожелал поставить украинский народ перед «цивилизационным выбором», а значит люди из КМИСа, Центра Разумкова и «Демократических инициатив» неплохо заработают. Счастливой охоты!

Нужно ли САУ как цеховой организации социологов брать на себя ответственность и даже отстаивать репутацию частных социологических компаний, занятых бизнесом на политике — это вопрос для самой САУ. Хорошо уже то, что она дистанцировалась подальше от киевских «разборок», перенесла свою штаб-квартиру в Харьков. Но плохо то, что стратегию своего поведения в вопросах разделения науки и политики она так и не выработала. В данном случае имеется в виду «Заявление Социологической ассоциации Украины в связи с судебным иском к социологическим службам», на этот раз в поддержку КМИС: Хмелько взял-таки реванш у покойного Яременко. Особенно выглядит забавным в контексте той незначительной истории, ради которой ученые мужи от социологии взялись за стило, второй абзац этого заявления: «Судебные процессы против науки и ученых — не такая уж распространенная вещь, но они время от времени происходили. Вспомним суд святой инквизиции над Джордано Бруно, судебные процессы против эволюционной теории Чарльза Дарвина, советские процессы против биологов, историков, краеведов» (Заявление социологической ассоциации Украины... 2012). Зачем же так далеко заходить в своих воспоминаниях? В 2012 году учителя Галиции обратились в министерство образования с призывом запретить теорию Дарвина, доказывающую, что человек в ходе эволюции произошел от обезьяны. Мол, она их оскорбляет. Можно ли данное заявление САУ считать в поддержку Чарльза Дарвина и его теории? Ведь нужно как-то защищать страну и народ от наступающего мракобесия.

Фонд «Демократические инициативы» в цитированном «Заявлении» отнесен к тем организациям, которые «многократно доказывали и подтверждали свою высокую научную репутацию и объективность». Недоумение Н. Паниной, видимо, так и не было услышано. Это заявление САУ свидетельствует, на наш взгляд, о том, что внутри правления одержала верх определенная *политическая линия*, не имеющая ничего общего с позицией дистанцирования САУ от политики. Только тогда можно успешно защитить честь корпорации, когда у самой корпорации политика принципиальная. Нет, Ирины Марковны, нет Наталии Викторовны!

Суть очередного скандала в следующем. 8 октября 2012 г. были обнародованы данные общенационального исследования общественного мнения, проведенного фондом «ДИ» совместно с КМИСом. В этом исследовании отмечалось, что если бы выборы состоялись в ближайшие выходные, то за партию Наталии Королевской «Украина — Вперед!» проголосовали бы 2,1% избирателей. 11 октября партия «Украина — Вперед!» подала в Хозяйственный суд Киева иск на фонд «Демократические инициативы» и ООО «Киевский международный институт социологии ЛТД» (КМИС) с требованием опровергнуть информацию, опубликованную о рейтинге поддержки партии «Украина — Вперед!» «Мы не допустим, чтобы сейчас социологические службы манипулировали мнением людей и за них формировали будущий парламент», — сказала на пресс-конференции в медиа-центре «ДНЕПР ПОСТ» лидер этой партии Н. Королевская (Наталия

Королевская 2012). Она вела себя в соответствии с политической необходимостью. Уверен на все сто: она и не собиралась судиться с социологами. Ей достаточно было сделать шаг в эту сторону и громогласно об этом заявить, чтобы добиться своего: дезавуировать неприятные для нее данные. В горячке выборов политический факт живет ровно один день. Завтра уже никто ничего толком не помнит. Королевская отлично это знает, поэтому на пресс-конференции сказала: «Выборы закончились, и после драки кулаками не машут. Поэтому мы приняли для себя решение перевернуть эту страницу, потому что дальнейшее рассмотрение этого дела считаем абсолютно бессмысленным» (Партия Королевской... 2012). Далее она подчеркнула, что врагами ее партии являются не социологи, а нынешняя украинская власть. Ее юмор великолепен: она заработала пост министра от «ненавистной» ей власти, а господа социологи — очередной прецедент и нервотрепку. Это — момент истины. Так будет и впредь — фейсом об тэйбл — до тех пор, пока наши политические социологи будут исповедовать принцип Бурбонов: ничего не забыли и ничему не научились¹.

Подведем итоги. Политическая ангажированность, безусловно, есть. Бизнес, безусловно, есть. А наука? Вопрос для дискуссии. Вот почему И.М. Попова считала, что в рейтинговом конфликте 2004 года нет ничего профессионального, одна суета неприличного свойства. От чего наши полстеры смогут отказаться в будущем, чтобы в корне изменить ситуацию и, заодно, поправить репутацию украинской социологии? Ни от чего. Поэтому и ситуация не изменится в корне и репутация социологов будет полоскаться на ветру очередных скандалов. Таков, наверное, главный, увы, пессимистичный вывод из истории, как выразился один иностранный автор, «экзит-польного безумия». Нет Ирины Марковны, нет Наталии Викторовны... Они умели отличать службу наукой от служения науке.

---

¹ На Западе службы по изучению общественного мнения передают полученную информацию заказчику. Это, как правило, газета или телеканал. Пока результаты исследования не опубликованы, это — социологическая информация, как только они обнародованы в СМИ — политическая, и за нее несет ответственность то средство СМИ, которое произвело на свет этот политический факт. Там, где наука сталкивается с политикой, субъективизм неизбежен. В поле политики, кроме субъектов, игроков, у которых имеется цель, нет ничего и никого. Таково его свойство. Кто-то, по-моему, Александр Генис, приписал Ленину закон: кому выгодно, тот и виноват. Это вульгаризация известного ленинского высказывания. Ленин как раз выносил вопрос в гносеологическую плоскость, а здесь топорный вывод носит политико-юридический характер. Когда социологическая служба работает в тесной связке с политической организацией или под контролем политиков, ее результаты не могут не быть поставлены под сомнение. Это в порядке вещей. Так же как, например, если известно, кому принадлежит 5-й телеканал, то и отношение к передаче новостной информации складывается как к информационной политике этого канала, сколько бы не утверждали журналисты, что их хозяин дал им полную свободу. Дал свободу, взял свободу... В общем это не свобода, а поводок. Эффект свободы у исполнителя возникает тогда, когда он разделяет идеологию своего шефа: «Мы с тобой одной крови». Но это и означает политическую ангажированность.

Может, кто-то почему-то подумал, что автор имеет намерение осуждать «мэтров украинской социологии». Боже сохрани! Как говорится, не судите... Да и ничем они нас не удивили. В нашей кубической среде они — правильные кубики. Но не восхититься проявлением высокого идеализма, чести, совести и неподкупности у таких женщин, как Панина и Попова, я просто не могу. Панина и Попова, Попова и Панина... Их нет среди нас. Некому практиковать гамбургский счет.

13. ДУМА О СОЦИОЛОГИИ

О чем говорила Ирина Марковна в своей заповедной речи «Публичность социологии» на Первых Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной 10 декабря 2007 года, за полгода до ухода из жизни? Власть не считается с наукой. Социология перестала играть роль важного инструмента принятия управленческих решений. Социология потеряла в обществе статус социального института, какой у нее был в советское время. По сравнению с советским временем, социология в настоящее время деградирует. Парадокс состоит в том, что масштабы социологического образования значительно расширились, а возможность проведения сколько-нибудь значимых научных исследований свелась практически к нулю.

Те, чье сознание прочно поселилось на этаже идеологических мифов, скажут: «Этого не может быть. С 1991 года наша власть сочеталась с демократией, а демократическая власть в тысячу, в миллион раз демократичнее советской власти». А вот и нет. Бюрократия по своей природе не сочетается с народом. Нигде. Однако огромную, первостепенную роль играет классовый фактор. Правы старик Маркс и его верная последовательница И.М. Попова: отношение к собственности определяет природу власти. В новых условиях бывшая партийно-советская бюрократия оказалась наедине с гигантской государственной (общенародной) собственностью. Какой соблазн! И бюрократия с накопленным десятилетиями вождедением кинулась сочетаться с собственностью, деньгами, коррупцией. А параллельно занималась профанацией рыночной демократии, которая якобы основывается на конкуренции, «вешала лапшу на уши» этому сбиту с толку, несчастному бывшему советскому народу. Свой частный интерес она тем более выдала за государственный, что в 90-е годы либеральная идеология на все лады воспевала частный интерес как главную движущую силу цивилизации.

Власть по своей природе стремится к бесконтрольности. Везде. Бесконтрольная власть в условиях демократического механизма отбора сочетается с популизмом, заигрыванием, фальсификацией, профанацией воли народа. Гражданское общество могло бы стать противовесом власти и остановить победное шествие бюрократической революции. Но его у нас нет. Есть его синтетические заменители — СМИ, мелкотравчатые партии, инспирированные кланами, участвовавшими в разделе государства, и

шумные политические шоу на ТВ во время нескончаемых выборов в те или иные органы власти.

В одной телепередаче классик мировой мультипликации Юрий Норштейн рассказывал о своих работах и заключил: «Это было сделано еще в Советской стране, в лучшие годы для мультипликации». А ведь нечто подобное достаточно часто можно сегодня слышать от деятелей искусства, науки и спорта. Пассивная диссидентка Р. Фрумкина рассказывает в своей статье о том, что из-за нелояльности к власти она была невыездной и не участвовала в распределении благ в своем институте. И далее пишет: «При всем том мои статьи и книги регулярно издавались, в тематику моей работы никто не вмешивался, а командировки в Ленинград, где была необходимая мне экспериментальная установка, оплачивались» (Фрумкина 2007). Вот ведь как все неоднозначно. Да, был цензура, был идеологический диктат и притеснения, но предоставлялись и оплачивались государством возможности для творчества и системной работы. Сегодня об этом можно только мечтать. Следует также учесть, что многим творческим и талантливым людям отравляли жизнь завистливые коллеги по работе, которые свою личную подлую заинтересованность вкладывали в идеологические претензии компартийной власти. Это они вовремя «сигнализировали кому надо» и проявляли «партийную принципиальность» по части травли.

«Господа молодое поколение!
Беритесь за «возрождение» социологии
хотя бы в тех масштабах,
какие были в эпоху «застоя»»

Это обращение я взял из статьи коллеги и подруги Поповой Р.В. Рывкиной. Мы теперь знаем, что социология, несмотря на все препятствия, расцвела в СССР именно в период «застоя». Ну, а как в наши дни проживает социологический цех? Читаю там же:

«С распадом СССР социология оказалась под колесами рынка. Появились большие плюсы в смысле гласности, свободы расширения тематики, сферы исследований. Но возникли новые, весьма серьезные трудности, которые привели к весьма негативным, если не сказать трагическим, последствиям. Главные — распад научных школ, практическое исчезновение крупных коллективных исследований, макросоциологии. Нынче социология — это море не связанных между собой, тематически «разноперых» исследований, проводимых в большой мере под западные интересы (Рывкина 1999).

О.И. Шкаратан также настроен пессимистично: «Никакой надежды на то, что социология находится в благополучном положении, нет. <...> Если в 1960—70 гг. нас в этой науке было человек под двести, то сейчас вы не

наберете и 50 имен, которых можно отнести к числу серьезных научных кадров» (Шкаратан 2009).

С социологическим профессиональным сообществом произошло то же, что и со всем обществом: оно атомизировалось, ушло в себя, безуспешно пытается приспособиться к новым условиям. Вообще, в последние годы жизни работа давала Ирине Марковне мало поводов к радости. Все чаще ее посещали невеселые мысли. Об их характере и направлении свидетельствует, в частности, то, что она писала в статье, посвященной памяти своей московской подруги Натальи Никитичны Козловой (2002): «Обменялись мы с ней впечатлениями относительно особенностей «постсоветского» научного сообщества. Я выразила свою неудовлетворенность тем, что практически отсутствовала какая бы то ни было конструктивная реакция на мою последнюю книгу. Притом, что в самой общей форме (без всякого стимулирования с моей стороны) произносились комплименты. «Неприятно как-то, — писала я ей. — Не ждешь похвалы, а рассчитываешь хоть на какую-то реакцию — пусть даже отрицательную, выражение несогласия и т.д. А так — вроде бы ничего и не было». И еще я заметила, что мы предпочитаем замалчивать отечественных авторов, но обильно цитируем иностранных, демонстрируя «ученость» и «современность». «Такое впечатление, что друг друга мы не слышим» (Попова 2011: 28-29).

В беседе с мужем Ирины Марковны Л.Н. Курчиковым я затронул вопрос о ее отношении к тому, что ее окружало в последние годы.

АВТОР: *Я знаю, что Ирина Марковна жаловалась на своеобразное интеллектуальное одиночество. Коллеги по существу не реагировали на ее книги, статьи. Я спросил об этом у Эммы Августовны Гансовой. Она сказала, что это у Ирины Марковны возрастное. Молодежь у нас прекрасная и т. п.*

Л.Н.: Я думаю, что Ирина Марковна была неподвластна возрасту. Она и в последнее время рассуждала так же, как и раньше.

АВТОР: *В феврале 2007 года, имея в виду свою не востребуемость, Игорь Семенович Кон, которому к этому времени было 79 лет, писал своему другу в письме: «Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году, а все, сделанное после этого срока, никому уже не нужно, все сами с усами». В этой связи хочется спросить, как ощущала себя в последние годы Ирина Марковна? Было ли у нее чувство своей «несвоевременности»? Не испытывала ли она в последнее время чувства одиночества.*

Л.Н.: Нет, не ощущала. Кроме работы на кафедре, она регулярно выезжала в Институт социологии в Киеве и там активно участвовала в работе. Она просто всегда была захвачена какими-то идеями, которые со мной обсуждала. В любую свободную минуту бежала к компьютеру и записывала свои мысли. То есть у нее была творческая жизнь до самого конца.

Молодежь у нас прекрасная? Она у нас очень разная. Но и та, которая «прекрасная», функцию социального института социологии вернуть не сможет, даже если захочет. А без нее социология как наука будет и дальше влачить жалкое существование. Но что-то мне подсказывает, что «прекрасная молодежь» не захочет пробивать лбом стену. Не то поколение, не то воспитание. Покрутятся, покрутятся и слинянут на Запад.

ФЕНОМЕН И.М. ПОПОВОЙ (Вместо заключения)

Я подошел к концу повести об Ирине Марковне Поповой. Однокашник и коллега Ирины Марковны профессор Владимир Александрович Ядов сказал своему другу — Юрии Давыдове: «Это был настоящий ученый и русский интеллигент. Для него занятие своей профессией было слитно с гражданским призванием» (Давыдов 2007). Такой была и наша Ирина Марковна. Гармония нравственности и интеллекта придавали ее личности особую привлекательность. Я должен констатировать редкость, почти уникальность вымирающего на Руси такого типа личности, рожденного русским XIX веком.

Ирина Марковна вносила в нашу жизнь норму. Норму порядочности, научной этики. Она не участвовала во лжи. Она устояла под напором зла, не покорила «силе вещей». Она занимала в жизни позицию, которая в истории обозначена именем Сократа. Ее суть в тезисе: знание учит делать добро. Можно сказать пренебрежительно, что это иллюзия, а можно — что это величие человеческого выбора. Толкаться у трона ей не было резона. За эту позицию грызлись другие — номенклатурные волки от науки. Ирина Марковна создавала вокруг себя моральное поле, в котором неуютно чувствовали себя «нехорошие люди». При ней боялись делать подлости. Ее нет с нами, и кому-то стало значительно легче.

В центре повествований древнекитайских даосов стоит *подлинный человек*, или, как еще у нас переводят, *настоящий человек*. Подлинные люди у даосов жили в легендарной древности. Советская эпоха, постепенно погружаясь в пучину времени и отдаляясь от нас, становится легендарной древностью, которая была населена исключительными людьми. В чем их исключительность? В их человеческой подлинности. В личности Ирины Марковны мы столкнулись именно с этим феноменом.

«Не стоит село без праведника», — гласит русская пословица. Все эти мальчики и девочки, которые сегодня пришли учиться на социологическое отделение Одесского национального университета имени И.И. Мечникова и, в лучшем случае, что-то слышали о Поповой, и те, даст Бог, которые еще придут и уже ничего не будут о ней знать, — все они ей обязаны своим путем. Она — их родоначальница.